

С. В. Яров

Крестьянин

как

политик

Крестьянство Северо-Запада России в
1918–1919гг.: политическое мышление
и массовый протест

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

С. В. ЯРОВ

КРЕСТЬЯНИН КАК ПОЛИТИК

**КРЕСТЬЯНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1918—1919 гг.:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ**

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН
В. А. Шишкин

С.-ПЕТЕРБУРГ
1999

Сергей Викторович Яров

КРЕСТЬЯНИН КАК ПОЛИТИК

**КРЕСТЬЯНСТВО СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1918—1919 гг.:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ**

*Утверждено к печати С.-Петербургским филиалом
Института российской истории
Российской Академии наук*

Редактор издательства *С. Н. Кабитов*. Художник *Е. А. Васильева*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*. Корректор *К. Д. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Подписано к печати 31.05.99. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 10.5.
Уч.-изд. л. 11. Тираж 600. Заказ № 249

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
119034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Телефон: (812) 235-15-86; Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net

ISBN 5-86007-176-0

© С. В. Яров, 1999
© Е. А. Васильева, 1999, *оформление*
© Институт российской истории, 1999
© «Дмитрий Буланин», 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	4
Часть I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КРЕСТЬЯН ПРИ ПЕРЕХОДЕ К «ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ»	5
<i>Предварительные замечания</i>	5
1. Крестьянин и политика	8
Политическая информация и коды поведения	8
«Новый» язык и политические представления крестьян	10
2. Политические и государственные институты в восприятии крестьян	12
Советы	12
Учредительное собрание	14
Комитеты деревенской бедноты	22
Коммунистическая партия	29
Красная Армия	31
Часть II. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СОВЕТ- СКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»	39
<i>Предварительные замечания</i>	39
1. Причины и виды крестьянских волнений	41
«Неоконченные» выступления	41
Причины волнений	44
«Хаотичные» волнения	47
«Митинговые» волнения	49
Дезертирские восстания	58
2. Особенности крестьянских волнений	59
Программа и тактика	59
Инициаторы и участники	60
Подавление восстаний	63
Расправа и суд	63
Общее и особенное	66
Часть III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ДЕРЕВНЕ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА	71
<i>Предварительные замечания</i>	71
«Дело» М. Донского	72
«Дело» И. Васильева и П. Ветюшкина	76
«Дело» М. Дороничева	81
«Дело» М. Кайвы	86
Политическое следствие как инструмент идеологической унификации общества в эпоху «военного коммунизма»	88
<i>Приложение 1.</i> Справка о документах по истории северо-западного кре- стьянства в 1918—1919 гг., хранящихся в архивах г. Санкт-Петербурга (составитель С. В. Яров)	92
<i>Приложение 2.</i> Документы о крестьянском движении на Северо-Западе Советской России в 1918 г. (составление, подготовка текста и коммен- тарии С. В. Ярова)	95

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Губ ЧК	— Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
КДБ	— Комитет деревенской бедноты
КВД	— Комиссариат внутренних дел
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
ОВД	— Отдел внутренних дел ПГК
ПСР	— Партия социалистов-революционеров (эсеров)
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП(б)	— Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСДРП(м)	— Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевиков)
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СКСО	— Союз Коммун Северной области
УЧК	— Уездная Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности
ЦГАИПД	— Центральный государственный архив историко-политических документов (С.-Петербург)
ЦГА СПб.	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦК	— Центральный комитет
ЧК, Чревком	— Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности

Часть I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КРЕСТЬЯН ПРИ ПЕРЕХОДЕ К «ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ»

Предварительные замечания

Говоря о политической психологии крестьян в эпоху «военного коммунизма», нужно сделать несколько пояснений. Политические суждения, настроения, стереотипы масс по источникам прослеживаются весьма слабо. Эти источники, к тому же, противоречивы, фрагментарны и нередко тенденциозны. Вчитываясь в них, мы с трудом можем уловить живое слово самих крестьян. Говорят не они, а о них, везде ощутима примесь чужой речи. Нередко фиксируются не политические взгляды крестьян, а их политические действия. Своеобразная дешифровка, обратный перевод «бытия» в «сознание» для исследователя здесь необходимы, они неизбежно искажают неотчетливую картину массовых настроений того времени.

Эта поразительная «немота» отражает общую черту, присущую крестьянской среде начала века: крестьяне различали слабо, а иногда и вообще не воспринимали партийные программы, политическое содержание тех или иных акций властей. Они реагировали не на слова, а на реальные действия политиков, и именно на те, которые касались их непосредственно, не обращая внимания на декларируемые при этом цели. Отсюда и такая характерная примета, как неустойчивость политических взглядов крестьян. Быстрые смены их настроений прямо соотносятся с периодами экономической стабилизации в регионе, и это во многом объяснимо именно отсутствием стержневых, идеологических основ политического поведения деревни.

Примеров тому много. «Вследствие поступления, хотя и незначительных, хлебных грузов в губернию враждебное настроение населения по отношению к политике Советов резко понизилось», «...ввиду продовольственного кризиса есть большое

негодование к Советам, нашей партии», — эти два сообщения, поступившие из Новгорода в июле 1918 г.,¹ примечательны своей недвусмысленностью в объяснении причин возникновения полярных политических оценок в массах. Их подтверждают и выводы более поздних сводок (январь 1919 г.) Комиссариата внутренних дел Союза Коммун Северной области (СКСО) о том, что «политическое положение в губернии всецело связано с продовольственным вопросом».² И такое явление наблюдалось не только в новгородских уездах.³ Именно пресловутый продовольственный вопрос и склонял чашу весов в массовых симпатиях к «красным» либо к «белым», прочие же соображения при этом порой просто отсутствовали. «Были по некоторым волостям колебания под влиянием рассказов... о том, что белогвардейцы по занятии какой-либо местности снабжают население продуктами продовольствия в достаточном количестве», «...дело было в непонимании местным населением задач революции..., на котором играли наши враги, внушавшие ему... представления о всяких благах, ожидающих его с приходом немцев»,⁴ — подобные свидетельства о событиях в Петроградской и Северо-Двинской губерниях хотя и немногочисленны, но весьма показательны.

Данная работа основана на материалах Северо-Запада России — одного из крупнейших регионов страны. Политическая психология крестьян Северо-Запада в эпоху «военного коммунизма» еще не стала предметом комплексного анализа. Историки касались этой темы либо вскользь, либо ограничивались изучением только «революционного сознания» деревенских масс.⁵ В последние годы наиболее подробно и объективно политико-психологические аспекты истории аграрного движения были изучены в статье В. А. Саблина «Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы гражданской войны».⁶

Круг источников, который позволяет осветить важнейшие моменты истории крестьянства Северо-Запада, весьма широк. Это, в первую очередь, комплекс документов Комиссариата внутренних дел Союза Коммун Северной области (СКСО), хранящийся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ф. 142). Основная его часть — политические сводки, доклады и обзоры региональных, губернских, уездных и волостных органов внутренних дел. Обычно они составлялись два-три раза в месяц (на низовом уровне реже), но форма их не была унифицирована даже в пределах одной губернии. То же следует сказать и о названиях этих документов. Вот, например, некоторые из них, отмеченные Новгородским отделом внутренних дел всего только на протяжении нескольких месяцев на рубеже 1918—1919 гг.: «сведения о происшествиях», «сведения о положении губернии в политическом и продовольственном отношениях, состоянии порядка и законности», «сведения о восстаниях на почве мобилизации, рек-

визии и проч.), «сведения о положении на местах» и т. д. Губернские отчеты, несомненно, составлялись на основе сообщений, присылаемых из уездов, по преимуществу в виде информационных писем. Но иерархическое соотношение между сводками различных правоохранительных структур выявить очень сложно. Даже о простом «вертикальном» движении сводок можно говорить лишь условно. Уездные отчеты, например, направлялись не только в губернские инстанции, но и прямо в Комиссариат ВД СКСО. Основанием для этого, очевидно, были какие-то циркулярные распоряжения самого Комиссариата, о них иногда сообщается в переписке между различными подразделениями НКВД. Не исключено, что главный региональный обзор событий — «Общая сводка» Комиссариата — составлялся под воздействием источников информации разных уровней — и губернского и уездного происхождения. При сравнении «Общей сводки» с губернскими «сведениями» заметна даже чрезмерная подробность первой. Так, нередко в ней упоминаются не только отдельные волости, но даже и деревни. Губернские доклады менее фактографичны, они имеют скорее аналитический характер. Сама «Общая сводка» по Северо-Западу России регулярно два раза в месяц представлялась Иногородним отделом Комиссариата. Это был многостраничный документ, скрупулезно фиксирующий все сколько-нибудь заметные крестьянские выступления в регионе.

Косвенные свидетельства всегда требуют особой источниковедческой экспертизы, но в не меньшей степени в этом нуждаются и открытые политические декларации крестьян. Они доходят до нас преимущественно либо в составе протоколов заседаний уездных и волостных Советов, собраний и сходов, либо в виде приложений к партийным и советским документам, либо как часть донесений информаторов. О достаточной репрезентативности документов можно говорить лишь условно: информаторы или упрощают и сокращают подлинный текст крестьянских резолюций, или, пересказывая, искажают их смысл. В протоколах собраний зачастую не отражены прения. В силу этого исследователь лишь приблизительно способен оценить механизмы инициирования и поддержки оппозиционных требований.

В еще большей степени фрагментарны донесения коммунистических и советских структур, в них мало точной информации о собственно массовых настроениях крестьян, о которых органы власти нередко узнавали из вторых или даже третьих рук. Только следственные материалы, как правило, конкретны и информативны. Правда, политическое следствие уже тогда было в значительной степени фальсифицировано: сами крестьяне плохо разбирались в хитросплетениях партийных лозунгов и идеологических программ, а следователи часто искали потаенный смысл там, где о политике вообще трудно было говорить.

1. КРЕСТЬЯНИН И ПОЛИТИКА

Политическая информация и коды поведения

Дифференциация политических настроений крестьян по классовому признаку в советскую эпоху стала едва ли не аксиомой как для мемуаристов, так и для публицистов и историков-исследователей. Вследствие этого оппозиция советскому режиму большинства крестьян считалась как бы предустановленной, и потому не было особой нужды объяснять идеологические отклонения их различных слоев противоречиями военно-коммунистической практики. То, что крестьянство в эти годы не было политически единым, вполне очевидно, но водораздел между полярными политическими взглядами в его среде определялся во многом иначе, чем это предусматривалось идеологическими схемами.

Традиционным для коммунистических публицистов и функционеров было в эти годы деление сельских жителей на три группы: кулаков, середняков и бедняков. Впрочем, привычным для них был скорее антагонизм «кулаки—бедняки», о середняках вспомнили позднее, и упоминание их стало как бы полупризнанием схематичности догмы о двухполюсном противостоянии в деревне. Однако, принимая во внимание многочисленные свидетельства, мы должны говорить не о трех типах политического сознания крестьян, а о специфических, принципиальных особенностях «отклоняющегося» политического мышления и политического поведения отдельной их части. Термин «отклоняющееся» здесь условен. Он лишь подчеркивает меньшую распространенность новых форм поведения по сравнению с обычными. Но это еще не означает, что «большевицские» акции крестьян были нетипичными и нестандартными, — как раз типичного для деревни там было много. Масса «крестьян-радикалов» в основном состояла из малоимущих, но все же была довольно аморфной, нестабильной по составу и зачастую необычной по симбиозу представленных в ней течений; во всяком случае, там было достаточно много и середняков. Примечательным для этой части крестьян стало почти обязательное употребление коммунистической терминологии, но вообще-то низовое оперирование большевистскими «классовыми» постулатами нередко становилось своеобразной формой борьбы за экономические и политические привилегии, в основе которой лежало не столько имущественное деление, сколько противоречия групповых и личных интересов крестьян. Это противоборство было обычным для деревни, а в послеоктябрьское время лишь приняло характерное для тех лет обличье.

Изучая политическую психологию крестьян, необходимо затронуть вопрос об источниках их информации, поскольку их поведение во многом определяли и как сведения о местных происшествиях, так и информация, поступававшая извне.

Политические настроения в деревне формировались, несомненно, под влиянием традиционных представлений; резко отвергали крестьяне как раз нарушение и искажение традиций. Если нововведения властей и воспринимались остро, то не только потому, что они были делом «узурпаторов» или жестко осуществлялись на практике, а и потому, что разлагали обычные нормы. Отвергались, например, не повинности, а их превышение без необходимости, не налоги как таковые, а безудержный налоговый произвол. Возникавшая в результате искажения традиционных представлений крестьян их политическая реакция «дооформлялась», подкреплялась уже внешней информацией о событиях в стране. Эта информация редко была нейтральной, она, в целом, либо какой-то из своих сторон, способствовала «цементированию» политических убеждений крестьян. Характерно, что именно отсутствие этой внешней информации (а вернее, ее «правильной» интерпретации) считалось властями одной из главных причин сельских волнений.

О субъектах внешней информации конкретно говорить трудно: их обычно определяли, исходя скорее из общей направленности той агитации, которую они вели. Отсюда и фигурируют в официальных документах в качестве разносчиков слухов колчаковские агенты, некие унтер-офицеры и, разумеется, кулаки. О последних особо часто и уверенно говорили в тех случаях, когда источник внешней информации обнаруживался среди самих крестьян. Нередко о профессии информаторов политические сводки вообще умалчивали, употребляя термин «темные лица». Заметим, что в качестве информаторов назывались преимущественно те группы людей, чей статус вызывал у властей однозначно негативную реакцию: офицеры, зажиточные крестьяне и т. д. В официальных документах в этой связи крайне редко упоминаются, однако, рабочие и крестьяне-бедняки, хотя политическая благонадежность многих из них была весьма сомнительной.

Внешняя информация, как правило, отличалась определенным уровнем обобщения политической проблематики, сугубо региональные, хозяйственно-бытовые темы в ней затрагивались редко. «Из опросов местных крестьян, — писал, например, побывавший в одном из уездов Петроградской губернии поэт В. Князев, — удалось выяснить, что дачники... все время вызывали их на разговор о дефектах, беззакониях и незаконности Советской власти, о том, что она ведет страну и обманутый народ к гибели, а потому необходимо скорее свалить ее».⁷

Особую часть внешней информации составляли слухи. Они, хотя нередко и далекие от истины, довольно точно фиксировали настроения масс и были своеобразным, искаженным, преломленным через психологию низов по свойственным ей законам, но все же отражением реальной ситуации в стране. И, наконец, нельзя не упомянуть о так называемом «коммунистическом просвещении». Это уже

внешняя информация в чистом виде, к тому же в причудливом оформлении идеологических догм. Она обладала тем преимуществом, что была не спорадической, не фрагментарной, а всеобъемлющей, с необходимой долей систематизации и с присущей ей внутренней логикой.

«Новый» язык и политические представления крестьян

Информация, получаемая крестьянами, самым непосредственным образом сказалась на бытовании в их среде политической лексики.

Большинство новых терминов, имевших тогда хождение в деревне, стали употребляться уже после февраля 1917 г. Большевики значительно модифицировали некоторые из них: термин был прежним, но ему придавалась иная направленность или он обозначал иное явление. К этому примешивалась и терминологическая путаница, неизбежная в процессе адаптации среди крестьян нового словоупотребления. Слово «контрреволюционер», например, произносилось в деревне чаще прочих, но политический смысл его нередко терялся и оно использовалось просто как ругательство. Так, одному из прибывших в ноябре 1918 г. на заседание Зеленецкого комитета бедноты (Усть-Сысольский уезд Северо-Двинской губ.) «...не разрешено было присутствовать как постороннему лицу. При выходе из помещения [он] назвал участников собрания контрреволюционерами». ⁸ В Тухомицкой волости (Псковская губ.) обвинение в контрреволюции было предъявлено Холмскому уездному попечительству, сославшемуся на нехватку денег при выдаче пособий. ⁹

Мы можем представить яснее, кого крестьяне не считали контрреволюционерами. Сделать это проще всего при анализе весьма своеобразного источника — «оправдательных» записок, удостоверений и заявлений по поводу арестованных людей. «Все вышеупомянутые граждане как раньше, так и в настоящее время проживают своим личным трудом, а потому и считаем всех вышеупомянутых граждан не эксплуататорами чужого труда, не саботажниками и не контрреволюционерами, а стоящими на платформе Советской власти...», — сообщалось в удостоверении, выданном Клинским сельсоветом (Боровичский уезд Новгородской губ.) в 1918 г. ¹⁰ Почти в тех же выражениях аттестуется некий В. Климкин, за которого в январе 1919 г. заступились односельчане из деревни Заполье, Детскосельского уезда Петроградской губ. («...не спекулянт, не имеет излишки хлеба, не эксплуатирует чужого труда, средний крестьянин, а потому никогда не агитировал против Советской власти» ¹¹), и братья И. и С. Евсеевы из Новгородской губернии («...оба они ни малейшего вреда Советской власти не только не принесли, но и не хотели принести, так как происходили из чисто крестьянской семьи»). ¹²

Конечно, в том, что эти слова отражают новые убеждения крестьян, полной уверенности нет. Прочитываемые документы рассматривались их авторами прежде всего как средство облегчения участи арестованных (а в случае с Евсеевыми — оправдания расстрелянных) и в большей степени должны были учитывать лексику и самый образ мышления людей, олицетворявших власть в деревне. Но здесь примечательна настойчиво подчеркнутая уверенность в том, что крестьянское происхождение и нормативное обычное поведение как бы гарантируют невинность обвиняемых. Политическая благонадежность, по мысли крестьян, прямо проистекала из столь ценимого ими качества, как трудолюбие. Поэтому приведенные выше критерии этой благонадежности можно считать частично оформленными и крестьянской массой, хотя многие из них в упрощенном виде были просто заимствованы у коммунистов. Привнесенный извне политический термин утрачивал свою первоначальную чуждость для крестьян как раз путем наполнения его чисто крестьянскими этическими оценками. Крестьяне пользовались «классовой» терминологией отчасти бессознательно, механически (отсюда и заметная комичность некоторых формулировок), но нередко новый термин «обрабатывали», подставляли на место прежнего, близкого по значению и он становился как бы одним из элементов низового крестьянского мышления.

Крестьянские документы отчетливо показывают, как модернизировалась привычная для крестьян лексика по мере упрочения новой власти. Политические вкрапления становились в ней обязательными и потому даже объяснение тех или иных бытовых происшествий приобретало своеобразный политический оттенок. «Оскорбление я произвел товарищу красноармейцу Смирнову под травлей темных сил контрреволюции деревни Стучева... и деревни Озерев..., которые... натравливали несознательный элемент на волостной Совет и армейцев...», — показывал на следствии задержанный в Боровичском уезде А. Анисимов.¹³ Здесь ситуация, которую нетрудно представить, полностью подогнана под агитационные клише, много раз слышанные крестьянами на собраниях от заезжих и местных пропагандистов.

Обычным стало смешение понятий, придание этическим характеристикам классового оттенка. Определения «буржуазия», «зажиточный класс», «кулаки» обозначали в крестьянской среде не столько имущественное положение, сколько общее негативное отношение к кому-либо, отсюда и путаница в словоупотреблении. Показательным здесь можно счесть датированное 1918 годом письмо одного из деревенских люмпенов, К. Озолина, направленное «господину министру юстиции». В нем содержатся обвинения в адрес Совета, где «председателем состоит чиновник почтового ведомства г. Омельченко, помощником его бывший начальник станции Царскосельской

жел. дор. гр. Григеров и прочая буржуазия, как то доктор Сидоровский и прочий зажиточный класс».¹⁴

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯН

Советы

Говоря о политической психологии крестьян, мы имеем в виду их реакцию на действия органов власти, отношение к Советам, партиям, оценку политических и экономических мероприятий правительства. Отметим сразу, что крестьяне менее всего склонны были придавать самодовлеющее значение форме государственных учреждений, и это видно уже на примере их отношения к Советам.

Прежде всего подчеркнем, что многие крестьяне не воспринимали Советы как некие совершенно новые органы. Они оценивались ими, скорее, как преемники прежних структур власти. Отсюда и такие необычные явления, как попытки простого переименования (в основном в 1917 и нач. 1918 гг.) волостных земств в Советы либо образование Советов, включавших в себя избранных ранее земских гласных.¹⁵ И к земствам, и к Советам подходили чисто практически, поэтому роспуск первых зачастую мотивировался не только их связью с «февральской» системой демократии, но и тем (как это было, например, в Печорской волости Псковской губ.), что «волостное земство ничего не делало хорошего для пользы беднейшего крестьянства».¹⁶ Характерно, что на Леонтьевском волостном съезде крестьянских депутатов (Вельский уезд Вологодской губ.) 7 апреля 1918 г. «постановили признать существующую власть всероссийских съездов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, насколько они будут действовать на пользу всего народа».¹⁷ Сохранился весьма примечательный документ — письмо солдата (бывшего крестьянина), датированное сентябрем 1918 г. «Когда пала власть Временного правительства, — отмечалось в нем, — то... наши парголовские крестьяне по своей, а также и по вине царившего в то время саботажа сначала не признали Советскую власть, а признали земство, к которому они чересчур были привыкли и невольно прицепившись, благодаря эксплуатации бывшего земства и привычки действий. А когда стал у нас волостной Совет, то крестьяне не могли в него взойти, потому что они невольно провинились, почему и получили от нашего Совета звание „кулаки“».¹⁸ Во всей этой несколько путаной и неясной записке заметна, прежде всего, непринципиальность отказа от участия в Совете; очевидно, что здесь вряд ли присутствуют какие-либо политические соображения.

Не замечать разницы между двумя, казалось бы, различными типами органов власти крестьян побуждал, между прочим, и самый порядок выборов в Советы, в некоторых чертах копировавший

дооктябрьскую избирательную систему. В первые месяцы после октябрьского переворота идеологические соображения, а также прагматичные поиски политических союзников делали нецелесообразным для большевиков какое-либо серьезное ограничение избирательных прав, возвращавшее страну к эпохе «цензов». Из 24 волостных Советов, образованных в Петроградской губернии в ноябре—декабре 1917 г., 17 были избраны всем населением.¹⁹ Примечательно, что в резолюции, по сути своей антикоммунистической, принятой Каргопольским уездным съездом крестьянских депутатов в августе 1918 г., выражалось недовольство «попращанием прав Советов, выбранных прямым, равным и тайным голосованием».²⁰

Но таков был лишь ранний этап введения Советов. Отсутствие классового принципа в их построении по существу превращало их в тормоз для всеобъемлющей большевизации деревни. Для такой цели скорее подходили комитеты деревенской бедноты (КДБ), изначально формировавшиеся с цензовыми ограничениями. Эту цензовость переняли у КДБ новые, «послекомбедовские» Советы, восстановленные в конце 1918—начале 1919 г. Но парадокс состоял в том, что их крестьяне сравнивали уже не с прежними, послеоктябрьскими Советами, а с комитетами бедноты, по сравнению с которыми новые Советы были уж точно более демократическими. Таким образом, Советы вновь пришли в деревню в специфичном «демократическом» оформлении, не вызывая, во всяком случае, того повсеместного озлобления, которым провозжались комбеды.

Многие «антисоветские» волнения в то время — чаще всего реакция не на политические институты, а на лица, их представлявшие. Причем большинство крестьян-оппозиционеров выступало исключительно против местных Советов, не претендуя на большее. Судя по составленной в октябре 1918 г. НКВД «Ведомости о происшествиях» в Старорусском уезде (Новгородская губ.), почти все крестьянские выступления там были направлены только против местных Советов. Сообщалось, например, что в деревне Ияшково (Губинская вол.) некий Степан Ефимов, «будучи недоволен распоряжением Совета, вел среди населения агитацию против Губинского Совета».²¹ В Перегинской волости житель деревни Острова В. Тимофеев «вел агитацию за разгон местного Совета и оскорблял последний».²² И эти примеры можно продолжить. В деревне Большие Стражи (Череповецкая губ.) в 1918 г. крестьянин Г. Изюмов, опекая некоего Чичева, «громко выразил на собрании мысли отказаться всем от службы советской власти, если не выберут Чичева в члены исполкома».²³ «Антисоветское» выступление крестьян одной из деревень Петергофского уезда Петроградской губ. состояло в том, что они приняли резолюцию о недоверии Губисполкому за необеспечение их семенами.²⁴

Характерно, что среди тех, кто критиковал Советы, мы видим и прокоммунистически настроенных крестьян, недовольных медлен-

ными темпами сельских реформ. Эти же настроения не были чужды и работникам НКВД, обнаруживавшим в Советах и кулаков, и эсеров, и кадетов.

Особо следует сказать о разгонах Советов, практиковавшихся во время сельских восстаний довольно часто. Сохранившиеся документы не позволяют судить об этом как о протесте против политических принципов советской системы. Это можно оценить как радикальные действия против конкретных исполнителей непопулярных экономических акций. Окажись на месте Советов волостные земства или какие-нибудь иные структуры, они точно так же подверглись бы разгрому.

Учредительное собрание

Конечно, нельзя сказать, что в выпадах против Советов полностью отсутствовали политические аспекты. В это же время выдвигалось и требование передачи власти Учредительному собранию. Агитация за созыв Учредительного собрания отнюдь не ограничивалась кампанией по избранию его депутатов, проходившей в ноябре—декабре 1917 г. Голоса в его защиту были слышны даже в 1919 г., правда, они стали уже более редкими, чем раньше. Вместе с тем очень сложно определить, насколько понимали (и понимали ли вообще) крестьяне разницу между Советами и Собранием. Хотя поддержка Учредительного собрания в деревне, безусловно, существовала, ее мотивировки в крестьянских резолюциях практически отсутствовали. Обычными были формулировки наподобие той, что приведена в наказе крестьян Винницкой волости (Олонецкая губ.) 31 декабря 1917 г.: «...поддерживать всеми силами Учредительное собрание, если оно будет действительно защитником трудового народа и будет проводить то, что мы требуем».²⁵ Можно, конечно, все отнести к особенностям стиля авторов подобных резолюций, в основном социалистов, но вот что примечательно: какие-либо индивидуальные отклики и размышления крестьян по поводу Собрания отражены в документах крайне скупо. А если они что-то и фиксируют, то, как правило, возражения против Собрания. Причем эти возражения до такой степени слово в слово передают ставшую еще задолго до того канонической «антиучредилловскую» аргументацию, что возникает подозрение, не воспользовались ли здесь заранее подготовленным текстом.

Судьбу государственных институтов невозможно понять, не приняв во внимание те оценки, которые они вызывали у современников. Политическое действие лишь отчасти объясняется прагматичным расчетом, хитроумными тактическими уловками и комбинациями противоборствующих партий. Очень многое в нем зависит от настроений людей — ежедневно меняющихся и потому

ускользающих обычно и от внимательных наблюдателей — очевидцев событий и от историков. Падение Учредительного собрания — событие, относящееся равно к сферам и психологии, и политики, однако психологические аспекты «учредилловской» проблемы обсуждались не часто и пристрастно.

История северо-западного крестьянства в эпоху «военного коммунизма» изучена ныне достаточно подробно, но о политической психологии крестьян мы знаем не много. «Учредилловские» споры в крестьянской среде после разгона Собрания в 1918 г. почти не замечались историками; предполагалось, что то, что исчезло из поля зрения людей, ушло и из их сердец. Эту историографическую ситуацию, правда, менее всего можно объяснить колебаниями политической конъюнктуры, здесь в значительной мере сказались и источниковедческие трудности.

Документов об отношении крестьян к Учредительному собранию немного и почти все они датируются временем января—августа 1918 г. Как правило, это резолюции крестьянских сходов и донесения партийных и советских структур разного уровня о положении на местах.

При анализе «учредилловских» настроений деревни в 1918 г. исследователь стремится прежде всего найти ответ на следующие вопросы: отражал ли лозунг созыва Учредительного собрания именно реальные устремления крестьян либо же он был привнесен извне (как элемент внутрипартийной борьбы, оставившей, в основном, безучастными низы), и каков был механизм обсуждения и выдвижения «учредилловских» лозунгов в крестьянской среде.

Зависимость между активной пропагандой «учредилловских» идей социалистами в первой половине 1918 г. и появлением «учредилловских» резолюций крестьян очевидна. В последующие годы, когда лозунг созыва Учредительного собрания был трансформирован в расплывчатые и аморфные требования «создания подлинно всенародной власти», «устранения партийной диктатуры» и т. п., тема Учредительного собрания уже практически исчезла из повесток дня уездных и волостных собраний. Правда, в 1919 г. коммунистические публицисты и ораторы еще выступали против «учредилловцев» в деревне, но возникает впечатление, что делалось это как бы по инерции: об «учредилловских» резолюциях почти ничего не слышно. Несомненно, что сам термин «учредилловец» тогда использовался скорее как политическое ругательство, подобно тому, как в 1918 г. аттестовали «черносотенцами» социалистов.

Имеющиеся документы подтверждают, что отмеченная выше соотнесенность партийного и массового едва ли случайна. В этой связи примечательно одно «учредилловское» выступление, произошедшее в июне 1918 г. в Вологодской губернии. На основании частного примера трудно делать далеко идущие выводы. Но данный инцидент имеет одну особенность: он тщательно документирован. И если в

других случаях можно лишь высказывать догадки о механизме составления «учредилловских» резолюций, то здесь он выступает весьма отчетливо. Характерно, что о самом «учредилловском» митинге власти узнали случайно, спустя несколько недель после его проведения. Произошло это тогда, когда прибывший в Вологодскую губернию для организации и ревизии Советов инструктор А. Панковец ознакомился с документами Березниковского волостного Совета, где и обнаружил резолюцию волостного собрания следующего содержания: «Ввиду плачевных условий деревни, при наличии безработицы, голода и могущей быть братоубийственной войны, вследствие неправильной политики Совета комиссаров, решили выборы военного комиссара не производить, а требовать немедленного созыва Учредительного собрания как единственного выразителя воли народа, и по его зову мы, как один человек, встанем на защиту революционных идей».²⁶

Обратим внимание на несколько деталей. Во-первых, сама резолюция никаких собственно политических последствий не имела: она не побудила ни к смещению Совета, ни к бунту, ни к погрому военных комиссариатов. Не извлеки ее из архива дотошный инструктор, она, возможно, так и осталась бы незамеченной среди десятков других канцелярских бумаг. Во-вторых, весьма показателен стиль этой резолюции. Дело даже не в том, что по своей лексике это типично «интеллигентский» текст, лишенный характерных для низовых крестьянских документов лексических и орфографических отклонений. Здесь примечательно другое: наличие клишеобразных политических формул, ставших упрощенным, лозунговым выражением основных постулатов социалистических партий.²⁷ И наконец, в-третьих, отметим внутреннюю противоречивость этой резолюции: в ней проступает своеобразная контаминация частного и общего, вопросов организации волостного военкомата и созыва Учредительного собрания; возникает впечатление, что здесь соединены два разных по содержанию и направленности текста.

Отраженное в докладе инструктора А. Панковца Вологодскому губернскому Совету расследование березниковских событий отчасти проясняет смысл и скрытые пружины данного инцидента. Одним из первых был опрошен бывший председатель исполкома Березниковского волсовета В. П. Молоков. Его показания отличаются максимальной полнотой, и потому целесообразно процитировать их наиболее подробно: «...было собрано общее собрание гр[аждан] Березниковской волости, в числе разных вопросов, поставленных на повестку, стоял вопрос об основании волостного военного комиссариата... Обсуждая этот вопрос, собрание, имея в виду, что в волости не имеется лиц, вполне знакомых с постановкой военного дела, и хотело просить о высылке такого лица Вологодский уездный Совет. В это время взял слово гражданин дер[евни] Березняк Александр Иванович Сеничев и объяснил со-

бранию, что организовать волостной военный комиссариат, по его мнению, не следует, ввиду непродолжительной политики народных комиссаров и других явлений, как-то голода, безработицы и пр. Многие из граждан его заявление поддержали и некоторые предложили по внесенному его предложению выработать резолюцию... При голосовании этой резолюции некоторые подняли руки за выработанную резолюцию, но большинство [ли] ее голосовало — выяснить не удалось...».²⁸

Таким образом, восстанавливается следующая картина собрания: поначалу обсуждался частный вопрос о военкомате (и обсуждался достаточно спокойно, без политических манифестаций), но затем выступил некий оратор, который, затронув в своей речи волновавшие крестьян вопросы, придал собранию оппозиционный настрой. Молоков и другие опрошенные инструктором свидетели не смогли уверенно ответить, все ли участники митинга голосовали за резолюцию, но каждый из них отметил недовольство собравшихся. Характерно, что в упомянутых документах прениях вопрос созыва Учредительного собрания не обсуждался. Более того, крестьян, судя по всему, не очень-то волновало и само введение военных комиссариатов (с их специфической практикой крестьяне столкнутся позднее). Но участники собрания резко отреагировали на голод, безработицу (что лишало их побочных заработков при отходных и сезонных работах), на нестабильность в стране. Оратор, произнесший оппозиционную речь и подготовивший в том же духе резолюцию, мог и не упомянуть об Учредительном собрании: это не изменило бы ее направленности, хотя и лишило бы определенного политического стержня. Лозунг Учредительного собрания прозвучал здесь не столько потому, что был популярен среди крестьян, но потому, что именно в 1918 г. он стал показателем политизации конфликтов с властью. Политизация конфликта означала перевод массового стихийного недовольства в иной, высший регистр, и потому здесь неминуемо должны были проявиться партийная ориентация и склонность к той или иной оппозиционной политической программе. В пользу такого предположения свидетельствует и развязка березниковского инцидента. На следующий день после проведения расследования инструктор А. Панковец выступил на волостном собрании, первым пунктом повестки дня которого числился вопрос об Учредительном собрании. Канва доклада инструктора в целом следовала уже разработанной в большевистских структурах «антиучредилловской» аргументации. Он заявил о «беспощадности его (т. е. Учредительного собрания. — С. Я.) для трудового народа, т. к. последнему оно никакой защиты не окажет, лишь предоставит все выгоды капиталистам, помещикам и всем тем, кто высасывал кровь и последние соки трудящихся».²⁹ В духе его выступления была составлена (очевидно, им же) и резолюция собрания: «Вынести

порицание гр. дер[евни] Березняк Александру Сеничеву, подстрекавшего темный народ вынести резолюцию о созыве Учредительного собрания, которую большинство сознательного населения волости не могло принять, ибо не место у власти соглашателям и буржуям и всем угнетателям трудового народа. Только Советская власть может быть истинной защитницей трудового народа, т. к. представители ее избираются одними трудящимися, без участия тех лиц, которые веками угнетали бедняков... Защиту своих интересов мы можем доверить только Советской власти, выразителем воли которой являемся мы, трудящиеся...»³⁰

И все это было одобрено тем же собранием, которое несколько недель до того поддержало «учредилловские» формулировки. Документы, повествующие о данном инциденте, разумеется, не могут дать исчерпывающе однозначный ответ об отсутствии «учредилловских» симпатий у крестьян, но они указывают на их слабость и неотчетливость.

В отношении последнего показательно и донесение члена Петроградского Совета Я. И. Терентьева³¹ агитационно-пропагандистскому отделу СКСО и Петроградского Совета 12 июля 1918 г. (сохраняем стиль подлинника): «Когда разъясняешь, что обозначает Советская власть, то говорят, почему не дали собраться Учредительному собранию. Когда сделаем все доводы, то [соглашаются], но более молодые, а старики говорят [что] худой был царь, да хлеб был, но тут приходилось вступать в долгие прения. А все-таки, говорят, [что] хозяина нет».³² И здесь мы видим проявление все той же специфической символизации Учредительного собрания: о самом этом органе, о его функциях и задачах почти никто подробно не говорит. Само же Учредительное собрание оценивается крестьянами как нечто, что могло бы дать им лучшую жизнь, избавить от голода и нищеты, и эта надежда отчасти напоминает надежду на «доброе царя» или на «доброе помещика».

Везде, где выдвигается лозунг Учредительного собрания, все начинается и кончается разговорами о хлебе. Тема же Учредительного собрания возникает попутно, либо как результат «революционного» творчества партийно или политически ориентированных ораторов, либо как отголосок, своеобразная рецепция «учредилловской» агитации, в какой-то степени воспринятой крестьянами, но не осознанной ими глубоко. Отчасти объяснимы поэтому и быстрые повторные голосования без прений, и отмеченное пропагандистом «соглашательство» молодых крестьян (довольно характерное, если принять во внимание отсутствие стержневых основ их политического поведения), и ностальгические сожаления о лучшей, «справной» жизни, которыми кончались политические рассуждения пожилых крестьян.

Мы привели два наиболее подробных документа. Есть и другие. Они не столь однозначны, но, как правило, фрагментарны и

неконкретны. Общая схема «учредилловских» настроений крестьян, хотя подчас и не очень явно, угадывается все же и в этих свидетельствах. Прежде всего отметим, что крестьянство Северо-Запада встретило роспуск Учредительного собрания в массе своей достаточно равнодушно. Стихийных и широких выступлений не наблюдалось, и даже почти не зафиксированы резолюции в защиту Собрания. «Делегат был послан на защиту Учредительного собрания, теперь поддерживает народную власть и по прибытии на место организует перевыборы Совета крестьянских депутатов и земельных комитетов»;³³ «...на общегубернском съезде Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приветствуется Совет народных комиссаров и роспуск Учредительного собрания, которое не могло выразить волю народа Российской республики»,³⁴ — таков типичный рефрен донесений из разных мест Северо-Запада России.³⁵ Где-то и протестовали, но сам протест был явно слаб, не затрагивал массы крестьян, слишком быстро угасал, а во многих местах вообще не был замечен. Подчеркнем, что структуры, призванные защитить Учредительное собрание, в северо-западной глубинке отсутствовали (впрочем, в начале 1918 года они мало чем проявили себя и в столицах). Крестьянские организации, способные аккумулировать и выразить политический протест, также были раздроблены. Земства бездействовали и в десятках уездах даже ликвидировались явочным порядком. Советы далеко не везде еще были созданы, да и соотношение партийных сил в них мало благоприятствовало «учредилловцам». Но дело было не только в этом. Повторим еще раз: как правило, когда обнаруживаем сведения о каком-либо «учредилловском» выступлении, мы видим, что они инициировались оппозицией, и лишь затем «учредилловские» лозунги оформляли стихийное, низовое движение крестьянских масс, недовольных существовавшими порядками. Не случайно власти, услышав об «учредилловских» резолюциях, рьяно искали прежде всего «зачинщиков», оценивая поступки рядовых участников «учредилловских» митингов как следствие их «темноты» и не преследуя их особенно строго. Разумеется, тут сказались и убежденность, что крестьяне не могут пойти против «своей», «народной» власти.³⁶ Но имелись и реальные основания.

Отметим, что многие донесения об «учредилловских» выступлениях обнаруживают последние именно в Советах — и волостного, и уездного уровней. Так, в письме Отдела управления внутренних дел Новгородского губсовдепа в Комиссариат внутренних дел СКСО 19 июня 1918 г. прямо подчеркивалось: «Контрреволюционные элементы, пользуясь надвинувшимся на губернию голодом, и проникнувшие на волостные и уездные съезды Советов, стараются подорвать Советскую власть, употребляя лозунг „Учредительное собрание“».³⁷ Там же было отмечено, что в Старорус-

ском уезде из «поступивших в отдел протоколов Шотовского и Залучского волостных Советов выяснилось, что члены, прошедшие в волостные Советы, стоят за созыв Учредительного собрания». ³⁸ Примечательно и сообщение «Вестника областного Комиссариата внутренних дел Союза Коммун Северной области», упоминавшего в рубрике «Доклады с мест» о положении дел в Тихвинском уезде Череповецкой губернии: «Волостные Советы разношерстны и состоят из кадетов, пр[авых] с[оциалистов]-р[еволюционеров] и т. д., которые пропагандируют идею „учредилочки“». ³⁹ Эти сообщения, как и другие, приведенные выше, также оттеняют, хотя и не столь отчетливо, инициацию «учредилоческих» решений оппозицией.

Политические инициативы являлись естественной прерогативой политических институтов, и потому нет ничего необычного в том, что они по преимуществу исходили от Советов. Но вне «советских» рамок «учредилоческие» действия были крайне редки, а если и наблюдались, то нетрудно заметить в них явные отголоски партийных схваток. Так, например, в письме Отдела управления по внутренним делам Новгородского губсовдепа Отделу советского управления Комиссариата внутренних дел СКСО 4 мая 1918 г. сообщалось, что «в Старой Руссе было созвано собрание уполномоченных от волостей двух уездов, Новгородского и Старорусского... Главным руководителем этого собрания является бывший учитель, правый с[оциалист]-революционер Терещенко. Была вынесена резолюция против Совета за Учредительное собрание». ⁴⁰ Сошлемся также еще на один характерный документ — доклад агитатора А. Тарасова агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о поездке в Гдовский уезд Петроградской губернии в июне 1918 г. Им было проведено общее собрание в Выскоцкой волости, о котором он делился следующими впечатлениями: «Я выступал, и после моей речи выступил[и] правый эсер и меньшевик, которые говорили, что только единственный выход — это Учредительное собрание. После их я взял слово и доказал, что дало бы Учредительное собрание беднякам и что дала Советская власть. Но когда я возражал предыдущим ораторам, то они уже приготовили резолюцию об Учредительном собрании, а я свою. Когда они ее предложили и поставили на голосование, то я взял [слово] по мотивам голосования, в чем и сорвал такую [резолюцию]. При баллотировке собрали 127 за резолюцию и 548 против». ⁴¹

Можно было бы привести еще ряд свидетельств, и мы обнаружили бы все ту же схему. Сохранились сотни приговоров волостных крестьянских сходов и резолюций Советов различных уровней, по которым не трудно определить, что волновало крестьян. Это, прежде всего, тяжкие поборы и налоги, военные мобилизации, конфискации лошадей, скота, гужевых средств, теплой одеж-

ды. Правда, протестовали против подобных мер не всегда, и в крестьянских постановлениях нередко можно обнаружить жалобы на действия местных властей вкупе с недвусмысленно выраженной готовностью «встать на защиту революционных завоеваний». Об отношении же крестьян к Учредительному собранию мы можем собрать по крупицам лишь единичные сведения. Это не случайно, и этого нельзя объяснить лишь репрессивной политикой государственных структур, жестко пресекавших любые «учредилловские» выступления.⁴² Примечательно, что в многочисленных бунтах крестьян на Северо-Западе Советской России в 1918 г. трудно обнаружить собственно лозунги Учредительного собрания, хотя здесь мы и сталкиваемся с крайней формой именно политического протеста.⁴³

И вместе с тем полностью игнорировать значимость «учредилловских» лозунгов для крестьян нельзя. Политически неосознанный, стихийный протест крестьян, откликавшихся преимущественно на экономические акции, зачастую синтезировался в политических резолюциях, предлагавшихся оппозиционными коммунистам партиями. Разумеется, это было «верхнее» оформление низовых действий, но нетрудно обнаружить, что форма и содержание здесь не противоречат друг другу. Не слишком хорошо разбираясь в хитросплетениях «учредилловских» идей, равно как и в политических комбинациях враждующих партий, многие все же соглашались с политической критикой, исходившей от «учредилловцев», и тем самым неизбежно поддерживали «учредилловскую» программу. «Учредилловские» резолюции возникали не случайно, они являлись итогом предшествовавших им бурных прений, в которых прорывалось резкое недовольство крестьян. В достаточно сложном соотношении политических и неполитических начал «учредилловские» симпатии следует скорее оценивать как лакмусовую бумажку, которая может дать представление о критическом настрое общества.

Отметим, что альтернативой Советам, с точки зрения крестьянской массы, было не только Учредительное собрание. Происходило и возвращение, часто явочным порядком, прежних органов власти на селе (сходов, старост и т. д.).⁴⁴ Здесь, конечно, нередко проявлялся и протест против бюрократизации советских учреждений, неизбежной в условиях отсутствия разделения власти. Сход, разумеется, был более демократичен, нежели Совет, куда в первое время даже пускали не всякого; а староста, да еще назначенный из односельчан, казался привлекательнее пришлого военного комиссара, олицетворявшего для многих лишь произвол. Но было закономерно и другое: прежняя власть связывалась крестьянами с их прежним достатком. Отсюда и возникало сильное искушение вернуть прежние общественные институты как заслон против прогрессирующего обнищания деревни.

Комитеты деревенской бедноты

Советы не были единственными «официальными» центрами власти на селе. Во второй половине 1918 г. параллельно им существовали (а во многих случаях и заменяли их) КДБ — комитеты деревенской бедноты. Комбеды стали образовываться с июня 1918 г. как практическое подспорье «продовольственной диктатуре», объявленной властями в мае того же года. Круг их обязанностей сначала ограничивался хозяйственными вопросами, на них смотрели как на более эффективный инструмент налоговой политики, нежели Советы. Введение в мае 1918 г. хлебной монополии было сугубо антирыночной мерой, и это сразу отвело комбедам роль не экономического регулятора, а репрессивного органа. Последний был немыслим без каких-либо властных полномочий, а по мере обострения военно-политической ситуации и продовольственных трудностей таковых полномочий у комбедов появлялось все больше и больше. Фактически, к осени 1918 г. двоевластия (Советов и комбедов) уже не существовало, к тому же «красный террор» сентября—октября 1918 г. именно комбеды выдвинул на передний план.

Вынужденные вводить «продовольственную диктатуру» власти понимали, что рискуют оказаться один на один с враждебно настроенной деревней. Попытка расколоть ее могла умерить сопротивление крестьянства, но на «раскол» решились не только по чисто практическим соображениям. В данном случае тактику строили и с учетом большевистских догматов о непримиримых имущественных противоречиях в среде крестьян. Поэтому казалось, что достаточно лишь дать какой-то толчок, оформить административно и политически этот антагонизм, как начнется его интенсивное саморазвитие.

В действительности все оказалось сложнее. Комитеты были встречены многими крестьянами (причем не только зажиточными, но и бедняками) настороженно. Это не значит, конечно, что в деревне не было радикальных, зачастую революционных требований раздела хлеба и земли. Но сам этот раздел отнюдь не ассоциировался в сознании крестьян с какими-то новыми формами власти, речь шла лишь о том, чтобы сделать Советы более «справедливыми». Какие-то новые комитеты — почти обязательно и новые повинности, крестьяне это инстинктивно чувствовали. Нередко комбед негативно воспринимался и как орган, тормозивший анархичные акции перераспределения богатств. Примечательно, что инициатива создания КДБ проявлялась в основном сверху. Снизу поступали лишь жалобы на кулаков и зажиточных крестьян, на медленность реформ, но они никак не сопровождались предложениями о неких особых классовых структурах.

Так было сначала. Однако уже со второй половины 1918 г. хлебный кризис подвел страну к черте голода. Многочисленные правительственные декреты неуклонно подталкивали комбеды к расшире-

нию их прерогатив и ориентировали на изъятие и передел хлеба как на основные формы решения социальных проблем бедноты. Постепенно малоимущим крестьянам стало ясно, что хлеба в условиях всеобщей разрухи и анархии ждать неоткуда, и потому его изъятие — единственный путь спасения от голода. Все это способствовало ускоренному насаждению комбедов, уже не только «верхушечному», но в известной мере и низовому. В ряде случаев, правда, трудно выяснить, где единодушное голосование за комбеды было следствием политического влияния извне (агитаторов и комиссаров), а где определялось настроением массы, но в целом требования «изъять и поделить» осенью 1918 г. среди бедноты значительно усилились.

Много говорилось и писалось об инициировании большевиками военно-коммунистических акций в деревне. Безусловно, коммунистические доктрины идеологически оформляли экономический радикализм, и на практике «экспроприаторы» широко пользовались большевистской поддержкой. Но самое стремление к экономическому радикализму не было привнесено извне. Революция и последовавший за ней экономический хаос нарушили систему традиционной общинной взаимоподдержки, и правовой произвол в деревне, достигший своего пика осенью 1918 г., был для части крестьян попыткой административным, силовым путем восстановить равновесие этой системы, продолжить и укрепить общинные традиции. Парадоксально, но для них реквизиции и «учет» представлялись реанимацией обычного права, в числе прочих элементов включавшего и какие-то формы ограниченного перераспределения богатств среди крестьян. В этой связи несомненный интерес представляет обращение крестьян села Киковского Коловской волости (Олонецкая губ.) в Пудожский уездный исполком 18 июня 1918 г. Содержание этого документа обычно для подобного рода ходатайств, но в нем, как представляется, ярче обнаруживаются корни правового произвола в тогдашней деревне.

«В данный момент мы не имеем ни единого фунта хлеба, — отмечалось в письме, — купить его негде... Соседи, имеющие избытки хлеба, глумятся над нами, голодными, продавая таковой на сторону, а не нам, беднякам. На все наши... просьбы... продать хлеба, они отвечают лишь одними насмешками. Таким образом, наступил голод, что дальше делать, как взять хлеб у мародеров — мы не знаем. Остается один исход — обратиться за помощью в уездный Совет... Не дайте нам погибнуть в то время, как соседи объедаются... Вся надежда на вас: дайте нам в помощь хотя бы маленький отряд Красной Армии, только она одна сможет нас спасти от преждевременной голодной смерти. Командируйте ее, пока еще не поздно, пока еще не весь ночами распродан хлеб. Пусть она уговорит или заставит наших соседей хотя бы на время сделаться порядочными людьми и поделиться с нами в это тяжелое время

своими избытками хлеба. Мы укажем ей этих сытых хлебных королей, приютившихся у своих награбленных кубышек... Они сами обещались докормить нас до нови и притом докормить хлебом по цене не дороже 25 руб. за пуд. Между тем обещали, но не исполнили».⁴⁵

Жалобы крестьян на собственную немощь, на невозможность с помощью каких-то правовых усилий обеспечить себя хлебом постоянно звучали накануне и во время осенне-зимних «экспроприаций» 1918 г. В сентябре 1918 г. на заседании Ябургского совдепа «представительница Коложицкого комитета бедноты, указывая на необходимость усилить власть комбедов, отмечала, что при «настоящем положении они не могут бороться. Собранная рожь куда-то скрывается, молоко не попадает в семьи бедняков, так как отпускается по чрезмерно высокому ценам».⁴⁶ «Просим вас помочь в нашей нужде, мы голодны но кулаки запрятали все и смеются над бедняками», — обращались в окружном РКП(б) крестьяне села Космозера Великогубской волости (Олонецкая губ.).⁴⁷

Обратившись к документам, мы можем определить следующую схему действий бедноты, показывающую, как проявлялась низовая инициатива организации КДБ. Надвигающийся голод вынуждал бедняков все резче высказываться за учет семян, фактически предвзявший изъятие и перераспределение хлеба. Это наталкивалось на сопротивление большинства крестьян. Привычными, легальными способами (при помощи сельских сходов, Советов) сломить его не удавалось — отсюда и многочисленные просьбы прислать инструкции об организации КДБ. Интерес к комбедам у малоимущих крестьян был, очевидно, чисто практическим, все остальное, вплоть до «осознания своих классовых задач», зачастую отсутствовало. В разговорах бедняков о комбедах даже политика редко упоминалась, комитеты оценивались именно как радикальное средство экономического вспомоществования. Это, кстати, подтверждается и тем, что против комитетов возражала порой даже сама беднота. Официальные объяснения подобных случаев («влияние темноты и неграмотности», «происки кулаков», «непонимание своих интересов») не вполне точны, и обо всех причинах их мы можем только догадываться, но вот что бросается в глаза: выступления бедноты против КДБ датируются преимущественно августом—сентябром, т. е. временем сбора урожая. Учет хлеба в этой ситуации пугал уже и малоимущих, которые, как это отмечалось, например, в докладной записке Ухотского волсовета (Вытегорский уезд Олонецкой губ.) от 26 августа 1918 г., «собирая новый хлеб, не думают о будущем, не соображают того, что настоящего урожая им хватит на два-три месяца, после которых они вновь будут голодать, а кулаки успеют припрятать и распродать все свои излишки».⁴⁸

В целом крестьянская среда отнеслась к комбедам сдержанно. Случаи отказа создавать их были не редки, они характерны для многих северо-западных губерний.⁴⁹ Мотивация отказов была разной.

Одной из причин организации комбедов стала необходимость создания прокоммунистических органов власти, хотя все это и маскировалось целями не политическими, а классовыми. Отсюда и попытки унифицированного введения комбедов для всего региона, без учета особенностей социального состава населения его отдельных частей. Однако это обстоятельство, может быть, даже неумышленно, было использовано и против КДБ. «Организацию комитетов деревенской бедноты считаем недопустимой, так как благодаря уравнительному переделу земли во всем уезде прежнее деление населения на классы само собой отпало», — отмечалось в резолюции Каргопольского крестьянского съезда в августе 1918 г.⁵⁰ И такие взгляды не были единичны. Приведем как пример также телеграмму Северо-Двинского губисполкома в Наркомпрод 15 августа 1918 г.: «[Причиной задержания [комитетов] деревенской бедноты служат условия жизни северного крестьянства, где буржуазное крестьянство слишком малочисленно, в настоящее время уничтожено, беднота всеобщим уравнием земли равномерно экономически усилена...».⁵¹ Крестьянские формулировки, обосновывавшие отказы от комбедов, — «не имея в нем надобности», «за отсутствием мотивов для организации их»⁵² и прочие — учитывали, вероятнее всего, именно это обстоятельство.

Но все же ссылки на отсутствие бедноты зачастую были лишь внешним поводом к отказу от комбедов. Главной причиной была повседневная практика последних. При ее оценке в деревне уже не избегали сильных выражений. Так, в Новоладожском уезде Петроградской губернии «при производстве учета хлеба граждан деревни Маликино Василий Григорьев Варуничев обозвал весь состав комитета мазуриками и грабителями».⁵³ В ходе дознания, проведенного Ибским волкомбедом Усть-Сысольского уезда в 1918 г. стало известно, что, когда несколько красноармейцев зашли на ночлег в одну из изб, «там было народу уже много и последние сразу же заявили им жалобу на состав комитета бедноты, обвиняли его в том, что незаконно налагают контрибуции, производят реквизицию мяса и проч. ...выражали угрозы по адресу волостного комитета деревенской бедноты, как-то: „Надо бы расстрелять всех служащих в комитете“, „Когда же скоро наша сторона верх возьмет, мы тогда всех этих негодяев сметем с лица земли“ и т. д.».⁵⁴ Иногда даже сам приезд агитатора, вызвавшегося организовать КДБ, вызывал на сельских сходках возмущение. Так, например, член исполкома Вытегорского совдепа (Олонецкая губ.) сообщал, что на собрании в Ухотской волости после его доклада при явном одобрении зала «господин Миронов сделал выкрик, что ездите, хулиганничаете и больше ничего».⁵⁵ «Господин Миронов» получил резкую отповедь («Если вы существующую власть обзываете хулиганями, то вас можно обозвать еще хуже»), — ответил ему агитатор), но характернее всего то, что ком-

бед в волости еще и не действовал, и потому чувства крестьян возникли, в определенной степени, а priori.

В выступлениях крестьян против комитетов деревенской бедноты слились воедино и раздражение экономическим произволом, и личная вражда к сельским активистам, и возмущение классовым «расслоением» деревни, и, наконец, неприятие нарождавшейся «бедняцкой» бюрократии. Последнее, например, делает вполне понятной сцену, свидетелем которой оказался в ноябре 1918 г. инструктор Агитинформотдела Бологовского Совета Фирсов: «Когда я прочитал инструкцию и объяснил, что согласно ей должны быть проведены перевыборы [КДБ], то поднялся шум и крик: „Вы только и знаете, что перевыборы делать, мы не хотим иметь комитеты, у нас раньше один староста только был и то справлялся, а теперь посажен в каждой деревне комдербед, а толку никакого нет“». ⁵⁶

Крестьянские протесты не смогли предотвратить жесткого и всеместного насаждения КДБ, тем более что деревня, как уже отмечалось, встретила их очень неоднозначно. Но борьба с комитетами продолжалась на всем протяжении второй половины 1918 г., хотя и обрела постепенно специфические формы. В частности, началась нейтрализация КДБ путем интенсивного расширения их за счет всякого рода «цензовых» элементов, зажиточных и средних крестьян. В историографии это оценивалось только как средство подрыва комбедовских структур. Но думается, что дело здесь обстояло не так просто.

Уже к сентябрю 1918 г. комитеты бедноты стали приобретать отчетливые черты структур сельского самоуправления. А власть в деревне зачастую «конструировалась» традиционными способами (и Советы здесь не были исключением), с помощью «лучших», авторитетных людей. В традиционных крестьянских представлениях «справный» хозяин редко ассоциировался с бедняком. И комитеты бедноты как органы власти стали нередко создавать по старинке, не считаясь ни с какими декретами, всем сходом.

Попытки властей исправить положение путем классовой селекции комбедовских собраний не всегда были успешны, что вызывалось, в числе прочих причин, и расплывчатостью самого понятия «беднота», и отсутствием его четких критериев (в декретах они толковались довольно абстрактно). Сообщения из деревень, поступающие в местные и высшие органы власти, полны жалобами как раз на исчезновение классового принципа при подборе комитетов. Так, на общее собрание бедняков Темноборской волости (Псковская губ.) 26 июля 1918 г. «явились большинство состоятельных». ⁵⁷ В деревне Лопатино (Новгородская губ.), как следует из сводки Комиссариата внутренних дел СКСО за январь 1919 г., «Совет бедноты был кулацкий, хотя председатель Совета был бедный крестьянин». ⁵⁸ На I съезде КДБ Новоладожского уезда в сентябре 1918 г. предлагалось «весь зажиточный и кулацкий элемент выгнать из комитетов

деревенской бедноты».⁵⁹ Аналогичные явления, судя по документам, имели место и в других волостях Псковской, Петроградской и Олонецкой губерний.⁶⁰ Это и не удивительно, если принять во внимание технику проведения собраний бедноты. Примечательно сообщение комбеда с. Кируль (Северо-Двинская губ.) Усть-Сысольскому КДБ: «По окончании... собрания председателем комитета бедноты было предложено остаться членам к[омите]та б[едно]ты для обсуждения вопросов по текущему моменту, а остальным, не записавшимся в число бедняков, уйти, на что со стороны последних пошли возгласы о желании присутствовать... и даже записать всех в число бедняков... В конце концов мы... силою давления со стороны зажиточных крестьян... должны были записать всех в число бедняков».⁶¹ Кстати, формулировки «записать в бедняки», «выйти из бедняков» не столь уж редки. «Заявляем всем гражданам волости, что мы откровенно отказываемся от состава бедноты, в чем и подписуемся», — писали, например, крестьяне д. Кайтановской (Северо-Двинская губ.).⁶² Понятие «беднота» здесь определенно указывает не на имущественное положение крестьянина, а на его своеобразное «депутатство»; оно фиксирует степень его привилегированности.

К этому стоит добавить, что иногда образование комбедов происходило путем простого переименования Советов либо слияния этих двух организаций.⁶³ В северо-западных губерниях России (Новгородской, Псковской, Петроградской, Олонецкой и др.) 15,4% комитетов были назначены местными Советами, причем в Псковской эта цифра составляла 20,9%, а в Новгородской — 21,6%.⁶⁴

В создавшихся условиях утрачивался и первоначальный смысл образования КДБ как толчка к классовой дифференциации крестьян. Первые призывы к классовой борьбе на селе были услышаны еще задолго до организации комбедов, и они были восприняты в целом осторожно. Первоначально стремление расслоить крестьян было средством для устранения политической оппозиции в деревне, сильно потеснившей большевиков на выборах в Учредительное собрание. Попытки такого «разделения» вызвали резкие споры с социалистами на съездах и конференциях первой половины 1918 г. (даже левые эсеры недоумевали), но в низах еще реагировали слабо: это пока не несло особых экономических тягот. Положение изменилось, когда возникла «продовольственная диктатура» с пресловутыми комитетами бедноты. Деление на бедных и богатых тогда дало практические последствия (изъятие хлеба, наложение контрибуций), и протесты против «расслоения» как раз в низовой крестьянской среде стали звучать особенно резко. «Когда мне во время выступлений приходилось упоминать слово „кулак“, — вспоминал о событиях 1918—1919 гг. олонецкий агитатор В. Дубинкин, — то подымался невообразимый шум, раздавались крики: „У каждого есть два кулака“».⁶⁵ На Петровском волостном сходе деревенской бедноты (Опочецкий уезд

Псковской губ.) 11 августа 1918 г. один из выступавших, И. Гривнев, «обращаясь к предыдущим докладчикам, говорил, что зачем они нас раскалывают на бедняков и кулаков, мы все трудящееся крестьянство». ⁶⁶ Кстати, возмущенные голоса были слышны и там, где их менее всего ожидали. Даже «самая нищая братия, — как свидетельствовал побывавший в Лужском уезде (Петроградская губ.) С. Гурьев, — засыпала острыми вопросами: „Скажи, дорогой агитатор, доколе будем мучаться без ситца, сапог, керосину, соли, спичек? Чего же в достатке у нас? Драки! Друг другу рот... затыкаем...“». ⁶⁷

Однако говорить об абсолютном неприятии крестьянами классового расслоения мы не можем. Сохранился один из политических доносов, который в какой-то мере объясняет определенные аспекты размежевания крестьянского общества в 1918—1919 гг. Приведем его, сохраняя стиль документа, хотя и коллективного, но явно не опосредованного каким-либо стандартным образцом тогдашних «резолуций трудящихся»:

«Заявление бедняков.

На кулаков и спекулянтов Луженской волости.

В Демянский военный комиссариат.

Мы, беднейший класс Луженской волости, извещаем Демянский Совет, что в нашей волости учинилась эта агитация напротив вашей власти через кулаков и спекулянтов, особенно чрез граждан деревни Ерушково Ивана Павлова и Федора Павлова, которые перед волостным сходом ездили по деревням и подговаривали, чтоб не дать контрибуций и т. д., прямо не исполнять ваших требований, даже в Семеновскую волость ездили, в Сухую Ниву, Подолы и другие деревни, все вели свои темные дела. В этой справедливости вы можете удостовериться через начетного человека, послать в село Сухую Ниву Семеновскую волость и порозознать (так в тексте. — С. Я.), кто прессовал сено у Алексея Розгулкина. Павлов при них подговаривал для восстания и в Подолах пред волостным сходом. Это расследование вывести чрез умного человека и тайком, чтобы подавить это зло в корне. А они сейчас закупают, чтоб смять зло и его гнусное преступление, и если же они останутся в покое с этого раза, то они опять будут расставлять свои сети... Это они из-за того стараются, что за время войны наспекулятничали огромный капитал, а сейчас нажить приходится трудно и иметь хочется другой власти. Если будете преследовать таких черносотенцев, то мы всех раскопаем и будем вам выяснять. Федор Павлов кричал в Лужне против власти, даже слышал член Луженского совета деревни Беляевщина...» ⁶⁸

Здесь сразу бросается в глаза какая-то почти кровавая заинтересованность авторов доноса в тотальной «чистке» деревни. Пишут они явно не в силу некоей обременительной обязанности, во

всяком случае это далеко не безликие комбедовцы, послушно голосующие за присланные сверху резолюции. Под маской «политической бдительности» проглядывают скорее экономические интересы, недаром такое обостренное внимание вызывают даже не политические проступки (в письме они, пожалуй, отходят на второй план), а отказ от уплаты контрибуций (часть ее шла беднякам), возможность дать взятку и, разумеется, наличие капитала. Эта озлобленность по поводу имущественного достатка очень типична и для других подобных документов, мы отчетливо видим противостояние групп крестьян, сводимое отнюдь не к их политическим разногласиям, а скорее к столкновению материальных интересов.

Но дело было даже не в том, что в деревне (в т. ч. и в послеоктябрьской) все еще оставались имущественные различия с соответствующей поляризацией позиций социальных слоев. Крестьяне традиционно не воспринимали деревню единой: для одних существовало деление на богатых и бедных, для других — на прилежных и ленивых, для третьих — на справедливых и несправедливых. Эта специфическая дуальность существовала и раньше (хотя и не была отчетливо политической, какой ее сделали большевики), оттого размежевание на кулаков и бедняков не явилось для деревни столь шокирующим.

Еще раз отметим, что сама мысль перераспределения богатств возникла не только после чтения большевистских декретов. Призывы к помощи бедным, провозглашение греховности стяжания изначально были созвучны религиозно-этическим предписаниям и нормам общинной взаимоподдержки. Классовое расслоение со всеми сопутствующими ему эгалитарными акциями не могло поэтому восприниматься многими крестьянами как что-то принципиально чуждое их традициям. Точнее было бы сказать, что лишь максимализм и жестокость, проявившиеся при воплощении классовых идей в жизнь, отпугнули от них различные слои деревни, в том числе и некоторых бедняков.

Коммунистическая партия

Советы и комитеты бедноты не были единственными политическими институтами, о которых дошли до нас разноречивые суждения крестьян. Глубже понять их взгляды мы сможем, если примем во внимание и их отношение к коммунистам.

Крестьяне не очень-то вникали в детали коммунистической теории и, главным образом, воспринимали ее политико-этическую сторону. С коммунизмом непосредственно они сталкивались при организации коммун, которые, однако, были распространены мало. Сразу отметим, что партия как государственная структура тогда только формировалась, в первое время она не вызывала каких-

либо устойчивых исторических и политических ассоциаций, которыми корректировались бы массовые настроения. Реакция на коммунистические комитеты возникала зачастую лишь тогда, когда они выступали как властные структуры. На первых порах подход крестьян и к большевикам, и к эсерам был во многом свободен от партийных пристрастий — выбирали ту программу, которая казалась привлекательнее. Упомянем в этой связи хотя бы письмо Уйтенского сельского комитета, отправленное в ЦК РСДРП(б) в ноябре 1917 г.: «С покорнейшей просьбой к вам, товарищи большевики, выслать ваши программы... У нас здесь программы меньшевиков. Население волнуется — не хотят верить меньшевикам. Нам не дают ни дров, ни леса».⁶⁹ Кстати, написание адресата сего письма ярко отражает партийную неразборчивость крестьян.

В силу своей малочисленности, да и по причине отсутствия политико-государственных традиций РКП(б) не могла еще в 1918 г. конституироваться как политический центр деревни, но и тогда на партийную ячейку смотрели уже как на модификацию комбеда и оценивали ее как некое привилегированное общество. Примером могут служить факты, изложенные в донесении Позтыкеросского волвоенкома Усть-Сысольскому уездвоенкому: «22 декабря [1918 г.] было собрание вновь организованной партии. В то же время стало собираться общее собрание граждан всей волости под предлогом организации трудовой артели. Собравшаяся толпа подступила к находящейся в канцелярии волисполкома вновь организованной [ячейке] коммунистов-большевиков и с криками и угрозами [стала] вытаскивать всех за волосы и топтать, требуя объяснения, почему [их] вычеркнули из партии. И [делали это] даже кулаки, хотя никто из них в партии не состоял и никого из ячейки не вычеркивали, а только распустили ячейку из-за того, что в ней находились некоторые элементы, которые там не должны были быть».⁷⁰ Жалобы властей на «негодный элемент» в ячейках не столь уж редки,⁷¹ и даже получил известность случай, когда в Петергофском уезде один из агитаторов торопил крестьян вступать в РКП тем, что «только тот получит некоторую долю при разделе имения, кто будет членом партии».⁷²

Вместе с тем партийный аспект тех или иных политико-государственных мероприятий скорее подчеркивался оппозицией, преимущественно социалистами, но редко фиксировался в крестьянской среде. Конечно, были и особые случаи, как, например, дело Коквицкой ячейки (Яренский уезд Северо-Двинской губ.), расстрелявшей без всяких на то полномочий (не говоря уже об основаниях) нескольких крестьян, объявленных позже кулаками. Но в целом анализ исключительно «коммунистической» ответственности за состояние страны стал прерогативой эсеровских и меньшевистских активистов, крестьяне же в массе своей предпочитали

говорить в подобных случаях о Советах и комбедах. Социалисты отличались также системностью и подробностью антикоммунистической критики, тогда как реакция крестьян преимущественно возникала либо на действия отдельных лиц из числа коммунистов, либо на некоторые акции, не закамуфлированные «советской» или «комбедовской» оболочками. В выступлениях низовых организаций эсеров и меньшевиков против коммунистов явственна ориентация на политические установки руководства ПСР и РСДРП(м), аргументация и терминология очевидно заимствованы из программных платформ партий социалистов-революционеров и социал-демократов, но есть и характерные совпадения с низовой критикой со стороны крестьян. Это, в первую очередь, неприятие классовой борьбы в деревне, форсирования ее «коммунизации» и вообще всех большевистских экономических экспериментов. Нападки на коммунистов умножились в начале 1919 г., когда произошел «поворот к середняку». «Постановление VIII съезда [РКП(б)] о привлечении к строительству середняка затормозило работу волжеек, так как население говорило, что раз произошел поворот, то значит действия местных коммунистов в прошлом были не правильны», «после поворота в тактике партии... коммунистам стало работать очень тяжело, и многие нетвердые члены партии стали выходить из ячеек», — эти фрагменты выступлений на III съезде организации РКП(б) Северо-Двинской губернии (1919 г.) наглядно иллюстрируют ситуацию «поворота» в провинции.⁷³ Традицией таких поворотов становилась ограниченная легализация критики прежних форм управления. Этим и пытались воспользоваться в условиях уже фактического отсутствия свободы слова в стране все недобровольные власти. Можно предположить, что антикоммунистическая направленность их выпадов прежде всего была вызвана тем, что в центре критики оказались не комбедовские приемы изъятия хлеба (в начале 1919 г. они были узаконены введением разверстки), а инициированная скорее идеологическими, чем практическими, потребностями «коммунизация» деревни. Последнюю крестьяне были склонны связывать больше с чисто коммунистической, чем с советской или даже с комбедовской, практикой.

Красная Армия

Обострение военно-политической ситуации на Северо-Западе России усилило политическое значение еще одного института — военных комиссариатов. Сразу же после образования Красной Армии между красноармейцами и крестьянами установились напряженные, а порой и враждебные отношения. Причины здесь были отнюдь не идеологические. Прежде всего вызывал протест прямой грабег деревень армейскими подразделениями, в основном в зоне боевых действий. На съезде Хлавицких комитетов

бедноты (Холмский уезд Псковской губ.) 6 сентября 1918 г. оратор Арсентьев вынужден был давать «подробное разъяснение о Красной Армии, чем старался снять с армии незаслуженные нарекания, вызванные неблагоприятными поступками железнодорожных, партизанских отрядов и самозванцев». ⁷⁴ В докладной записке Я. Фабрициуса о причинах падения Пскова в 1919 г. откровенно отмечалось (по поводу одной из дивизий) «ненормальное и преступное отношение к крестьянам большинства частей..., которые... позволяли себе грабить беднейшее крестьянство, отбирая у них последних лошадей, пищевые продукты, деньги, чем... создавали среди крестьян враждебное отношение к Красной Армии». ⁷⁵

Однако все же не грабеж, а ненормированность военных повинностей была основной причиной неприязни крестьян к армейцам. Какая-либо правовая основа здесь практически отсутствовала, и крестьяне с трудом отличали самозванцев от постоянно наезжавших, часто даже не слышавших друг о друге комиссаров. Очередность, масштабы, самые формы взимания военных налогов мало напоминали то, с чем сталкивались крестьяне в 1914—1917 гг. и что, возможно, считали справедливым. Особо следует сказать о мобилизации людей. Деревня ориентировалась скорее на патриотические, чем на политические символы, а смена символов происходила сложным путем, особенно на Северо-Западе, где борьба с иностранными войсками перемежалась с чисто российской междоусобицей. Резолюции в поддержку РККА не столь уж редки, но, например, после принятия одной из них (на митинге в Передольской волости Лужского уезда) в сентябре 1918 г. предложивший ее агитатор, говоря об «общем впечатлении», подчеркивал: «...настроение к Советской власти и Красной Армии враждебное». ⁷⁶ В первой половине 1918 г. на армию многие вообще смотрели как на своеобразное вынужденное «отходничество». Я. Фабрициус писал в одном из своих докладов, что «красноармейцы, набранные из местного населения, не могут быть надежными солдатами, стоя на посту у родной деревни... Между красноармейцами Гдовского уезда ходят такие разговоры, что мы, дескать, будем служить только до нового хлеба, а если Советы вздумают производить регистрацию хлеба, то мы повернем штыки в другую сторону». ⁷⁷ Эта тенденция давала о себе знать и позднее. Из Вологодской губернии, например, сообщалось, что «в некоторых волостях население охотно шло на мобилизацию, ввиду тяжелого состояния населения в продовольственном отношении». ⁷⁸ Вообще же крестьяне с большой охотой записывались в различные нерегулярные соединения: в этом сказывались традиции общинной взаимоподдержки и самообороны, к тому же экономически это не очень обременяло крестьян.

Введение военных комиссариатов на фоне разыгравшихся вокруг армии споров стало непременным делом. Комиссариаты были образованы декретом Совнаркома от 8 апреля 1918 г., но форми-

рование их затянулось вплоть до осени. Первоначально задачи комиссариатов ограничивались военно-учетными и учебными обязанностями. Однако, несмотря на разъяснения, кое-кто из крестьян считал их модернизированными полицейскими участками. Еще большее число людей боялось того, что введение военкоматов приведет к унификации и, следовательно, к резкому усилению военно-мобилизационных повинностей. Опасения были настолько велики, что целый ряд волостных Советов даже резко выступил против военных комиссариатов.⁷⁹ Ситуация осложнялась тем, что по мере усиления нестабильности в деревне комиссары стали приобретать полномочия военных комендантов районов. Подчиненными им силами в основном и начали подавлять сельские восстания и беспорядки. Военный комиссариат явился, таким образом, одновременно символом и столь непопулярных воинских мобилизаций, и карательных мер по ликвидации бунтов. Этим, вернее всего, объясняется и тот факт, что именно военкоматы даже чаще, чем Советы и комитеты РКП(б), подвергались разгрому во время крестьянских выступлений.

Военные комиссариаты были в послеоктябрьской деревне одним из главных инструментов налоговой политики: с помощью вооруженной силы либо угрозы ее применения из деревни изымалась «дань». Вот почему именно в отношении к комиссариатам отчетливо сфокусировались подозрительность и недоверие, которые многие крестьяне питали к налоговым новшествам. Скажем прямо: об экономическом курсе большевиков в эпоху «военного коммунизма» крестьяне в первую очередь судили по нескончаемым реквизициям, по комбедовскому «учету и контролю» и, наконец, по эксперименту с коммунами. Учет и реквизиция хлеба болезненно воспринимались еще и потому, что их трудно было оправдать чисто идеологическими мотивами. Хлеб ведь отнимали и у тех, кто не прибегал к найму рабочей силы, и если борьба с эксплуатацией, ограниченный имущественный передел кое-где могли и не вызывать возражений, то оправдания тотальных «чисток» амбаров представлялись крестьянам явно неубедительными.

Примечательно, что уже с весны 1918 г. деревня жила в пугливом ожидании грядущих конфискаций. Документы постоянно фиксируют слухи, будоражившие крестьян, а иногда приводившие даже к восстаниям. Здесь и разговоры о приказе войскам убирать недозревший хлеб, чтобы не отдать его противнику (лето 1918 г.), и о том, что будет отобран новый урожай (сентябрь 1918 г.), и об отправке хлеба в Германию (ноябрь 1918 г.).

Реквизиция лошадей, сбор теплых вещей и взыскание «чрезвычайного революционного налога» — эти три кампании, декретированные сверху осенью 1918 г., вызвали в деревне наибольшее возмущение. Изъятие теплых вещей на нужды армии само по себе, может быть, и не спровоцировало бы столь бурную реак-

цию, к этому в целом относились довольно терпимо (прецеденты были и раньше). Но, оказавшись в пакете с другими «революционными» актами, да еще в условиях массового призыва в РККА и разгула комбедовского произвола, оно неизбежно становилось одной из болевых точек деревни. Показателен отчет о «собрании бедноты» в Бологовском уезде (Новгородская губ.) 17 ноября 1918 г.: «...Т. Удалов прочел проект резолюции о реквизиции теплых вещей и о солидарности с революционным пролетариатом Германии. Как только он кончил читать, поднялась целая буря — рев — „не хотим реквизиции, не надо нам такой резолюции, на что нам Германия“». ⁸⁰ Германия, впрочем, была упомянута здесь только к слову, оратору же кричали: «Ничего не дадим, наслушались мы ваших песен, давайте хлеба». ⁸¹

Для того, чтобы принять антианалоговые резолюции, особых усилий прилагать не приходилось. Приведем отчет об одном из собраний в Филиппогорской волости (Демянский уезд Новгородской губ.) в декабре 1918 г.: «При обсуждении вопросов председатель всякий раз старался показать умышленный смысл последних, например, он ставил вопросы так: о сборе с населения теплых вещей для армии, обращаясь к собравшимся, говорил: „Кто хочет, чтобы с него сняли последнюю шубу, тех прошу поднять руки“, ...или вопрос о чрезвычайном налоге: председатель обращался к толпе, говорил: „Кто за то, чтобы Советы взяли последнюю копейку на свои грабительские цели, тех прошу поднять руки“ и так далее в этом духе; толпою был вынесен ряд постановлений, из чего усматривается полное неподчинение Советской власти». ⁸²

Хотя при реквизициях и пытались соблюдать классовый принцип (особенно при сборе «чрезвычайного налога»), на практике это не всегда удавалось и, что характерно, сами бедняки иногда смотрели на «реквизиторов» с опаской. ⁸³ В том же отчете из Филиппогорской волости так передавали разговоры в деревне о чрезвычайном налоге: «Имущие классы ведут агитацию среди населения, говоря им, что платить налоги не надо, дескать, теперь взыщут с нас, а потом, в другой раз, ведь деньги-то Советам нужны, будут требовать и с бедняков, и масса этому охотно верит». ⁸⁴

Положение усугублялось тем, что крестьяне смутно представляли себе, куда пойдут налоги, а разъяснениям властей верили мало. Привычными стали разговоры об отправке изъятого хлеба для «тунеядцев» в города. К числу «тунеядцев» иногда относили рабочих; устойчивы эти слухи были, видимо, еще и потому, что именно рабочие составляли основную массу изымавших хлеб «продотрядников». Утверждая, что «крестьяне Ямбургского уезда в подавляющем большинстве враждебно к нам настроены», побывавший там В. Князев прямо связывал это с тем, что «излюбленными газетами являлись „Маленькая“, „Копейка“, „Листок“, во все

горло вопившие о безделии городских рабочих, о их больших заработках, легкой, веселой жизни и т. д.».⁸⁵ Трудно определить, формировала ли подобные убеждения исключительно пресса, но распространенность они, безусловно, имели. Как сообщал, например, в апреле 1919 г. в ЦК РКП(б) Северо-Двинский губком партии, «приезжая в деревню, приходится ото всех слышать одни и те же... вопросы...: „Почему рабочие города получают то или иное и больше его, почему рабочие работают меньше, чем мы“».⁸⁶

Нами отмечены (иногда предельно кратко) лишь основные черты политического мышления крестьян. Они, в определенной мере, предстают огрубленными и «коллективизированными», индивидуальное же политическое настроение любого человека всегда своеобразнее, разветвленнее, тоньше, чем это можно представить по типическим характеристикам. Однако это неизбежно и диктуется самой логикой научного исследования. Изучая типологию общественного сознания и его динамику на макроуровне, мы получаем возможность глубже увидеть их скрытые механизмы, выявить архаические структуры поведения и корреляты политических настроений людей. Вообще уловить и правильно оценить грань между *массовым* и *личным* — труднейшая задача социального психолога, здесь нет общепринятых подходов, здесь каждый действует, исходя из собственного понимания изучаемой эпохи.

¹ Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917—1918 гг.). Сборник документов и материалов. Новгород, 1957. С. 110; Переписка секретариата ЦК РСДРП(б)—РКП(б) с местными партийными организациями (март—июль 1918 г.). Сборник документов. М., 1967. С. 373.

² ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 77, л. 47 об.

³ Там же, д. 81, л. 31, 36; Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (ноябрь—декабрь 1918 г.). М., 1970. С. 207; Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь—июль 1919 г.). М., 1974. С. 213, 524.

⁴ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 53, л. 37 об.; Луциков М. А. На фронтах гражданской войны // Каторга и ссылка. 1934. № 3. С. 117.

⁵ Саутин Н. Великий Октябрь в деревне на Северо-Западе России (октябрь 1917—1918 гг.). Л., 1959; Губарева В. М. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 году. По материалам Петроградской губернии. Л., 1957; Иванов С. А. Красный Октябрь на Псковщине. Л., 1978; Космачев К. Н. Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне. Смоленск, 1970.

⁶ Саблин В. А. Политические настроения крестьянства Севера Европейской России в годы гражданской войны // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1994.

⁷ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 190, л. 5.

⁸ Комитеты бедноты в Коми крае. Сборник документов. Сыктывкар, 1958. С. 155.

⁹ Переписка секретариата... (ноябрь 1917—февраль 1918 г.). М., 1957. С. 344.

¹⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 427, л. 9.

¹¹ Там же, д. 311, л. 5.

¹² Там же, ф. 6276, оп. 4, д. 52, л. 41.

¹³ Там же, ф. 142, оп. 2, д. 427, л. 5.

¹⁴ Там же, д. 64, л. 10.

¹⁵ Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии. (1917—1918). Очерки и документы. Л., 1972. С. 119; *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель... С. 52.

¹⁶ *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель... С. 50.

¹⁷ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 239, л. 10.

¹⁸ Там же, оп. 8, д. 153, л. 72.

¹⁹ *Губарева В. М.* Борьба революционных масс Петроградской губернии за победу социалистической революции. Л., 1962. С. 147.

²⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 26 об.

²¹ Там же, оп. 8, д. 33, л. 5 об.

²² Там же.

²³ Там же, оп. 6, д. 272, л. 108.

²⁴ *Губарева В. М.* Развертывание социалистической революции в деревне... С. 70.

²⁵ *Рябков М. А.* К истории возникновения большевистской организации и Советской власти в Лодейнопольском уезде в 1917—18 гг. (Хроника выдающихся событий) // Красная летопись. 1930. № 2. С. 174.

²⁶ ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 31.

²⁷ Примечательным образцом подобного «интеллигентского» текста можно считать и постановление Вершинского волостного Совета крестьянских депутатов, принятое в августе 1918 г.: «Выразить полное недоверие центральной Советской власти, как не отражающей и не выполняющей воли трудового крестьянства, а требовать немедленного созыва Всероссийского Учредительного собрания, которому и передать всю полноту власти на строительство новой свободной жизни. Долой узурпаторскую, насильно навязавшуюся нам власть. Да здравствует Всероссийское Все-народное Учредительное собрание. Да здравствует свободная Россия» (Там же, ф. 142, оп. 7, д. 203, л. 12—12 об.).

²⁸ ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 31—32 об.

²⁹ Там же, л. 30.

³⁰ Там же.

³¹ Составлено после пропагандистской поездки по более чем 20 деревням Северо-Запада Советской России.

³² ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 45—46.

³³ Сообщение о положении в Вологодской губернии, опубликованное в информационном листке отдела «Бюро печати» № 1, январь 1918 г. (Советы в Октябре. Сборник. М., 1928. С. 205).

³⁴ Сообщение из Вятки, опубликованное информационным листком отдела местного управления НКВД. Январь 1918 г. (Там же. С. 194).

³⁵ Можно привести в качестве примера еще два из них: «Яранский уездный Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, заслушав телеграмму о роспуске Учр[едительного] собрания, постановил приветствовать роспуск, так как Учр[едительное] собр[ание] не явилось выразителем чаяний народа о мире и земле. Вся власть только Советам» (Красная газета. 1918. 17 янв.); «Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Нарвы единогласно постановил приветствовать Совет народных комиссаров за роспуск последнего оплота контрреволюции, Учредительного собрания, и третий Всероссийский [съезд] как истинного выразителя желаний народа и полновластного хозяина революционной Советской республики» (Там же).

³⁶ Отсюда и постоянное приписывание инициативы «учредилловских» выступлений кулакам: «...кулаки призывают к свержению Советов и восстановлению „учредилки“» (Сообщение о положении в Череповецкой губернии // Вестник областного Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной Области. 1918. № 2. С. 174); «Собрание было подтасовано из определенных кулаков» (Сообщение об «учредилловском» собрании в Новгородской губернии в июле 1918 г. // ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 67—67 об.).

³⁷ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 65.

³⁸ Там же, л. 65 об.

- ³⁹ Вестник областного Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области. 1918. № 2. С. 174.
- ⁴⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 67—67 об.
- ⁴¹ ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 97—98. Показательно, что и этот свидетель счел нужным отметить: «В Совете волостном находятся люди с проповедью об Учредительном собрании и ничего не делают» (Там же).
- ⁴² ЦГА СПб., ф. 12, оп. 8, д. 129, л. 65, 67—67 об.
- ⁴³ Одно из немногих свидетельств о выдвижении «учредилловских» лозунгов во время восстаний — доклад Колчановского волостного военного комиссариата о восстании в Колчановской волости Новолодожского уезда Петроградской губернии, 18—19 августа 1918 г.: «Состоялось собрание восставших..., на каком-... говорилось много об Учредительном Собрании и о свержении власти большевиков и был избран военный комитет волости» (ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 1, д. 9, л. 11—11 об., 15). Однако в ходе восстания «учредилловские» лозунги не получили оформления в политических документах повстанцев.
- ⁴⁴ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 150; д. 81, л. 9; оп. 6, д. 237, л. 197.
- ⁴⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 382—383.
- ⁴⁶ Советы в эпоху военного коммунизма. (1918—1921). Сборник документов. Ч. II. М., 1929. С. 323.
- ⁴⁷ *Машезерский В. И.* Установление Советской власти в Карелии (1917—1918). Петрозаводск, 1957. С. 186.
- ⁴⁸ Комитеты деревенской бедноты Северной области. Сборник документов. Л., 1947. С. 55.
- ⁴⁹ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 63, л. 43; д. 39, л. 6; Комитеты бедноты в Коми крае. С. 34, 39—40; *Ворожейкин И.* Яркая страница истории. О комитетах бедноты на Псковщине // На берегах Великой. Псковский литературный альманах. 1957. № 8. С. 219; *Машезерский В. И.* Установление Советской власти... С. 186.
- ⁵⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 26 об.
- ⁵¹ Комитеты бедноты в Коми крае. С. 37—38.
- ⁵² ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 63, л. 43; Комитеты бедноты в Коми крае. С. 34.
- ⁵³ Комитеты деревенской бедноты Северной области. С. 168.
- ⁵⁴ Комитеты бедноты в Коми крае. С. 147.
- ⁵⁵ Комитеты деревенской бедноты Северной области. С. 54.
- ⁵⁶ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 150.
- ⁵⁷ Там же, д. 63, л. 43.
- ⁵⁸ Там же, д. 39, л. 14.
- ⁵⁹ Там же, оп. 6, д. 237, л. 36.
- ⁶⁰ Там же, оп. 8, д. 81, л. 17; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. С. 44; Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии. С. 123, 406; Комитеты деревенской бедноты Северной области. С. 87.
- ⁶¹ Комитеты бедноты в Коми крае. С. 43.
- ⁶² Там же. С. 51.
- ⁶³ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 81, л. 30; *Розенбек К. К.* Комитеты деревенской бедноты в Псковской губернии в 1918 г. // Красная летопись. 1929. № 6. С. 216.
- ⁶⁴ *Хмелевский В. П.* Северный областной комитет РКП(б). Л., 1972. С. 117.
- ⁶⁵ В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957. С. 45.
- ⁶⁶ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 237, л. 147.
- ⁶⁷ Питерцы на фронтах гражданской войны. Сборник воспоминаний. Л., 1970. С. 238.
- ⁶⁸ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 77, л. 42—42 об.
- ⁶⁹ Переписка секретариата... (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). С. 282.
- ⁷⁰ Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае (1917—1920). Сборник документов и материалов. Сыктывкар, 1966. С. 80.
- ⁷¹ Там же. С. 17; ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 81, л. 9; д. 39, л. 20.

⁷² *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель... С. 249.

⁷³ Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае. С. 201—202.

⁷⁴ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 237, л. 45.

⁷⁵ Красная летопись. 1929. № 5 (32). С. 99—100.

⁷⁶ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 282, л. 4.

⁷⁷ Красная летопись. 1929. № 5 (32). С. 257.

⁷⁸ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 39, л. 8.

⁷⁹ *Саутин Н.* Великий Октябрь в деревне... С. 173—174.

⁸⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 138.

⁸¹ Там же, л. 142.

⁸² Там же, ф. 142, оп. 2, д. 354, л. 15.

⁸³ Там же, оп. 8, д. 81, л. 15; д. 63, л. 45 об.

⁸⁴ Там же, оп. 2, д. 354, л. 15.

⁸⁵ Там же, д. 190, л. 5.

⁸⁶ Переписка секретариата. ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (апрель—май 1919 г.). М., 1972. С. 290.

Часть II

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Предварительные замечания

Крестьянские восстания в эпоху гражданской войны на советской территории не были обойдены вниманием отечественной историографии. Правда, литература о них не очень обширна и, к тому же, имеет ряд особенностей. Специальных исследований по данной теме мало, и посвящены они, как правило, изучению крупнейших волнений.¹ О деревенских выступлениях иногда вскользь, а иногда и подробно, говорится в обобщающих работах о гражданской войне и аграрной истории России.² Но здесь они, по преимуществу, составляют как бы исторический фон эпохи, иллюстрируя противоречия между крестьянами и властями, но редко находятся в центре внимания авторов. Во многих отношениях этой историографической традиции противостоит книга известного историка М. С. Френкина, вышедшая в Иерусалиме в 1987 г.³ Ее отличает богатство фактического материала и новизна осмысления историко-аграрных проблем, изучение которых автор начинает с 1861 г. Генезис и типология крестьянского движения в целом до 1917 г. освещались весьма детально: об этом много писали А. М. Анфимов, Н. М. Дружинин, Н. Н. Лещенко, Б. Г. Литвак и другие исследователи.⁴ Правда, в советских публикациях долгое время не допускался какой-либо сравнительный анализ повстанческих движений в деревне до и после Октября, хотя наличие их связи несомненно. Прежде всего это касается традиционных форм общинной самозащиты, тактики восставших, механизмов политизации бунтов и их идеологических аспектов. Замечание А. М. Анфимова о том, что в XIX в. крестьянские волнения в основном «принимают более „равномерный“ характер, становятся

локальными и менее продолжительными»,⁵ как будет отмечено ниже, применимо и к первой четверти XX в. Однако в полной мере методика статистико-типологических исследований XIX—нач. XX вв. использована не была.

Цель автора — показать обычное крестьянское восстание 1918—1919 г., низовое и стихийное по своей сути, не отличавшееся размахом, продолжительностью или особой организацией, иными словами — восстание как «бытовое явление» военно-коммунистической эпохи. Рассмотрение темы основывается на материалах Союза Коммун Северной области (СКСО) — регионального Северо-Западного объединения, существовавшего в 1918—1919 гг. и включавшего территории Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской, Северо-Двинской и Череповецкой губерний. Крестьянские волнения 1918—1920 гг. на Северо-Западе частично освещались в литературе, но лишь попутно, в связи с изучением в региональном аспекте ряда проблем истории общества в период гражданской войны.⁶ Предметом целостного и всестороннего анализа они еще не стали. Данная работа является одной из попыток восполнить этот пробел. Особо подчеркнем, что в ней не затрагиваются крестьянские выступления в местностях, находившихся под контролем антибольшевистских сил.

В работе использовано 46 сводок, донесений, докладов и отчетов Комиссариата ВД СКСО и органов внутренних дел разных уровней Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Псковской и Череповецкой губерний, из них региональных и губернских — 24, уездных и волостных — 22. Изучены также текущая переписка Комиссариата ВД СКСО и НКВД РСФСР с губернскими и уездными Советами о положении дел на местах, стенограммы, резолюции и постановления сельских, волостных и уездных крестьянских съездов и съездов, личные письма крестьян. Были привлечены и некоторые судебные материалы по делам о так называемых «контрреволюционных выступлениях» в деревне (протоколы допросов, доклады следователей, заявления обвиняемых и свидетелей).

Общее число волнений учесть крайне сложно. Это объясняется как состоянием источников, так и степенью их доступности. В работе проанализированы данные по 26 восстаниям в Вологодской, Новгородской, Петроградской, Псковской, Олонецкой, Череповецкой губерниях. По ряду критериев (уровень массовости, каналы распространения, идеологическая программа и тактика) на основе используемых материалов вполне можно представить основные механизмы возникновения и ликвидации крестьянских волнений. Последние понимаются здесь как вооруженные или мирные выступления крестьян, приведшие к видимому неповиновению властям либо к их устранению и замене. Следует отметить, что официальные оценки чьих-либо действий как восстаний

основывались на более расплывчатых и широких критериях: таковым считалось любое сопротивление государственным органам, вплоть до принятия оппозиционных или отклонения «одобряющих» резолюций.

1. ПРИЧИНЫ И ВИДЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ

«Неоконченные» выступления

Восстания часто представляли собой многоступенчатый акт, в котором трудно, например, отделить подачу петиций от составления ультиматума, потому что одно действие неизбежно влекло за собой другое. Все зависело от того, на какой стадии мог завершиться конфликт. Вообще «неоконченные» выступления (думается, здесь уместно употребить скорее этот термин) — не редкость для того времени. Собственно, описание крестьянских выступлений 1918—1919 гг. и следует начать именно с них, ибо при скудости подробных сведений о конкретных деталях сельских волнений они позволяют лучше увидеть механизм начавшегося, но по разным причинам не состоявшегося взрыва.

Характерный пример «неоконченного» выступления — события в Михайловской волости Великолукского уезда (Псковская губ.) в «базарный день» 15 августа 1918 г. «На базаре велась усиленная агитация, — читаем в докладе «О политическом состоянии губернии с 1-го августа по 15 сентября 1918 г.» — Пошли толки о политических вопросах, Советской власти. В этот же день как раз происходила реквизиция лошадей для надобности уездной милиции. К одному из товарищей красноармейцев, несшему патрульную службу, стала подходить кучка кулаков и стала задавать вопросы: „По какому случаю Советская власть производит реквизицию лошадей?“, „Куда будут отправляться эти лошади?“ и т. д. Комиссар Иванов хотел арестовать агитаторов, но имея мало оружия с собой, пошел в помещение волостного Совета захватить людей и оружия. Толпа же стала умножаться, слышались возгласы: „Бей красноармейца, бей комиссара. Комиссара убьешь — вся организация распадется“ — характерные фразы. При дальнейшем преследовании толпы к товарищу Иванову подоспел военный руководитель Медведовской волости с красноармейцами. Видя угрожающее положение, они произвели залп вверх; толпа разбежалась».⁷

Причины столь быстрой развязки очевидны, они многое объясняют и в процессах крестьянских восстаний.

Первая из них — наличие и скорая реакция воинских частей, расположение эпицентра вспышки едва ли не напротив казарм. Другая причина — отсутствие конкретного действия в поступках толпы: возгласы и крики, столь возмутившие комиссара, можно считать скорее предпосылкой к нему, но не более; пути к отступле-

нию не были отрезаны, угрозы еще не сделали конфликт необратимым. Иными словами, крестьянам пока еще было что терять, и это, несомненно, служило для эскалации недовольства ощутимым тормозом. Третья причина — мгновенность случившейся ссоры. Не было определенной, даже хотя бы минимальной подготовки и организации, не было того, что придавало бы поведению взбудораженных людей осмысленность и логичность. И, наконец, не последняя по важности причина — отсутствие общих, «цементирующих» разнородную толпу интересов. В деревне расширению восстаний способствовали прочные, многовековые традиции общинной взаимоподдержки; там крестьянин глубже и острее чувствовал, что реквизиции на соседнем дворе не обойдут стороной и его собственный. Здесь же мы видим случайно возникший конгломерат людей; возмущение мобилизацией лошадей вряд ли могло прочно спаять их: без особых усилий можно представить половину из пришедших на базар крестьян безлошадными. Если в деревенских бунтах преобладали чисто практические мотивы (не отдать своего имущества другим), и это удешевляло сопротивление, то в данном случае мы наблюдаем, скорее, протест идеологический.

Инцидент в Михайловской волости представляет собой лишь один, хотя и характерный, тип «неоконченного» выступления. Второй, не менее распространенный, — это массовые «петиционные» хождения крестьян, как правило, в волостные и уездные центры. Собственно, о петициях можно говорить лишь условно: какую-то широкую программу у деревенских ходоков, искавших в городе защиты от произвола, обнаружить сложно. Существовало лишь недовольство по тому или другому, вполне определенному, поводу, иное, думается, вряд ли подняло бы и на какое-то время сплотило крестьян. В целом необходимо различать несколько форм «петиционного» движения. К первой из них и следует отнести пресловутые стихийные походы. Какой-то элемент организации здесь, несомненно, существовал но они все же имели спонтанный, импульсивный характер. При наличии минимального политического такта власти быстро находили общий язык с крестьянскими ходоками, и на этом обычно все и кончалось. Примером могут служить события, имевшие место в июле 1918 г. в Костьковской волости Демянского уезда (Новгородская губ.). Здесь около тысячи крестьян пришли к зданию Демянского уездного Совета требовать хлеба и семян. Но взрыв не произошел, ибо, как отмечалось в письме Новгородского ОВД в Комиссариат ВД СКСО, «после некоторых объяснений, данных председателем Совета о положении дел в продовольственном отношении, прибывшие граждане пришли в сознание и спокойно разошлись по домам».⁸

Вторая разновидность «петиционного» движения внешне оформлялась «легитимным» путем и основывалась на тогдашней правовой

практике. Это были санкционированные и созданные властями, но в дальнейшем вышедшие из-под контроля волостные и уездные крестьянские сходы. С ними чиновникам труднее было установить контакты: сюда, как правило, шли уже выборные от сельских общин, причем нередко снабженные наказами последних. Разговор получался тяжелым и долгим: общеупотребительные «агитки» помогали мало. Вот тут-то и разрушалась грань между обычной бранью и насилием, казалось, достаточно было искры, чтобы вспыхнул бунт. Так было во время инцидента в г. Холме 15 июля 1918 г.

В тот день Медовский волостной военком назначил в Холме уездный сход крестьян по вопросу о военных комиссариатах. Основанием служило постановление Медовского волостного схода, и уже сама необычность процедуры волостного вмешательства в уездные дела насторожила власти, поспешно объявившие в городе военное положение. Остановить проникновение в город депутатов, однако, не удалось, но последнее свидетельствовало отнюдь не о накале страстей: крестьяне просто остерегались быть оштрафованными «за неприбытие».⁹ На сходе, согласно докладу областного следователя ВД СКСО Глебова, «крестьяне приступили к обсуждению вопросов о комиссариатах и голоде, после некоторого обсуждения стали требовать о прибытии члена ИК Холмского уездного совета Зеленкова, чтобы он сделал им доклад, что предпринято Советом относительно продовольствия, и где в настоящее время находятся деньги, которые собраны на покупку хлеба. Зеленков ответил прибывшей от крестьян делегации, что он занят, тогда крестьяне стали носить бурный характер (так в тексте. — С. Я.) по отношению к Зеленкову».¹⁰

Надо сказать, что «бурный характер» был присущ многим крестьянским собраниям того времени, особенно в голодающих губерниях, и мало какой канцелярский отчет обходился без его упоминания. Этот сход, может быть, и не стал бы исключением и завершился бы мирно, если бы не очевидное отсутствие политического чутья у уездной верхушки; здесь явно возобладал инстинкт самосохранения, в чем наглядно убеждает последовавшая развязка. Крестьян попросили перенести митинг в другое место, им оказалась площадь возле «штаба РККА». Видимо, мотивы были убедительны, раз на это последовало общее согласие, и трудно сказать, намечалась ли здесь провокация. Предложившему перенести митинг члену уездвоенколлегии предстояло выступить перед делегатами, что, учитывая «бурный характер» собрания, он естественно предпочитал делать на виду у красноармейцев. Но эта мера не охладилась страсти и, едва закончив речь, член военколлегии уже махал фуражкой, подавая условный знак о стрельбе вверх. «Через некоторое время, — писал следователь, — послышался какой-то шум и топот и якобы выстрел со стороны крестьян, после шума и выстрела наступила паника, крестьяне стали разбегаться и ложиться, по убегающим... был открыт огонь со

стороны красноармейцев... В результате этой стрельбы оказалось 2 крестьянина тяжело раненых, которые через 2—3 часа умерли и 4 легко».¹¹

Сравнивая события в Михайловской и Медовской волостях, нельзя не увидеть в них много общего. И, что характерно, в обоих случаях мы наблюдаем почти однотипную реакцию властей на выступление масс. Дело, конечно, могло обойтись без крови и ограничиться одними криками, но кровопролитие не было случайностью.

Переход «неоконченного» восстания в бунт определялся многим. Здесь сказались влияние различных факторов, и в связи с этим следует особо упомянуть о стереотипах традиционного поведения крестьян, зачастую как бы программировавших и «одноактность» действий, и одновариантность их поступков. Отметим, что во многих случаях толпа распалась еще задолго до появления карательных отрядов. Но очевидно, что одной из основных причин незавершенности выступлений все же было оперативное и энергичное административно-военное вмешательство. Вопрос был только в быстроте проявления военной силы: многое могло удлинить или сократить время выступления, сделать его более или менее ожесточенным, но итог оставался бы прежним. Разумеется, военное вмешательство не решало проблем, но оно вынуждало массы принимать их как должное.

Причины волнений

Переходя к рассмотрению крестьянских волнений на Северо-Западе Советской России в 1918—1919 гг., остановимся в первую очередь на их причинах. Детонация сельского бунта — акт сложный, здесь нередко было переплетено второстепенное с важным, и толчком к волнениям часто служили внешне незначительные поводы. Обстоятельства каждого восстания настолько запутанны, что при анализе трудно отделить причину от следствия или увидеть логическую связь разных ступеней события; они *индивидуализированны*, вплоть до собственного кода развития. Но все же, начавшись, крестьянское выступление сразу же обнаруживало существенные «болевы́е точки» во взаимоотношениях крестьян и властей.

Одной из главных причин волнений в деревне стала реквизиция хлеба и скота либо в виде налогов, либо в рамках многочисленных чрезвычайных мобилизаций. Так, «на почве реквизиции хлеба» и из-за прочих поборов произошли восстания в г. Валдае (15 июля 1918 г.), в Боровенской волости Валдайского уезда Новгородской губернии (28 августа 1918 г.), Носовской волости Островского уезда Псковской губернии (август 1918 г.), Лажитинской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии (1 октября 1918 г.), Подберезов-

ской волости Новгородского уезда (ноябрь 1918 г.), Череповецком уезде Череповецкой губернии (декабрь 1918 г.), Боровичском уезде Новгородской губернии (конец 1918 г.), Тотемском уезде Вологодской губернии (январь 1919 г.), Тихвинском уезде Петроградской губернии (12 марта 1919 г.), Заозерской волости Маловишерского уезда Новгородской губернии (2 апреля 1919 г.), Нивской волости Старорусского уезда Новгородской губернии (4 апреля 1919 г.), Новорусской волости Демянского уезда Новгородской губернии (8—9 апреля 1919 г.).¹²

В сводках не приведены подробности этих событий, но ряд деталей заставляет предположить, что главной причиной здесь стал не налог как таковой, а скорее его ненормированность, к тому же подчеркнутая отсутствием жесткой правовой регламентации налоговых процедур. Примером последнего может служить происшествие в Канищевской волости Холмского уезда (Псковская губ.) 31 октября 1918 г. Поводом для волнений стали споры с крестьянами о количестве конфискуемого хлеба. Уездный военкомат потребовал 150 пудов хлеба, затем согласился на 50. «Но потом через некоторое время предписал представить в дополнение собранного количества еще по 100 пуд.», — сообщалось в отчете Холмского УВД за ноябрь 1918 г.¹³ Подобную картину мы можем наблюдать и во время восстания в деревне Сельцо (Старорусский уезд) 22—23 мая 1918 г. Здесь, как отмечалось в докладе следователя, «был созван сход, на который явился член Совета Карбасов и заявил, что он явился для реквизиции лишнего хлеба, срубленного леса и отобрания оружия. Когда же было сделано заявление о том, что у них лишнего хлеба не имеется, то Карбасов поправился, сказав: „Да, у вас хлеб отнимать не будут, т. к. ваша деревня градобойная“. После этого Карбасов ушел, а на сходе... произошел спор, будут или не будут отбирать хлеб, а потом и драка».¹⁴

Несомненно, здесь мы уже видим крайние проявления бурно воспринимаемой крестьянами налоговой неразберихи: в данном случае заострены, доведены почти до карикатурности недостатки налогообложения, которое повсеместно озлобляло крестьян и инициировало вспышки протеста. Но отвергался даже не столько практический инструментарий взыскания налогов, нападкам в первую очередь подвергались такие параметры налоговых операций, как перечень, очередность, масштабы и обычные приемы распределения повинностей.

Крестьяне не отказывались от уплаты налогов вообще, но без особых колебаний они соглашались лишь на те из них, которые не противоречили их традиционным политико-этическим представлениям. И это, разумеется, касалось не только целевого назначения налогов, но и механизмов их взимания. Для многих крестьян необычным и несправедливым представлялся, в первую очередь, пресловутый классовый принцип повинностей. Какие-то формы

прогрессивного налогообложения, понятно, учитывались и принимались крестьянами; в данном случае правовые нормы вполне сочетались с общинной этикой. Все изменилось, когда бедность была объявлена едва ли не главным достоинством крестьянина и стала как бы свидетельством его благонадежности. Произошла резкая деформация политического и социального статуса зажиточных слоев, граничившая, по существу, с их дискредитацией. Все это обозлило деревню, хотя возмущение и не стало всеобщим: его не всегда разделяли малоимущие, в целом выигравшие от налоговых новшеств. Минуя официозные политические интерпретации классового расслоения, мысль крестьянина выявляла прежде всего абсурдность прямой зависимости между имущественным достатком и общественной дискриминацией: зажиточность для него была, несомненно, указанием на трудолюбие и умелость. Не столько прогрессивный налог, сколько именно его абсолютизация и сопутствующая ей насильственная перемена традиционных для деревни критериев значимости людей зачастую превращали обычные налоговые процедуры в предпосылки восстаний.

Но налогообложение не было единственной причиной сельских волнений. Толчком к восстаниям нередко служило и бездействие местных властей, их неумение обеспечить нуждающихся хлебом и семенами. И этому бездействию нередко предписывали преднамеренный характер. Так, например, во время восстания в Олонце 10—11 июня 1918 г. его инициаторы, как сообщалось, «вели агитацию на местах о том, что хлеб есть, можно его достать, но будто бы этого не желает Советская власть».¹⁵ Следует заметить, что на хозяйственном положении Северо-Запада России разрушение экономических связей в 1917—1919 гг. сказалось особенно тяжело. Если в условиях натурального хозяйства в плодородных губерниях экономический коллапс страны и мог быть смягчен, то здесь от государственных поставок продуктов нередко зависела жизнь крестьянина. Нерасторопность, некомпетентность, апатия властей там, где требовалось энергичное административное вмешательство, воспринимались поэтому особенно болезненно и служили важнейшим фактором зарождения восстаний.

Еще одной причиной деревенских волнений в 1918—1919 гг. стали военные мобилизации людей. Именно они явились основным поводом для восстаний в Ручьевской волости Порховского уезда (Псковская губ.) в июле 1918 г. и в Череповецком уезде в декабре 1918 г.¹⁶ Взрыв мог проявиться на любых стадиях мобилизационных операций — от учета до призыва. Так, причиной Ручьевского восстания, во время которого был арестован волостной военный комиссариат «в полном составе», разгромлена его канцелярия и сожжены все книги, послужил учет населения в возрасте от 18 до 40 лет.¹⁷

«Хаотичные» волнения

Вернемся еще раз к событиям в деревне Сельцо 22—23 мая 1918 г. Мы прервали рассказ о них упоминанием о драке, завязавшейся на деревенском сходе после речи одного из членов уездного Совдепа. Последний, как помним, что-то напутал с налогами: то требовал реквизиций, то после возражений согласился, что их не должно быть. Конфликт возник как следствие спора между самими крестьянами, по-разному оценившими слова чиновника: как это ни удивительно, но озлобление, охватившее толпу после намеков о возможных поборах, обратилось не против него, а против людей, которые что-то или не расслышали, или не поняли. Драка быстро переросла в настоящее побоище, и уже вскоре «сильная» сторона погнала «слабую» к протекавшей неподалеку реке. Вот здесь-то им случайно и встретился другой член Совдепа, М. Фомин, приехавший на несколько дней домой. Увидев бегущих и разъяренных людей и приняв все происходившее на свой счет, М. Фомин выстрелил в толпу и побежал. Мгновенно переключилось и внимание толпы — теперь оно было обращено уже только на М. Фомина. Его догнали у соседней деревни, избили и привели назад в Сельцо.¹⁸

Политический подтекст в этом выступлении, несомненно, присутствовал, но улавливается он не из слов П. Карбасова, сразу же сообщившего в Старую Руссу о «контрреволюционном восстании» (тогда эта терминология вообще была в ходу; даже требование к властям выдать семян кое-где признавалось за антисоветское). Но во время описанных событий произошел инцидент, как бы случайный, но очень точно характеризующий и умонастроение крестьян, и политическую подоплеку волнений. «Дорогой избитый М. Фомин, — читаем в следственных материалах, — попросил напиться воды, но кто-то крикнул: „Дайте ему глыздину“, Иванов вместо воды дал М. Фомину в рот грязи со словами: „Вот тебе земля и воля“».¹⁹

Это был уже отчетливо политический выпад. Начавшись необычно, восстание, в конечном счете, некоторыми своими чертами проявило именно политическое противостояние. Правда, трудно выяснить, имеем ли мы здесь дело с оценкой революционных политических символов как таковых, или здесь присутствует обычная для тех лет идентификация их с одиозными поступками местных чиновников. В данном случае имеет место, видимо, второе, в чем убеждает переданная приездом следователем красочная картина нравов в уездных «коридорах власти». «Выяснилось, например, — писал следователь, — что в Сельце была развита карточная игра, давались в долг деньги (в разм. до 100 р.), причем означенные деньги никто и не думал спрашивать или когда-либо получить обратно. Крестьяне говорят: „Как мы будем от его спрашивать, власть-то в его руках, захочет — отберет хлеб, хо-

чет — арестует, что захочет, то и делает“. Протестовать против произвола бояться. Вообще деревня терроризирована... Были, например, такие заявления со слезами на глазах от людей, заслуживающих доверия: „Что ваше дело, вы поговорите и уедете, а мы останемся, а как вы уедете, то нас всех и расстреляют“, „мы живы, пока вы здесь“». ²⁰

В этом конфликте все смешалось и наложилось одно на другое: внутрикрестьянские трения и неприязнь к комиссарам, отсутствие политической культуры и страх перед репрессиями. Кажущаяся иррациональность и была внешним проявлением этих противоречий, она соответствовала психологическому подтексту крестьянской оппозиционности, где нередко эмоциональное брало верх над рассудочным, а индивидуальное подавлялось массовым. Политическое недовольство было одним из мотивов восстания, которое не стало, однако, отчетливо политическим. Противостояние приобрело скрытые формы: здесь не видно политической программы, не устранялись и государственные структуры. На этом инциденте в деревне Сельцо лежит печать какой-то бытовой ссоры; во всяком случае, трудно провести границу между политической и бытовой сторонами происшествия. Вернее было бы сказать, что в тех формах, по тому сценарию, которые были присущи бытовым конфликтам, и развивался политический спор.

Еще одним из примеров таких «хаотичных» волнений, ступени или этапы которых были не связаны между собой логически, а как бы переставлены, можно счесть волнения в Славитинской волости Старорусского уезда. Начались они с ареста красноармейцами 10 июля 1918 г. в деревне Щуры руководства волостного Совета. Были задержаны председатель Совета И. Голубев с сыном, а также секретарь Совета И. Лебедев. ²¹ С точки зрения уездных властей, эти люди были самозванцами, ибо незадолго до того они отстранили и вынудили скрыться прежнего председателя волсовдепа, причем сам «переворот» осуществлялся под антибольшевистскими лозунгами. Поводом для него послужили, видимо, какие-то споры о введении военкоматов (об этом есть упоминания в следственных материалах), массовое недовольство которыми и поставило И. Голубева во главе Совета. Однако заточение длилось недолго: оповещенные родными узников крестьяне близлежащих сел, вооружившись и придя в Щуры, угрозами заставили освободить их. ²² На этом все могло и закончиться, оставшись лишь яркой иллюстрацией массового правосознания военно-коммунистической эпохи.

Инцидент в Щурах, однако, получил неожиданное продолжение. После освобождения арестованных, сообщилось в докладе Новгородского ОВД в СКСО 30 июля 1918 г., «в толпе был пущен... слух, что будто бы из Руссы по жел. дороге едут красноармейцы косить рожь у местных граждан. Подстрекаемые Голубевым и сельским председателем д. Щуры Иваном Васильевичем Шефовым, некото-

рые граждане деревень Шуры, Вояжи и Кленовицы, вооруженные огнестрельным и холодным оружием, направились на станцию Волот в районе Городецкой волости, возбуждая и увлекая за собой граждан попутных деревень этой волости. Придя на Волот в тот же день, 10 июля, толпа обезоружила охрану, сделала на станции обыски, препятствовала движению поездов и угрожала служащим расстрелами... Пробыв на Волоте до 12 часов дня 11 июля, толпы восставших, в которых уже были граждане приблизительно из 30 окружающих деревень, собравшиеся с оружием по призыву начавших восстание, отправились по полотну железной дороги в сторону разъезда „Взгляды“ по направлению к Руссе, на Волоте же осталась небольшая часть для „охраны“». ²³

Расширению восстания способствовала, несомненно, военно-политическая нестабильность в регионе: слухи, взбудоражившие массу, не могли не возникнуть, учитывая близость фронта. Кроме того, первый акт разыгравшейся драмы оставил как бы нереализованной энергию восставших, их «повстанческий» потенциал, поскольку победа была очень уж быстрой. Да и проблем в деревне накопилось слишком много, чтобы у крестьян, охваченных эйфорией успеха, не возникло искушения «дорешить» хотя бы часть их в свою пользу. Начавшемуся бунту был нужен лишь дополнительный импульс. Упомянутые Голубевым слухи и стали причиной второго акта конфликта, а неприязнь к Красной Армии, с которой многие в то время связывали грабежи, поборы и мобилизации, только ускорила его.

При беглом взгляде на эти события арест в Шурах, послуживший завязкой драмы, кажется почти что ее побочным эпизодом. Действительно, он оказал какое-то влияние на ход событий, но явно не определил того, что случилось позднее. Вообще говоря, внешняя хаотичность шурского восстания — мнимая, она подготовлена и даже оформлена спецификой местных условий, но в конечном счете, как видим, обнаруживает именно основные «болевые точки» тогдашней деревни.

«Митинговые» волнения

От описанных выше волнений несколько отличаются те, которые условно можно назвать «митинговыми». Один из наиболее характерных их типов — крестьянские походы к волостным и уездным центрам, с последующими сходами и столкновениями с красноармейцами. О них мы уже упоминали в связи с «неоконченными» восстаниями. События в Вытегорском уезде в начале 1918 г. напоминают выступление крестьян в Холме. Поводом для волнений стало решение Девятинского волостного Совдепа предъявить вытегорским властям следующие требования: 1) разрешить свободную торговлю; 2) возвратить деньги, собранные волостью для закупок

продуктов; 3) отменить единовременный поимущественно-подходный налог; 4) выдать хлеб нуждающимся. Об этом сразу же узнали в соседней Вытегорской волости, и на 4 июня в Вытегре было назначено общее волостное собрание для обсуждения девятинской резолюции. Как и во время событий в Холме, за неприбытие грозили штрафами, правда, уже не денежными, а натуральными. Местом собрания выбрали площадь рядом с почтой. Вытегорские руководители, в отличие от холмских, не рискнули пренебречь просьбой посетить митинг, хотя к трибуне решились пройти лишь немногие из них. Сам же ход собрания напоминал холмский вариант почти в деталях. «Толпа вначале вела себя спокойно, — сообщал позднее член Президиума уездного Совета Мехнецов, — но после речи Рулева, направленной против советских организаций, заволновалась. Когда комиссар по продовольствию [Аристаров] начал обрисовывать продовольственное дело и указал, что уезд не может заготовить хлеба помимо Губернской уездной продовольственной коллегии, гр. Семенов прервал его выкриком: „Хлеба заготовить не можете, а обирать нас можете...“. Т. Аристаров принужден был покинуть трибуну».²⁴

Далее происходила неуклонная «электризация» уже взвинченной толпы, взорвать которую мог даже внешне незначительный и случайный инцидент, едва бы обративший на себя внимание в иной ситуации. На этот раз хрупкое равновесие нарушило появление патруля из 5—6 солдат, совершавшего обычный обход городских улиц. Этого было достаточно. С криками «зачем пришли красноармейцы» толпа примерно из 100 человек попыталась разоружить военнослужащих. Раздались выстрелы, нападавшие побежали назад. Патруль быстро скрылся. Собрание возобновилось, но приобрело уже явную антибольшевистскую окраску. Часть членов Совета была разоружена, пресловутый Семенов поднялся на трибуну и начал «говорить о налоге, о передаче власти от уездного городскому Совету, о разоружении красной гвардии».²⁵

При таком повороте событий уездным властям было уже не до «агиток». Вновь появившиеся на площади (на этот раз не случайно) красноармейцы с помощью винтовок и пулеметов быстро разогнали митинг; в тех, кто бросал камни или пытался атаковать солдат, стреляли в упор.

Диапазон действий крестьян в Вытегорской волости был заметно шире, нежели в Холмских событиях. Массе была свойственна и большая сплоченность, и специфическая «агрессивность»; во всяком случае, можно говорить даже об определенной «устойчивости» митинга. И это не случайно: очевидное влияние на ход событий здесь оказывало сложившееся в Вытегре шаткое двоевластие. Все выходы комиссаров «в народ» и увещевания толпы проводились с явной оглядкой на городской Совет, большинство которого, согласно официальным документам, состояло «из купцов» (что по терминологии

того времени означало враждебность коммунистам). В начале 1918 г. ориентация на внешне легитимные формы разрешения конфликтов, во всяком случае в рамках советских институтов, хотя и значительно ослабла, но не была еще полностью утрачена. Кстати, последнее во многом определялось как раз наличием сильной «советской» оппозиции. Здесь разгон крестьян уже не мог быть столь уверенно, как во время холмского инцидента, обоснован тезисом о защите «советской законности», поэтому окончание восстания и напоминает подавление военного переворота. «Толпа разбежалась. Придя в поместье красновардейцев, председатель Совета с военным комиссаром и случившимися тут некоторыми партийными работниками решили образовать военно-революционный комитет. Городской совет... был распущен и для управления городом был назначен комиссар»,²⁶ — таков оказался итог вытегорских событий.

Еще одним источником «митинговых» волнений был созыв нелегальных, не санкционированных властями крестьянских сходов. В связи с этим необходимо упомянуть о нелегальном крестьянском сходе в Луженской волости Новгородской губернии в декабре 1918 г.

Идея для проведения схода возникла благодаря развернувшейся тогда же, в декабре 1918 г., кампании по перевыборам Демянского уездного Совета. Так, с 14 по 17 декабря состоялись волостные сходы в соседних с Луженской волостях — Филиппогорской, Семеновской и Домашевской. Возможно, что часть делегатов Луженского схода и не очень-то осознавала его нелегальный характер и едва ли могла отличить обычные повестки на сход от «контрреволюционных». Хотя повестка схода в следственных материалах сохранилась, ее содержание вряд ли позволило бы непосвященным заподозрить здесь что-либо необычное. «Крестьяне деревни Выдерки просят окружные деревни придти в село Лужно 14 декабря (нового стиля) для обсуждения вопроса по поводу мобилизации лошадей» — именно такие приглашения на сход были разосланы его участникам.²⁷ Примечательно, что из деревни Калиты, где успели оповестить жителей о «незаконности» собрания, никто 14 декабря не пришел.²⁸

Надо отметить, что анонимные повестки не были в то время редкостью. В том же 1918 г. волостные сходы в Холме, Вытегре, в Кирилловском уезде и других местностях закончились столкновениями с красноармейцами, и то, что крестьяне пришли на них по неведомо кем написанным повесткам, особо отмечалось в документах НКВД.²⁹ О подготовке нелегального схода уездные чиновники и в этом случае узнали слишком поздно. Председателю Луженского Совдепа П. Кузнецову известие пришло лишь накануне, когда он был по делам в деревне Калиты.³⁰ Сразу же по возвращении в Лужно П. Кузнецов собрал членов Совета и военкомиссариата и сообщил об услышанном. Было решено немедленно оповестить Демянский уездный Совет и просить его «о содействии и прекращении самочинья, собрания подпольного характера контрреволюционного свой-

ства». ³¹ В Демянск направили «для личного доклада» члена волостного исполкома Пенкина.

После столь энергичного зачина волостные власти, однако, никаких чрезвычайных мер не предпринимали. Утром 14 декабря члены волостного исполкома без всяких опасений пришли на работу, «не придавая вначале серьезного значения этому собранию». ³²

Около 11 часов утра здание Совета было уже занято толпой крестьян. Первые из них пришли из деревни Ямника, постепенно к ним присоединялось все большее число людей. На вопрос П. Кузнецова, кто они такие и почему явились без разрешения, ему ответили: «Мы сами пришли заявить протест против мобилизации лошадей». ³³ Примечательно, что о каких-либо повестках здесь уже не упоминали, и вообще все стало отчетливо принимать привычную для крестьян «петиционную» форму. Объяснения П. Кузнецова с крестьянами вылились в импровизированный митинг и собственно «диалогическая» часть конфликта на этом завершилась. Крестьяне разошлись, но достигнутое успокоение оказалось недолгим.

Вторая фаза событий 14 декабря была куда менее мирной. Вот ее протокольное изложение, зафиксированное следователем ЧК: «По возвращении [членов Совета] с обеда ...обнаружилась та же толпа в большом размере и здесь уже никакие... извещения не помогли, толпа требовала опять разрешить собрание... Видя, что данной толпой руководит какая-то личность или несколько личностей, председатель Кузнецов пытался выяснить этих личностей и обратил внимание на одного ближе стоящего человека..., оказавшегося впоследствии из граждан Семеновской волости. На вопрос председателя Кузнецова: „Зачем ты здесь?“ ...он грубо ответил: „Какое дело“. В ответ на это Кузнецов крикнул членам [Совета] позвать охранника для ареста этого гражданина; на это распоряжение толпа зверски заорала на тысячу голосов: „Тащи его (т. е. председателя Кузнецова) из-за решетки за бороду, уьем его“, и это было бы исполнено толпой. В это время прибыли представители Демянского исполкома товарищи Лосев и Большаков, которые и отвлекли толпу от самосуда». ³⁴

Конфликт был погашен обещанием открыть 15 декабря волостное собрание. Возможно, именно благодаря этому демянским чиновникам и удалось на время прекратить споры. Во всяком случае, едва не вспыхнувший бунт был улажен согласованным решением собраться здесь же на следующий день.

Волостной сход, как и было обещано, открылся 15 декабря в 12 часов. Его участниками были более чем 200 человек. «После открытия собрания, — читаем в «Отчете представителей Демянского уездного исполкома о собрании граждан Луженской волости», — все собравшиеся подняли невообразимый шум и крик, так что не было никакой возможности что-либо сказать или объяс-

нить собранию. Толпа требовала внесения иконы и повешения на стену, и крики свои толпа одобряла различными жестами».³⁵

Стремясь ввести собрание в «законные рамки», волостное руководство пыталось сначала настаивать на соблюдении необходимых процедур — выборов председателя и секретаря, но все было тщетно: «Крестьяне... никаких объяснений не принимали в расчет, требуя лишь одного — чтобы внесли икону».³⁶ Предварительно посоветовавшись с членами Демянского Совета, председатель волсовдепа решил наконец выполнить это требование. Только затем состоялись выборы президиума. В состав его были избраны, как отмечали позднее уездные чиновники, «вполне определившиеся контрреволюционеры, которые открыто повели собрание против Советской власти, указывая на то, что Советская власть — грабительская и этой власти не давать решительно ничего».³⁷

После этого члены Советов, и местного, и уездного, сочли за лучшее не вмешиваться в ход собрания. Во всяком случае, предлагать свой проект повестки дня они уже не рискнули, хотя таковой и был подготовлен. Вообще они оказались в довольно сложной ситуации. Разогнать собрание, открыто назвав его контрреволюционным, они не решились, опасаясь, видимо, вызвать взрыв возмущения крестьян, уйти же с собрания они тоже не могли, ибо это стало бы явным нарушением данных им инструкций, а в верхах могло быть сочтено и за трусость. В итоге ими была выработана для оправдания следующая мотивировка своего поведения, которая и получила отражение в «Отчете»: «Мы, представители Демянского уездного исполкома, присутствовали на этом контрреволюционном собрании до конца, дабы выяснить истинных виновников в контрреволюционной агитации...».³⁸ Справедливости ради следует заметить, что этот свой долг они исполнили неукоснительно.

Правда, полного «невмешательства» членов Совета в дела собрания не получилось. Один из них, Лосев, пытался даже выступить. Записи его речи не сохранилось, известно лишь, что он упомянул в ней о Советской власти, которая «существует и крепка».³⁹ Именно эти слова вновь взбудоражили присутствовавших. Один из них, указывая на Лосева, кричал: «Бей его», другой накинулся на Лосева с кулаками. Во время этого инцидента крестьянин деревни Ямника В. Иванов, «выскочив..., победоносно, во все усилие кричал: „Не думайте, что мы... одни, с нами даже весь уезд“».⁴⁰

Никаких записей выступлений в «Отчете» не приводилось: члены уездного Совета успевали только отмечать фамилии произносивших «неблагонадежные» речи. Список последних оказался достаточно велик, но каких-либо подробных сведений об ораторах в «Отчете» найти не удалось. Правда, напротив ряда имен стоят пометы: «кулак», «спекулянт», «бывший офицер», «бывший волостной старшина» — «сомнительным» социальным происхождением тогда объясняли многое. На прочих, однако, не подобралось даже

таких «компрометирующих» материалов, очевидно, это были простые крестьяне. Примечательно, что в данном списке нашлось место и для двух председателей сельских Советов, и это — после многомесячной комбедовской «практики», казалось, основательно изменившей все советские структуры в деревне.

К сожалению, ход волостного собрания приходится реконструировать по канцелярским отчетам и свидетельским показаниям, сам его протокол не найден. Неизвестно, завершилось ли оно принятием резолюций и состоялись ли выборы в уездный Совет, как это намечалось. В какой-то мере понять характер происходившего здесь помогает «Приговор сельского схода» деревни Ямника 14 декабря 1918 г. Заметим, что крестьяне этой деревни сыграли наиболее значительную роль в луженских событиях. Именно они первыми пришли на нелегальный сход 14 декабря, их представитель вошел в президиум собрания 15 декабря и был замечен как наиболее враждебно настроенный к властям. На этом же сходе уже упомянутый ямникский крестьянин В. Иванов открыто признался в рассылке анонимных повесток. Нетрудно предположить, что «Приговор» определил поведение большей части пришедших на сход: многие из заявленных в нем требований прозвучали затем именно здесь. Достаточно процитировать следующий пункт «Приговора»: «Поставить икону в волостном здании Совета ввиду того, что мы всей волости граждане вероисповедания православного, для осенения себя крестным знаменем при входе в помещение».⁴¹

«Мы всецело подчиняемся и защищаем Советскую власть, но вследствие нашей крайней нужды выносим следующее постановление, — так начинается этот документ.⁴² Затем в нем следует перечисление требований, предъявленных волостными и уездными властями ямникам. По существу, это был обычный перечень повинностей, возложенных на крестьян в конце осени 1918 г. Необычным было другое: напротив каждого из требований стояло одно слово — «отказать».⁴³ В «мобилизации лошадей» было отказано по причине их малочисленности, в реквизиции теплых вещей — из-за отсутствия мануфактуры и выдела овчин. Конtribusiцию в размере 17 тысяч рублей уездные чиновники предложили взыскать с «кулаков, спекулянтов и бывших торговцев», но таковых в деревне Ямник не нашлось, чем и мотивировался отказ от ее уплаты. Впрочем, причину отказов могли и не оговаривать: решение «прекратить выдачу скота на мясо для уездного Совдепа», например, не объяснялось ничем.⁴⁴

В целом этот документ подтверждает экономический характер основных требований крестьян (здесь он особо подчеркнут обязательным, почти ритуальным упоминанием о «подчинении и защите власти»). Но «Приговор» оттеняет и другое: весьма быструю политизацию крестьянского недовольства. Вряд ли кто-то выдвигал здесь политическую программу, экономические противоречия были, не-

сомненно, основной причиной конфликтов. Однако «просоветская» преамбула ямникского «Приговора» в ходе волостного собрания в считанные часы стала анахронизмом.

Заключительная стадия луженских событий наиболее подробно описана в письме председателя уездной ЧК в Наркомат внутренних дел Союза коммун Северной области от 25 января 1919 г. Будучи формально ведомственной сводкой, письмо представляет собой нечто среднее между обвинительным заключением и бессвязной митинговой речью. Воспроизведем наиболее значимые фрагменты этого документа, без каких-либо стилистических поправок. Это поможет не только дополнить наши сведения о происшествии в Лужне, но и, что очень важно, представить самый образ политико-юридического мышления нового советского чиновника.

«В уезде, в особенности в волостях Луженской и Семеновской, — читаем в письме, — в 1918 году в декабре месяце настроение масс было весьма недоброжелательное по отношению к Советской власти, в связи с неоднократной мобилизацией как людей, так и лошадей и кроме того распубликованием декретов о взыскании чрезвычайного налога и сбора теплых вещей. И вот кулаки и паразиты этих волостей, которые имеют порядочное имущественное положение, приобретенное ими чужими трудами и другими путями, но ясно, что не своим личным.

Эти лица и раньше пренебрегали власть Советов, но, не имея никаких веских обвинений к существующей власти, они ждали удобных случаев, и вот настал их долгожданный час, когда они стали подбивать несознательные темные массы на выступление против вышеуказанных распоряжений власти.

Подстрекатели этого кошмарного дела вздумали собрать волостной съезд в селе Лужно 14 декабря 1918 года.

О созыве этого нелегального съезда узнал местный уездный Совдеп, который постарался выслать на этот съезд своих благонадежных товарищей коммунистов, где эти представители с помощью Луженского волостного Совдепа выясняли крикунов, участвовавших в съезде.

По возвращении представителей в гор. Демянск с материалами и картинками этого съезда сразу было доведено до сведения комитета партии большевиков-коммунистов. Комитет партии, получив это сведение, сделал экстренное собрание всех членов партии, где было постановлено командировать членов партии и дать в их распоряжение красноармейцев... для ареста всех замеченных в преступных деяниях участников съезда.

С 14 на 15 декабря⁴⁵ командированные товарищи прибыли в Луженскую волость, разбили таковую на участки и провели аресты всех крикунов съезда и доставили в Чрезвычайную комиссию, а последней были заключены в исправительный дом... В это число первого ареста большинство из них действительно было несозна-

тельных бедняков, которые после следствия освобождены под особую подписку. Лица, более замеченные в этом преступлении, содержатся под арестом и ведется следствие...»⁴⁶

Сам арест вызвал широкое возмущение крестьян и способствовал появлению уже 18 декабря весьма примечательного документа — «Обязательства» членов волостного Совета. В нем отмечалось, что «целые селения и в отдельности некоторые личности» предъявляют обвинения в том, что будто бы они, Кузнецов и Цветков (председатель и секретарь волостного Совдепа. — С. Я.), в лицо зная бывших на собрании крестьян, объявили виновников членам Демянского у[ездного] исполнительного комитета, последствием чего и явился массовый ночной арест».⁴⁷ «Постановляющая» часть «Обязательства» гласила: «Кроме сельских и уездных властей не указывать и не объявлять в открытии виновников никому из частных лиц, дабы не навлечь гнев темных масс на то или иное лицо».⁴⁸

Таковы основные сведения о Луженском инциденте. Он не был случайным. Имеется много документов о происходивших в том же декабре 1918 г. волостных сходах в соседних Семеновской и Филиппогорской волостях. Они рисуют ту же картину острых конфликтов, сопровождавшихся нередко криками и угрозами побоев и даже вмешательством красноармейцев. Приведем описание одного из эпизодов Семеновского волостного схода 16 декабря, на который еще до его открытия прибыл отряд из десяти красноармейцев с пулеметом: «Председатель же [Совета], выйдя в коридор помещения, занимаемого Советом, с револьвером в руке и закричал народу таким тоном, что умру я, но не сойду с занимаемой мною должности. Тогда народ еще сильнее закричал: „Долой председателя!“; он же в это время почему-то из коридора начал стрелять в публику, и еще с ним открыл огонь из ружья один из чинов Красной Армии...».⁴⁹ Еще ранее, 14 декабря, состоялся Филиппогорский волостной сход. И здесь председатель был избран «возбужденной толпой», а итогом схода стали «антисоветские» постановления.⁵⁰

Луженский «нелегальный» сход весьма типичен для этого времени. Декабрь 1918 г. — это уже начало разложения комбедовских структур. Волнения, подобные инцидентам в Демянском уезде, собственно и стали социальным итогом их работы. Политический и имущественный произвол в деревне, санкционированный комбедами и достигший апогея осенью 1918 г., несомненно, придавал особую остроту и масштабность сельским конфликтам. Но сами комбедовские «чистки», сметая оппозицию в деревне, не смогли вместе с тем создать эффективных политических (а не только военно-репрессивных) инструментов подавления низового массового протеста.

В Луженском инциденте очень много сходного с другими деревенскими волнениями того времени. Во-первых, это своеоб-

разный характер политизации крестьянского недовольства. Сами элементы политизации отчетливо заметны при массовых действиях крестьян, как правило, на волостных и уездных сходах. Быстрота радикализации экономических требований и одновременно отсутствие какой-либо связной политической программы, проявление политического протеста на обыденном, бытовом уровне — характерные черты данного процесса. Во-вторых, это примитивность и слабость в крестьянском бунте организационного начала. Масса действует явно импульсивно, быстро «оформляется» и распадается. Она переменчива в поступках и в настроениях. Разумеется, воздействия «зачинщиков» отрицать невозможно, но оно было скорее эмоциональным и не могло придать возникавшему противостоянию необходимую устойчивость и длительность. В-третьих, это слаженность действий властных структур различных уровней при ликвидации волнений; быстрота, масштабность и жесткость в противодействии оппозиции уже может свидетельствовать об определенной стадии формирования тоталитарного общества и его репрессивного аппарата. Особо отметим массовость выступления. Оно не случайно было в своей основе бедняцким. Протест против поборов и правового произвола объединил разные слои крестьянского общества. Разумеется, попытки ввести классовый принцип при распределении повинностей в какой-то мере раскалывали деревню, но в данном случае общинные традиции самозащиты и коллективных действий еще проявлялись достаточно широко.

От волостного собрания к бунту — таков обычный ход деревенских волнений на Северо-Западе в 1918—1919 гг. Сельские сходы и объединяли массы (пусть даже кратковременно), и усиливали их активность. Отсюда и особая осторожность властей, проявлявшаяся всякий раз, когда откуда-нибудь поступали сведения о рассылке повесток. Так, в следственных материалах о восстании в Казанской волости Кирилловского уезда (Новгородская губ.) 2—3 декабря 1918 г. особо отмечался факт написания повесток на волостное собрание для всех сельских общин. Хотя тут вполне могло проявиться и обычное канцелярское усердие, примечательно, что в этом увидели даже умысел.

Непосредственной причиной Казанского восстания стали слухи о пропаже выделенных волисполкому денег. Сами слухи, видимо, возникли под впечатлением налогообложения, проведенного перед этим в волости: оно умножило число недовольных, охотно ставивших под сомнение и компетентность, и честность местных властей. В письме Кирилловского ОВД в НКВД 25 декабря 1918 г. отчетливо различим механизм модификации слухов: сначала шли общие разговоры о воровстве в Советах, но скоро уже стали говорить о том, что «члены местных исполкомов разделили деньги по своим карманам». ⁵¹ Эти обвинения и вспомнили во время волостного собрания. «Толпа... учинила беспорядки, выразившиеся в разгро-

ме волостного военного комиссариата, избииении военного руководителя», — сообщал Кирилловский ОВД.⁵² Детали инцидента не приводятся, но по тому, что громили военкомат, явно не причастный к дележу, можно предположить, что и здесь митинг пытались разогнать силой, не без помощи военного комиссара.

В том же Кирилловском уезде, в Вотненской волости, спустя несколько дней вспыхнуло новое восстание. Начало его в подробностях повторяло предыдущее, Казанское, и тут просматривается даже какой-то стереотип действий. «8 декабря утром граждане явились в исполком по каким-то неизвестно кем написанным повесткам», — сообщал Кирилловский ОВД.⁵³ Во время собрания появилась милиция (трудно сказать, вследствие ли его «незаконности», или по причине резкости речей, или просто случайно). После этого информатор в основном фиксировал лишь выкрики депутатов, и если воспроизвести их в строгой последовательности, легко увидеть, как повышалась нервозность зала. «Зачем пришла милиция», «кто ее вызвал», «надо нарушить канцелярию»⁵⁴ — именно эти возгласы предшествовали уже собственно бунту. Самый сценарий восстания не стал неожиданностью. «Во время собрания толпой разоружено 9 человек милиции и волостной военный комиссариат и был занят телефон» — таково было изложение хода инцидента, переданное в НКВД.⁵⁵ Это характерное стихийно-импульсивное выступление; уже по диапазону действий крестьян можно догадаться об изначальной ограниченности их планов, если таковые вообще существовали, о явной спонтанности и эмоциональной подоснове их поступков.

Сельский сход, волостное собрание нередко оказывались тем ключом, который приводил в действие механизм бунта. Резкое недовольство крестьян новыми порядками обязательно должно было найти коллективные формы для своего изъяснения, чтобы перерасти в действие. Без какого-либо массового схода, случайного или умышленного, это недовольство, несмотря на его масштабность и остроту, так зачастую и не выливалось в массовые восстания.

Дезертирские восстания

Анализ сохранившихся документов показывает, что крестьянам легче было «войти» в уже развернувшееся восстание, нежели начать его. Их «оппозиционный» потенциал иногда был достаточен для того, чтобы обеспечить широту и относительную устойчивость бунтов, но мал для самой детонации взрыва; образно говоря, они были способны поддерживать огонь, но не всегда могли высечь искру.

Вполне объясним поэтому тот факт, что там, где возникали «чужие» восстания (дезертирские или войсковые), мы легко обнаруживаем среди их участников и крестьян. Примером здесь может служить восстание в Лучанской волости Холмского уезда 28 ноября 1918 г. Оно началось как обычное дезертирское выступление, и по-

тому понятно, отчего в первую очередь восставшие стали обстреливать волостной военкомат.⁵⁶ Присоединение к дезертирам крестьян произошло уже на более поздней стадии конфликта. В этом восстании примечательно совпадение настроений солдат и крестьян: пожелания и тех и других были умеренны и уж точно не политизированы. Так, требование добровольности при вступлении в армию сопровождалось даже ссылками на В. И. Ленина и, в принципе, не являлось антиармейским. Просьбы продавать крестьянам дрова и разрешить ловить рыбу также вполне можно было удовлетворить (во всяком случае, на местном уровне) без ущерба для политического имиджа властей. Подавление этого выступления чисто военным путем стало, видимо, реакцией на его чрезмерно «милитаристское» обличье.

Примечательна механика присоединения крестьян к подобным «смешанным» восстаниям. Совпадение амплитуд политических настроений различных сторон было одним из условий взаимоподдержки. Вообще-то радикализм установок крестьянских «союзников» мог повлиять и на лозунги крестьян, но зазор между ними не мог быть большим — подсоединение в иной ситуации или давало сбой, или не было массовым. Ощутимое значение здесь приобретала и актуальность для деревни тех или иных блоков программы «союзников»: неприязнь к принудительным мобилизациям, например, была присуща не только дезертирам.

2. ОСОБЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ

Программа и тактика

Разумеется, упоминая о программах восставших, мы делаем это с оговорками, и не только потому, что сведений на сей счет сохранилось мало. Их, откровенно говоря, могло и вовсе не быть. Спонтанное, стихийное, импульсивно-эмоциональное начало большинства выступлений исключало возможность как рациональных поисков повстанцами оптимальной тактики, так и хотя бы примитивной систематизации их лозунгов. Восставшие вряд ли заглядывали вперед более чем на несколько дней. Убрать непосредственных исполнителей непопулярных акций, заменить их другими людьми — дальше они не шли и даже явно не хотели идти. В этом, по сути дела, и проявлялась вся их программа. Почти все восстания были как бы запрограммированы на кратковременность, и это можно понять, если принять во внимание ряд особенностей крестьянского традиционного поведения.

Во-первых, крестьяне предпочитали действовать в «домашней» обстановке, в своей деревне или в ее окрестностях. При этом почти что автоматически проявлялись привычные для них правила обычной внутриобщинной взаимоподдержки. Прогрессирующее

развитие восстаний означало как раз утрату ими местной специфики. Во-вторых, в условиях децентрализации власти в стране надежды крестьян облегчить себе участь путем насильственной замены местных чиновников не были беспочвенны. Устранение непопулярного местного «вождя» вовсе не означало для них, что на смену ему придет такой же другой, с тем же набором «революционных» характеристик: поведение местной верхушки не было еще унифицировано системой официальных и неписаных регламентов. Местный произвол, нестандартность приемов власти, необычность их идеологического обоснования и возникали чаще, и пресекались реже. В это время индивидуальное в человеке «при власти» проявлялось и острее, и непосредственнее, нежели позднее. В-третьих, многие крестьянские выступления не имели сколько-нибудь заметной политической направленности, даже если они и сопровождались разгоном органов власти. Переход от требований экономических к политическим, вообще политизация деревенского бунта могли, конечно, придать ему, при наличии необходимых условий, большую продолжительность, но такое происходило редко. Так, в Тарантаевской волости Тихвинского уезда (Череповецкая губ.) в сентябре 1918 г. после смещения Совета общим сходом волости было лишь «отказано в обмере лошадей; постановлено не выдавать документов земельному отделу о пользовании землею частными собственниками; не выдавать для ареста лиц по требованию уездного совдепа».⁵⁷ В других местах лозунги восставших были еще более умеренными, достаточно вспомнить пресловутый Лучанский инцидент. Возможно, при большей продолжительности волнений в них постепенно и выявились бы политические тенденции, политические программы выкристаллизовывались, как правило, в ходе обширных и многодневных восстаний, руководимых лицами или партиями, способными отразить низовые лозунги в политических формах. Чем более организованным и сплоченным было крестьянское выступление, тем быстрее в нем проявлялось именно политическое начало.

Инициаторы и участники

Специфика крестьянских выступлений 1918—1919 гг. во многом объясняется составом их инициаторов и участников. О «зачинщиках», правда, следует говорить с известной осторожностью. «Никакой организации не было», «особой организации не было», «особо хорошей, в смысле технического оборудования, организации выступления не имели», «выступление было неорганизованное, слабое, денежных средств не было», «волнения носили единичный, бессвязный и неподготовленный характер» — эти донесения о восстаниях в Новгородской губернии⁵⁸ рисуют типичную для того времени картину. Там, где в документах присутствуют конкретные

упоминания об организаторах восстаний, сразу выявляются и приемы обнаружения «зачинщиков».

Инициаторами волнений в Оштинской волости (Олонецкая губ.) в 1918 г. сочли «купцов-торговцев» и «черносотенцев», которые «агитировали против Советской власти, тратя на агитацию огромный капитал». ⁵⁹ Правда, сложно определить, чем собственно отличался «черносотенец» от «торговца», но если это и небрежность информатора, то едва ли случайная. «Черносотенец» — вообще наиболее употребительное слово в послефевральском политическом лексиконе, его и произносили не к месту, и применяли к кому угодно. Иначе говоря, этот термин уже приобрел своеобразную репутацию, и одно это заставляет сегодня относиться к такому сообщению с осторожностью. Что же касается затраченных на агитацию денег, то эта деталь вряд ли могла быть известна информаторам. Власти, видимо, настолько были уверены в насаждении восстаний, что не мыслили их без финансовой помощи. Саму «огромность капитала» информаторы определяли, возможно, исходя из масштабов волнений, либо натолкнувшись на упоминания о купцах: трудно предположить, что к ним попали какие-то расходные книги, как и то, что последние вообще кем-то велись. Но удивляет и другое. Приведенное выше донесение относится не к одному, а к четырем крестьянским выступлениям, происходившим в разное время. Зная, сколь индивидуален был характер любого восстания, такие совпадения едва ли можно счесть вероятными. Очевидно, что в подобных случаях многое — от «черносотенцев» и до «огромного капитала» — додумывалось авторами сообщений.

Вряд ли имело бы смысл останавливаться на нескольких строчках одного из писем, если бы оно не было в какой-то мере типичным — как по очевидным противоречиям самого текста, внешне, казалось бы, простого, так и по невнятности фактических сведений о событиях. Прочие свидетельства о «зачинщиках» не менее туманны. Так, в числе причин Костьковского восстания (Демянский уезд) в начале 1919 г. была названа «подпольная агитация местных контрреволюционеров и кулаков». ⁶⁰ Тут нужно отметить не только анонимность сообщения и упомянутое выше характерное смещение профессионального с политическим, но и то, что «подпольной агитацией» в это время можно было назвать все, что угодно, а кулаками и контрреволюционерами иные оказывались в зависимости от широты кругозора местного чиновника: эти ярлыки употребляли тогда не менее охотно, нежели слово «черносотенец».

В донесении о восстании в Боровичском уезде в начале 1919 г. отмечалось, что оно «носило отчасти характер подготовленный ввиду существования подпольных организаций, выпускающих контрреволюционную литературу». ⁶¹ Означало ли это, что подполье достоверно существовало, или же его «конструировали»,

исходя из обилия конфискуемых листовок, в данном случае также выяснить сложно. Иногда, впрочем, «агитаторы» бывали идентифицированы более четко, но и это не устраняет сомнений в том, насколько оправданны выводы информаторов. «Удалось выяснить, что в беспорядках замешаны агитаторы Комитета спасения Родины», — отмечалось, например, в сводке о волнениях в Ручьевской и Горской волостях Порховского уезда в июле 1918 г.⁶² Но и это известие сопровождалось следующей оговоркой: «Пойманы агитаторы не были ввиду слабости местных Советов».⁶³ Учитывая уровень политического судопроизводства в тогдашней деревне, нетрудно представить себе, какие формы, из-за отсутствия обвиняемых по делу, принимал «сыск». Розыск «зачинщиков» осложнялся как негласной круговой порукой в сельских общинах, так и традиционной неразборчивостью крестьян в межпартийной разногласии. Не редкостью были «оправдательные» ходатайства деревенских сходов, близкие по содержанию, например, к протоколу «собрания граждан деревни Систо» 29 августа 1918 г., установившего, что «агитацию по выступлению производил не товарищ Метелкин, а какие-то неведомые нам лица, и виноваты мы в том, что послушались таковых, о чем мы впоследствии глубоко калялись, ругая нашу темноту».⁶⁴

Все сказанное не означает, конечно, того, что инициаторов волнений не было. Но они редко становились известны властям: очевидная расплывчатость сведений, содержащихся в доступных нам письмах, сводках и донесениях, приводит именно к этой мысли. Едва ли эта «безымянность» имела бы место, если бы волнения были инициированы, тут не могла спасти никакая конспирация. Аморфность сообщений о неких «агитаторах» и «черносотенцах», явная искусственность их конструирования лишь подтверждают, хотя и косвенно, слабость организационного начала в крестьянских бунтах, их внезапность и стихийность.

Сколь малое значение имели деяния организаторов, отчетливо видно из сообщений сводок о социальной базе восстаний. Там, где инициаторов усматривали в кулаках и прочих «темных личностях», основной массой повстанцев оказывались именно крестьяне — так именуют их информаторы, без какой-либо, за редким исключением, градации.⁶⁵ А о выступлении в Ведлозерской волости Олонецкого уезда в январе 1919 г. было даже сообщено, что «принимавшие участие в большинстве своем из самого беднейшего населения».⁶⁶ В этом случае вопрос о «зачинщиках» не столь уж и важен. Кто бы им ни был — кулак, «черносотенец» или активист «Союза защиты Родины», — очевидно, что поднять массы крестьян он мог лишь на волне реального, острого и повсеместного недовольства деревни, а отнюдь не путем возбуждения своими «узкопартийными» и «узкоклассовыми» декламациями.

Подавление восстаний

Прекращение восстаний редко было мирным. Из доступных нам сведений видно, что лишь в Олонце в июне 1918 г. «восстание против Совета было ликвидировано по соглашению с той и другой стороны»,⁶⁷ а в Ямбургском уезде повстанцы из деревни Велькоты разбежались, едва услышав вдалеке выстрелы.⁶⁸ О выступлениях в Бологовском и Старорусском уездах в январе 1919 г. было заявлено, что они «ликвидировались властями без особых осложнений и репрессий»,⁶⁹ но что это значит, сказать трудно. Обычно дело не обходилось без карательных отрядов, без убитых и раненых, без арестов и расстрелов. Наиболее значительным число жертв было в июле 1918 г. в Старорусском уезде после разгона крестьян, захвативших станции Волот и Взгляды. Это объясняется скорее массовым характером «волотского» похода, в котором приняли участие около 30 деревень. «Крестьяне были разогнаны пулеметным огнем с поезда, открытым высланным из Бололого отрядом», — сообщал Новгородский ОВД.⁷⁰ Отсюда и большое число пострадавших: убито и ранено было около двухсот человек.⁷¹

Только один раз, при упоминании о выступлении в Новорусской волости Демянского уезда в апреле 1919 г., в сводке было сказано, что оно подавлено «силами местных коммунистов и сочувствующих им»;⁷² в прочих случаях использовались почти исключительно красноармейцы. Именно их усилиями были ликвидированы восстания в Ручьевской волости Порховского уезда и Носовской волости Островского уезда в августе 1918 г., в Лучанской волости Холмского уезда в ноябре 1918 г., в Вогненской волости Кирилловского уезда в декабре 1918 г., в Левочской волости Боровичского уезда в январе 1919 г., в Костьковской волости Демянского уезда и в Боровичском уезде в феврале 1919 г.⁷³ О численности карательных отрядов сведений почти нет, но известно, например, что для подавления бунта (стихийного и не очень масштабного) в Нивской волости Старорусского уезда в апреле 1919 г. было привлечено 900 солдат.⁷⁴

Расправа и суд

Еще менее определенно можно говорить о деталях судопроизводства, обычно подводящего черту под крестьянским бунтом. Аресты, осуществлявшиеся карательными отрядами прямо на месте происшествия, были и субъективны, и произвольны, проводились зачастую под влиянием наветов и в результате «пристрастных» допросов; нередко под замок сажали просто случайно попавшихся под руку людей. В Лажитинской волости, например, где после восстания в октябре 1918 г. было расстреляно 4 его участника, первоначально арестовали 101 крестьянина.⁷⁵ Иллюстрацией того, как практиковалось дознание, могут служить приводимые ниже фрагменты

следственных материалов о восстании в деревне Сельцо в мае 1918 г. и в деревне Велькоты в августе 1918 г. Возможно, что в данных случаях «сыскной» произвол принял чрезмерно одиозные формы, но тем легче оценить сегодня обычное судебное расследование того времени.

В Сельце допросом подозреваемых лично руководил член Старорусского уездисполкома С. Никольский. Перед этим крестьян силой согнали на сход; отказавшийся туда идти некий С. Покшин был доставлен С. Никольским под дулом револьвера. Упрямство С. Покшина как-то особенно озлобило комиссара, и он без колебаний поместил его сразу в группу ранее арестованных лиц, уже этим наглядно обозначив будущий ход разбирательства. Хотя, как мы помним, избитого в Сельце уездного чиновника М. Фомина пытался «накормить» не С. Покшин, а другие люди, у С. Никольского, видимо, имелась уже своя версия событий. Примечательно, что арест 12 человек он произвел по указанию только одной из враждующих сторон.⁷⁶ Впоследствии и местный следователь, и следователь Новгородского окружного суда сочли возможным освободить задержанных, «не найдя явно контрреволюционного в деянии их».⁷⁷

«С арестованных Никольский снимал устный допрос, — сообщалось в докладе, направленном в Комиссариат ВД СКСО, — причем при допросах угрожал им револьвером, наставляя то в грудь, то в рот, то в лоб (курок все время был взведен). При допросах С. Покшина Никольский допустил себе насилие над Покшиным, как, например: угрожая револьвером, он схватил с головы Покшина шапку и со словами „жаль мне простреливать твою фуражку“ бросил ее на землю; схватив Покшина за голову, Никольский нагнул его голову до земли и, ударяя лицом об землю, говорил: „Ешь, сука, землю“. Когда красноармеец подошел к Никольскому и, указывая на Покшина, спросил: „Прикажете застрелить?“ — Никольский ничего ему не сказал и отошел в сторону. В это время один из арестованных — Герасим Фекличев — побежал. Никольский сразу же отдал приказ разойтись и скомандовал открыть по убежавшему стрельбу из винтовок, во время стрельбы был убит проходивший из поля старик... По показаниям Никольского, ...стрельба была начата самовольно красноармейцами».⁷⁸ В деталях этого происшествия до конца разобраться сложно, но чувства Г. Фекличева понять немудрено: при таких приемах допроса побег вполне мог показаться единственным шансом спасти свою жизнь.

Однако инцидент в Сельце меркнет перед самоуправством Ямбургского уездного военкома Липняка, творившего в августе 1918 г. суд и расправу в деревне Велькоты. Описание его экспедиции составил со слов очевидцев известный пролетарский поэт В. Князев. В отличие от его поздней заметки в газете «Творче-

ство», также посвященной Велькотам,⁷⁹ направленная в Комиссариат ВД СКСО записка «Следственные материалы о крестьянском мятеже и карательных действиях товарища Липняка» свободна от литературных излишеств, это, по существу, сухое, едва ли не протокольное изложение одних лишь фактов ямбургских событий.

Крестьянские волнения в Ратчинской волости (где и находились Велькоты) были вызваны слухами об изъятии хлеба и вообще всего имущества, «даже до последней курицы».⁸⁰ Впрочем, до столкновений дело не дошло: выступившие в поход по дороге разбежались. Липняк с отрядом в 50—60 красноармейцев прибыл в деревню спустя неделю после окончания бунта. «Он занял помещение школы, — писал В. Князев, — сбил сход и заявил: „Несите оружие, чтобы к утру было готово 5 могил, а то всю деревню выжжем“ и т. д. Он ругался, матюкался, угрожал: „Перевешаю всех“, слова не давал сказать в защиту... Он кричал, замахивался шашкой с угрозами на всех, и на врагов советской власти и на сочувствующих... Утром тов. Липняк вновь созвал сход и начал расправу. Били плетьюми так, что они стучали по потолку, наотмашь, изо всей силы. Из школы доносились вопли истязуемых, а народ стоял и слушал».⁸¹

Далее в записке следует перечень избитых с указанием меры и причины наказания. Напротив фамилий оставлены, например, такие пометы: «по оговору — продавал муку; получил 6 плетей», «по оговору, били без счета, изувечена вся спина». Избили и больного крестьянина «в качестве кулака-богатея», получил 15 ударов и старик, «у которого утром нашли не представленное им охотничье ружье».⁸² Повторим: трудно искать во всем этом какую-то прямую связь с прошлым бунтом. Одного из крестьян, например, били «без счета», потому что «палка у него выскользнула из рук во время речи тов. Липняка, нагибаясь, поднимая ее, он улыбнулся, Липняк заметил и кончено»; другого также «зверски, беспощадно избили», поскольку «требовали его брата, за неимением брата схватили его». И, наконец, «был зверски избит на улице, при всем народе (били по лицу и лысине плетью) местный мельник..., с которого тов. Липняк требовал денег в возмещение контрибуции. „Рой себе могилу“, — кричал Липняк».⁸³

Инциденты, подобные тем, что произошли в Сельце и Велькотах, если и не были редкостью, то во всяком случае, как это видно из имеющихся материалов, не очень поощрялись властями. Так, дело Липняка передали расследования в ЧК Северной области. С. Никольскому Комиссариатом ВД СКСО «было предъявлено обвинение в злоупотреблении властью» и даже пострадавший М. Фомин не избежал ареста как «порочащий имя Советов».⁸⁴ В свое время были также задержаны и направлены в «Трибунал Холмского уездного Совета» должностные лица, допустившие расстрел крестьян в Холме в июне 1918 г.⁸⁵

Следственные действия в других местностях, о которых можно узнать из сохранившихся документов, проходили более спокойно. Жесткость наказаний была, конечно, примечательной чертой военного времени, но при этом все же старались сохранить обычные приемы ведения следствия. Это было тем легче, что большинству восстаний на Северо-Западе не были присущи особая ожесточенность и упорство, характерные для повстанческого крестьянского движения на Юге и в Центре России. В тех регионах волнения подавляли куда более жестоко-массовыми казнями, сожжением деревень, переселением жителей и т. д. К тому же идеологической обработке масс и тогда уже придавали исключительное значение, а ее результаты вряд ли могли быть значительными после «липняковских» наездов.

В той сумятице, которой сопровождалась стихийные крестьянские бунты, разобраться до конца было трудно даже нескольким следователям, и дознание неизбежно приобретало поверхностный характер. Ранее уже упоминалось о прощении крестьян по делу М. Метелкина. Он был арестован в числе прочих за участие в велькотском походе. В связи с этим следователь К. Савин писал: «Установить его личное участие в ту или иную сторону, в дополнение к имеющемуся общественному приговору, хотя бы чуть ли не поголовным опросом на месте почти не представляется возможности ввиду того, что обвинение в выступлении в равной степени предъявляется ко всем гражданам Ратчинской и соседних с ней волостей».⁸⁶ Однако дело не всегда ограничивалось, как в случае с М. Метелкиным, только уплатой штрафа. Обычными стали и расстрелы. Так, после восстания в Боровичском уезде в январе 1919 г. было казнено 7 «руководителей движения», 2 «зачинщиков» расстреляли после событий в Вогненской волости в декабре 1918 г., и 4 человека приговорены к смерти из-за участия в Лажитинском выступлении в октябре 1918 г.⁸⁷ Кто выносил приговоры, из сводок не совсем ясно, но во всяком случае этим занимались обычно на уездном и губернском уровнях. Лажитинский расстрел, например, был санкционирован Новгородским чрезвычайным полевым штабом. Какие-то массовые, в судебном порядке, наказания уж точно не применялись, не устраивались и показательные процессы: для этого еще не было ни традиций, ни времени, ни сил, ни опыта.

Общее и особенное

Крестьянские выступления на Северо-Западе Советской России, конечно, значительно отличались от потрясших страну спустя несколько лет Западно-Сибирского и Тамбовского восстаний. Несходство заметно во всем: различались масштабы волнений и число их участников, продолжительность и ожесточенность боев, полити-

ческие программы и карательные акции. Тут вполне можно говорить о качественности различий, но с одной оговоркой: «большие» восстания — это все же лишь развитая форма тех самых мелких, спорадических, кратковременных деревенских бунтов, образцы которых описаны выше. Трудно дать исчерпывающую характеристику механизма перерастания отдельных бунтов в крестьянскую войну, но ряд его особенностей отметить нужно. Обычно историки подчеркивают прежде всего растущую усталость масс от бесконечных разверсток и чрезвычайных повинностей. В 1918—начале 1919 г. к ним еще пытались притерпеться, но с каждым месяцем это давалось все труднее, и повсеместное недовольство исподволь накапливалось в крестьянской среде. Оно и обусловило своеобразную психологическую готовность к крестьянской войне. Сельские восстания 1920—1921 гг. вспыхнули так ярко не только потому, что иссякли надежды на кратковременность очередной Смуты и стало ясно, что экономические стеснения хотя и возникли как порождение российской междоусобицы, но не кончались с нею. Они в значительной мере были спровоцированы и резким, со второй половины 1920 г., усилением военно-коммунистических тенденций в экономике. Падающая эффективность прежних инструментов принуждения побуждала «дожать» деревню более жесткими, чем раньше, мерами. Прямым следствием этого стало быстрое увеличение с конца 1920 г. числа заградительных заслонов, по существу блокировавших крупные города, и значительный рост продотрядов. Основная масса последних устремилась в губернии Сибири и центра России, еще не слишком опустошенные разверсткой. Ответ был дан очень скоро — на Тамбовщине и в Западной Сибири.

Анализируя крестьянские выступления на Северо-Западе России в 1918—1919 гг., мы можем отметить, во-первых, их малую продолжительность (не более 2—3 дней), что, однако, не всегда объяснялось оперативным военным вмешательством. Здесь в значительной мере сказалась ориентация на конкретные, вполне «утилитарные», неполитические цели, которые могли быть достигнуты быстро, хотя, как обычно оказывалось позднее, лишь на некоторое время; но этим восстание как бы исчерпывало себя, теряя побудительные стимулы к репродуцированию и устойчивости. Во-вторых, для многих крестьянских бунтов было примечательно отсутствие даже примитивной политической программы; в этом проявились и слабость некоммунистических партий, и низкий уровень политической культуры самих деревенских масс, и неразвитость традиций политизации сельских конфликтов. В-третьих, столь заметный аполитизм был во многом предопределен и невысокой организованностью выступлений: мы не видим здесь вождей, с трудом улавливаем имена «зачинщиков», вообще социально-активных лиц. В-четвертых, нельзя сказать, чтобы острие бунтов было направлено исключительно против Советов и советских учреждений. Часто поступки восставших мож-

но оценить только как противодействие непопулярным экономическим акциям; практически не видно конструирования новых, ранее непривычных политических институтов, как, впрочем, и замены Советов прежними формами управления (назначение урядников и старшин фиксировалось крайне редко). В большинстве случаев лишь «обновляли» Советы: выбирали или назначали туда «своих» людей, изгоняли (часто силой) неугодных, мало заботясь о соблюдении политико-правовых регламентов. В-пятых, несмотря на противоречия различных слоев деревни, восстания имели преимущественно общекрестьянский характер; название «кулацкие» они получили исключительно по идеологическим мотивам. Все это отчетливо указывает на глубинные основания крестьянских выступлений и позволяет видеть в них выражение именно массового недовольства. Крестьянский бунт в условиях «военного коммунизма» не был ни бессмысленным, ни случайным. Он стал неизбежен как следствие ломки старых политических, социальных, идеологических и бытовых укладов деревни и отразил этот процесс в наиболее острой форме.

¹ *Бланк А. С., Озеринин Н. В.* Победа Советов в Череповецкой губернии. Вологда, 1957; *Губарева В. М.* 1) Борьба революционных масс Петроградской губернии за победу социалистической революции. Л., 1962; 2) Развертывание социалистической революции в декабре в 1918 году. По материалам Петроградской губернии. Л., 1957; *Иванов С. А.* Красный Октябрь на Псковщине. Л., 1978; *Космачев К. Н.* Коммунистическая партия — руководитель социалистической революции в деревне. Смоленск, 1970; *Машезерский В. И.* Установление Советской власти в Карелии (1917—1918). Петрозаводск, 1957; *Розенбек К. К.* Комитеты деревенской бедноты в Псковской губернии в 1918 г. // *Красная летопись.* 1929. № 6; *Саутин Н.* Великий Октябрь в деревне на северо-западе России (октябрь 1917—1918). Л., 1959; *Соколова Е. А.* Комитеты деревенской бедноты. Л., 1940; *Хмелевский В. П.* Северный областной комитет РКП(б). Л., 1972.

² Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1.

³ *Френкин М. С.* Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918—1921 гг. Иерусалим, 1987.

⁴ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881—1904. М., 1984; *Леценко Н. Н.* Методика статистического изучения размаха и форм крестьянского движения XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1960; *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения размаха и форм крестьянского движения в России в 1870—1880 гг. М., 1968;

⁵ *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян... С. 192.

⁶ *Бланк А. С., Озеринин Н. В.* Победа Советов...; *Иванов С. А.* Красный Октябрь... Л., 1978. *Путьрский Е., Ерыкалов Е.* Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии. Л., 1958; *Пухов Г. С.* Как вооружался Петроград. М., 1933; *Соколова Е. А.* Комитеты деревенской бедноты; Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917—1918). Л., 1972.

⁷ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 63, л. 2 об.

⁸ Там же, д. 129, л. 65 об.

⁹ Там же, оп. 2, д. 55, л. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 10—10 об.

- ¹² Там же, д. 32, л. 4—5; д. 36, л. 33; д. 63, л. 4 об.; д. 77, л. 51 об., 79 об.—81; д. 81, л. 26; д. 129, л. 85, 95.
- ¹³ Там же, д. 63, л. 45.
- ¹⁴ Там же, оп. 2, д. 59, л. 3.
- ¹⁵ Там же, оп. 6, д. 97, л. 2 об.
- ¹⁶ Там же, оп. 8, д. 35, л. 34 об.; д. 39, л. 22; д. 63, л. 1.
- ¹⁷ Там же, оп. 8, д. 63, л. 1.
- ¹⁸ Там же, оп. 2, д. 59, л. 5—5 об.
- ¹⁹ Там же, л. 5 об.
- ²⁰ Там же, л. 4.
- ²¹ Там же, оп. 8, д. 129, л. 72.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, оп. 6, д. 102, л. 7.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, ф. 142, оп. 8, д. 77, л. 43.
- ²⁸ Там же, оп. 2, д. 354, л. 28 об.
- ²⁹ Там же, оп. 6, д. 102, л. 7; д. 129, л. 22—22 об.; оп. 8, д. 55, л. 10—10 об.
- ³⁰ Там же, оп. 2, д. 354, л. 28 об.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, л. 28 об.—29.
- ³⁵ Там же, л. 16.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же, л. 27.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Очевидно, здесь опечатка. Согласно более достоверным сведениям, сам арест произошел в ночь на 17 декабря. Там же, л. 26.
- ⁴⁶ Там же, оп. 8, д. 77, л. 41.
- ⁴⁷ Там же, оп. 2, д. 354, л. 26.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же, оп. 2, д. 354, л. 7.
- ⁵⁰ Там же, л. 15.
- ⁵¹ Там же, оп. 8, д. 129, л. 22.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же, л. 22 об.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, д. 63, л. 45.
- ⁵⁷ Там же, д. 61, л. 17.
- ⁵⁸ Там же, д. 77, л. 51 об., 79, 79 об., 80 об.
- ⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 141, л. 1.
- ⁶⁰ Там же, оп. 8, д. 81, л. 9.
- ⁶¹ Там же, д. 77, л. 51 об.
- ⁶² Там же, д. 63, л. 1.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 190, л. 10—10 об.
- ⁶⁵ Там же, оп. 8, д. 77, л. 79 об, 80 об.
- ⁶⁶ Там же, д. 39, л. 16.

- ⁶⁷ Там же, оп. 2, д. 141, л. 2.
⁶⁸ Там же, д. 190, л. 6.
⁶⁹ Там же, оп. 8, д. 7, л. 51 об.
⁷⁰ Там же, д. 129, л. 72 об.
⁷¹ Там же, оп. 2, д. 93, л. 11.
⁷² Там же, оп. 8, д. 77, л. 80.
⁷³ Там же, д. 129, л. 22—22 об.; д. 63, л. 1, 4 об., 45 об.; д. 77, л. 51 об.; д. 81, л. 9.
⁷⁴ Там же, д. 77, л. 80 об.
⁷⁵ Там же, д. 129, л. 85.
⁷⁶ Там же, оп. 2, д. 59, л. 3.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же, л. 6 об.
⁷⁹ *Князев В.* Ямбургская деревня // Творчество. 1918. № 3. С. 1—10.
⁸⁰ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 190, л. 9.
⁸¹ Там же, л. 6.
⁸² Там же.
⁸³ Там же, л. 6—6 об.
⁸⁴ Там же, л. 8; д. 59, л. 3 об.—4.
⁸⁵ Там же, д. 55, л. 10 об.
⁸⁶ Там же, д. 190, л. 9.
⁸⁷ Там же, оп. 8, д. 77, л. 1; д. 129, л. 22, 85.

Часть III

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ДЕРЕВНЕ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Предварительные замечания

Политическое следствие в пореволюционной России уже освещалось публицистами, историками и писателями — от С. П. Мельгунова до А. И. Солженицына. То, что оно было в значительной мере фальсифицировано, ныне мало кто оспаривает. Вместе с тем документы политического судопроизводства являются важнейшим источником для изучения политического и правового сознания северо-западного крестьянства. Хотя людей, чьи «дела» будут рассмотрены ниже, можно отнести к крестьянам только с оговорками, все же, анализируя эти документы, мы многое узнаем о взглядах самих крестьян, об их имущественном противостоянии, о политическом «оформлении» бытовых поступков, и, наконец, о структуре и критериях политического контроля — одного из главных регуляторов общественных настроений. Документы помогают выявить причины возникновения и характер политической направленности следственных действий на низовом (волостном и уездном) уровнях, а также элементы юридического мышления новых судебных чиновников, а это, в свою очередь, позволит адекватно оценить и ядро информации в многочисленных свидетельствах о политической оппозиции в деревне. В историко-юридической литературе последних десятилетий¹ эти вопросы еще не стали предметом специальных исследований. Автором использованы материалы четырех дел, сохранившихся в фондах 142 (Комиссариат внутренних дел Союза Коммун Северной области) и 9439 (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем СКСО) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

«ДЕЛО» М. ДОНСКОГО

«Дело» М. Донского может в определенной мере считаться образцом фабрикации политических обвинений. Началом его стало задержание в ночь на 8 августа 1918 г. в селе Вознесенская Пристань (Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии) 63-летнего мясника Михаила Ивановича Донского. Он пытался сорвать со столба какие-то листовки, был замечен патрулем и приведен для объяснения в военный комиссариат.

Что это были за листовки, выяснить трудно. Сам М. И. Донской позднее заявлял, что «бумажки он сорвал как не имеющие никакого значения».² По сообщениям властей, они содержали «политические и внутренние распоряжения по поселку»,³ а по свидетельству сына М. И. Донского, это было «изданное местным Комиссариатом по внутренним делам объявление о починке тротуаров».⁴ Хотя срыв листовок явился одним из главных оснований для ареста, в официальных документах нет никаких более точных и конкретных указаний об их содержании. И это не случайно. Причиной дальнейших следственных действий после задержания стали не столько листовки, сколько поведение М. И. Донского на допросе в военкомате.

Допросу предшествовал личный обыск арестованного, у него отобрали деньги и золотые часы. Сам обыск был предусмотрен действовавшими инструкциями, но очевидно, что М. И. Донскому было трудно понять, отчего допрос не мог быть проведен прежде изъятия у него часов. Несомненно, все произошедшее он принял за начало грабежа. Вообще этот инцидент должен был закончиться обычным штрафом. При нехватке и дороговизне бумаги мотивы поступка М. И. Донского могли быть достаточно прозаичны и весьма далеки от политики. Сценарий разрешения подобных конфликтов был традиционен: краткий допрос и завершающая его нравоучительная сентенция должностного лица. Не стал исключением и этот случай: после беседы военкомиссар «гражданину Донскому выразил всю непристойность его поведения срывать советские объявления и сказал, что вы за это будете наказаны по всем строгостям революционного времени и подвергнетесь штрафу».⁵

Упоминание о штрафах и взорвало М. И. Донского. Услышав о новых поборах, он не выдержал и крикнул: «Ну грабьте, все в ваших силах».⁶ Эти слова и привели к роковой развязке. Вместо уплаты штрафа М. И. Донской был немедленно водворен в «арестное помещение».

На следующий день, 8 августа, состоялось заседание исполкома поселкового Совета, где с докладом о деле М. И. Донского выступил уже сам его председатель Дерябов. Незначительное происшествие вдруг стало приобретать необычно широкий резонанс. На заседании было решено послать комиссару внутренних дел СКСО М. С. Урицкому телеграмму следующего содержания: «Контр-

революционер Михаил Иванович Донской ночью срывал советские объявления и воззвания. Снят точный допрос... Телеграфируйте, как поступить: послать к вам или ждать следственную комиссию». ⁷ Тут же постановили произвести на квартире М. И. Донского «тщательный обыск, что может дать более материалов следственной комиссии». ⁸

Трудно сказать, почему «дело» М. И. Донского вызвало столь бурную реакцию. Объяснения здесь могут быть разными, но особо отметим два обстоятельства. Во-первых, в тот период произошло ужесточение политического поведения всех структур управления, и это было следствием изменения баланса власти. Распад правительственной коалиции в марте 1918 г. придал большевикам смелости в их действиях: теперь не надо было оглядываться на прежних политических союзников, левых эсеров, которые, хотя и не отрицали террор, но все же дорожили своей репутацией защитников крестьян. Во-вторых, в июле—августе 1918 г. резко обострилась военно-политическая ситуация в стране, и правящая партия усматривала свой шанс на выживание только в усилении репрессий. Отсюда и учатившиеся требования жестких наказаний и даже поощрения революционных самосудов и внесудебных казней, шедшие уже с самого верха как раз с лета 1918 г. Сентябрьский красный террор был, по существу, лишь легализацией, публичным обнажением тех приемов, которые санкционировались и применялись раньше. В инциденте с М. И. Донским уже можно обнаружить характерное усваивание в низовых структурах власти новых форм политического поведения — форм, которые, хотя и не были им чужды, но все же, не будучи официально разрешенными, имели пределы.

Сейчас сложно выяснить, искали ли местные власти предлог для показательной расправы (запугивание уже тогда становилось одним из важнейших приемов манипулирования массами) ⁹ или действительно сочли мясника опасным врагом. Но уже само молниеносное обращение в высшие инстанции во многом определило дальнейшую судьбу М. И. Донского. Его оправдание в любом случае могло уронить престиж местной власти. То, что срыв листовок даже с большой натяжкой не мог быть сочтен серьезным поводом для судебного разбирательства, было ясно всем. Потому и потребовался обыск в доме Донского, во время которого намеревались добыть более весомые аргументы в пользу осуждения. Он, однако, никаких компрометирующих материалов не дал. Тогда следствие сделало другой ход.

Этим ходом стало «дополнение» политических обвинений уголовными. Собственно, и здесь основания для преследования были крайне шаткими. М. И. Донской был заподозрен (по чьей-то жалобе) в продаже мяса больной коровы. Расследование этого факта отражено в протоколе дознания. «Гражданин Михаил Иванович Донской показал, что... коровы он не покупал, а покупал корову Андрей

Ефимович Панышев... Гражданин Андрей Ефимович Панышев показал, что он корову купил у гражданина Андрея Петровича Лучина живую, и корова была нездорова в телени, а другой болью не болела... Жена Андрея Петровича Лучина показала, что корова действительно была больна в телени и больше ничем не болела, а когда убили, то была живая».¹⁰ Запись этих однообразно-монотонных допросов воспроизведена здесь лишь с одной целью: показать, на основании каких доказательств члены уездной ЧК пришли к следующему выводу: во всем виноват только М. И. Донской.

Тут и была найдена формула для тяжкого обвинения — «мародер». При этом сразу достигались две цели. С одной стороны, были «подкреплены» прежние обвинения против М. И. Донского, с другой — найдена причина, более оправдывавшая в глазах людей жестокость наказания, чем инцидент с листовками. Вряд ли стоит говорить о корректности применения в данном случае самого термина «мародерство», — лексическая путаница вообще была характерна для того времени. Отметим только, что система наказаний за это преступление была уже достаточно разработана и к тому же основана на прочной правовой традиции. Этого не скажешь о политических преступлениях, характеристики которых пока еще были неопределенными, а пресекавшие их наказания — импровизированными. В двойном «преступлении» М. И. Донского — одновременно политическом и уголовном — приговор был если не предрешен, то юридически мотивирован (и тем самым стал реально возможен) обвинениями в мародерстве. В любом случае оно было тем камнем, который помог перевесить чашу весов в пользу осуждения. Это отражено и в постановлении Лодейнопольской уездной ЧК: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание, что гр. Михаил Иванович Донской, как усматривается из показаний, явный контрреволюционер, а также причисляется к разряду мародеров, и, исходя из этого, Донской заслуживает более сурового наказания, постановила: гр. Михаила Ивановича Донского на основании Декрета Совета Народных Комиссаров Петроградской Коммуны приговорили расстрелять, и настоящее постановление передать на утверждение Губернской Чрезвычайной Комиссии».¹¹ Олонецкая ГубЧК дала согласие уже на следующий день — 26 августа.¹²

Ссылка на пресловутый декрет многое проясняет в механизме осуждения М. И. Донского на казнь. Сначала подбирали аргументы для обвинения, а когда их наконец нашли, то выяснилось, что они являются достаточным основанием и для расстрела. Произошло это после подписания 18 августа уже упомянутого декрета Совета Комиссаров СКСО; на следующий день его опубликовал региональный официоз «Северная Коммуна». «Враги народа бросают вызов революции, — заявлялось в нем, — убивают наших братьев, сеют

измену и тем самым вынуждают Коммуну к самообороне... За контрреволюционную агитацию, за призыв красноармейцев не подчиняться решениям Советской власти, за тайную или явную поддержку того или иного иностранного правительства, за вербовку сил для чехословацких и англо-французских банд, за шпионство, за взяточничество, за спекуляцию, за грабежи и налеты, за погромы, за саботаж и т. п. преступления виновные подлежат немедленному расстрелу»¹³. Декрет и поставил последнюю точку в деле М. И. Донского

Как это нередко случалось в то время, издание подобных декретов не только санкционировало, но и заметно ускорило применение более жестких наказаний: между арестом М. И. Донского (8 августа) и его расстрелом (28 августа) прошло чуть менее трех недель. Обратим внимание на официальное «Объявление», выпущенное в связи с этой казнью: «...расстрелян контрреволюционер и мародер, обвиняемый в агитации против Советской власти и за срывание советских объявлений...»¹⁴ Об агитации нет никаких упоминаний в следственном деле М. И. Донского. Зато в декрете она названа как одна из причин, достаточных для применения смертной казни. Возникает впечатление, что ряд обвинений получил окончательные формулировки даже не по результатам следствия (во многом фальсифицированного), а уже просто с оглядкой на подоспевший декрет.

Отметим основные этапы конструирования этого «дела». Незначительному бытовому происшествию придана отчетливая политическая окраска. Проводятся дополнительные следственные действия с целью подтверждения вины. Одновременно подыскиваются компрометирующие материалы, позволяющие не столько подкрепить политическую версию, сколько найти более значащие аргументы для осуждения. С помощью следственных подтасовок М. И. Донскому приписывается совершение общественно опасных деяний. Последним придается четкая уголовная направленность и черты умышленного преступления; их масштабность и значимость заметно расширяются.

Смешение политических и уголовных мотивов в этом деле весьма показательно. Оно определенно указывает на пока еще слабую разработанность идеологии и практики политических наказаний в советское время (старыми воспользоваться по известным причинам не могли). Приемы фальсификации «дела» довольно элементарны. Обвинения умножались, и отдельный случай представлялся уже как нечто закономерное. Следственные материалы не просто искажались, но многие из них получали необходимый следствию акцент, что усугубляло вину «преступника». И, наконец, проступки обвиняемого представлялись в той последовательности и в тех сочетаниях, которые должны были свидетельствовать о их неслучайности и обдуманности.

По уже отмеченным следственным действиям нетрудно определить, сколь значительной оказалась в то время деформация низово-

го судебного аппарата. В документах «дела» нет ни одной ссылки на закон — ни на старый, ни на «революционный», кроме упоминания местного декрета, о юридической строгости которого достаточно судить по оговорке «и т. п. преступления». О том, что закон не имеет обратной силы и потому не мог служить основанием для казни, тут, очевидно, и не подозревали. Судебные материалы однозначно указывают на бесправие обвиняемого, отсутствие традиционных норм и правил расследования.

«ДЕЛО» И. ВАСИЛЬЕВА И П. ВЕТОШКИНА

«Дело» агитаторов Ивана Васильева и Павла Ветошкина не имело столь трагической развязки. Его политическое оформление в конечном счете не состоялось. Но для нас важнее проследить, как пытались это сделать, и здесь мы обнаруживаем приемы и методы фабрикации, уже знакомые по «делу» М. И. Донского.

В центре конфликта оказались петроградские рабочие, прибывшие осенью 1918 г. в Холмский уезд (Псковская губерния) для ведения коммунистической агитации среди местных крестьян. Возможно, это не было их единственной и главной целью: местом командировки были родные села, и агитацией рабочие занимались попутно с помощью своим близким. Очевидно, был недалеко от истины их недоброжелатель, доносивший местным властям, что «означенные лица прибыли не с целью агитирования, а просто так побывать на родине, ибо рабочих как таковых в отпуск не отпускают в настоящее время, а прибыв в местный исполком, им поневоле пришлось взяться за агитирование».¹⁵

Толчком к фабрикации политического дела стало достаточно вольное, по мнению уездных чинов, поведение агитаторов, и особенно непочтительность к местным властям, дошедшая до прямого вмешательства в их дела.

Один из первых сигналов о неблагонадежности П. Ветошкина поступил после инцидента в Каменском волостном Совдепе. Здесь П. Ветошкин случайно стал свидетелем упреков членам волсовдепа в том, что «на починку дорог выгнана только беднота, а кулаков нет».¹⁶ Он сразу же вмешался: «Починку дорог должны производить кулаки, а также и беднота... Не есть кулак крестьянин, который своими мозолистыми руками добывает себе хлеб и имеет среднее хозяйство и самому не хватает хлеба».¹⁷ Присутствовавший при этом один из чиновников тут же «нашел, что агитатор Ветошкин ведет агитацию против Советской власти и обо всем сделал доклад в партию».¹⁸ Те же выводы (и с теми же последствиями) были почти одновременно сделаны и в отношении И. Васильева. Он вступился за арестованного бывшего пристава Жемчужина и даже ездил с ходатайством односельчан о его освобождении.¹⁹ Видевший все это некий организатор комбеда

«также сделал доклад в партию по отношению действия Васильева».²⁰

На основании этих двух свидетельств Холмский уездный комитет (Уком) РКП(б) 8 октября 1918 г. пришел к выводу о необходимости ареста П. Ветошкина и И. Васильева местной ЧК. На заседании, в частности, утверждалось, что агитаторы, «во-первых, принадлежат к кулацкому элементу, о чем свидетельствуют документальные данные от волостных исполкомов об их имущественном положении; во-вторых, агитации и митингов совсем не производят, а если и ведут, то в противную для нас сторону, и в-третьих, ... [приехали] не устраивать митингов, а просто отдохнуть под видом агитаторов и защищать кулаков... Они ведут почти что антисоветскую пропаганду... они дезорганизуют массы».²¹

Говорили на заседании комитета все те же два информатора — член Каменского волсовдепа и организатор комитета бедноты; остальные согласились с арестом. О правомочности своих почти что прокурорских полномочий Уком, судя по всему, вряд ли задумывался, как впрочем и ЧК, выполнявший его директиву. Таков был новый обычай, иной канвы следственных действий, очевидно, уже не знали или не хотели знать. Обратим внимание на последовательность «углубления» обвинительных аргументов в выступлениях на заседаниях Укома. Слова агитаторов не просто фиксировались, но и подчеркивалась их умышленность — последнее доказывается упоминанием об их имущественном достатке. Тем самым действия агитаторов получали привычное для того времени классовое объяснение, и их слова уже нельзя было счесть случайной оговоркой. Формально логические следствия их проступков выданы за непреложный факт, догадки — за нечто существовавшее. Сначала был сделан чисто субъективный вывод о защите кулаков, затем — логический вывод о дезорганизации масс. Там, где возникло одно обвинение, были сконструированы уже три — такова несложная арифметика умножения преступлений, при которой $3 \times 0 = 3$; ее применение еще лучше видно в «деле» М. И. Донского.

Уже на следующий день, 9 октября, секретарь оперотдела Холмской УЧК записывает подробные ответы члена коллегии уездной биржи труда. Разговор на допросе шел об И. Васильеве, с которым информатор имел случай довольно долго беседовать в начале октября. Публичные реплики И. Васильева о кулаках и бедняках не были столь известны, как слова П. Ветошкина, потому понятно, отчего ЧК интересовала в первую очередь именно эта деталь. Показания и придали действиям И. Васильева нужную политическую криминальность: «В беседе этой Васильев, между прочим, сказал, что в Холмском уезде не имеется кулаков и напрасно Чрезвычайная комиссия арестовывает лиц, как например Жемчужина, бывш. пристава. Васильев мне объяснил, что кулак тот, который имеет 30 000 рублей

и сам не работает. То же самое объяснял Васильев на Наговском волостном митинге, где присутствовал и я».²²

Протокол этого допроса, если оценивать его содержание, является не столько записью всего того, что вспомнил информатор, сколько материалом для готовящегося обвинения. Вот характерный пример. «Я спросил у Васильева, — читаем в показаниях, — где она [М. А. Спиридонова]²³ в настоящее время. Васильев сообщал мне, что она сидит, и добавил, что его чуть не выставили из партии за то, что он защищал Спиридонову».²⁴ Эпизод, казалось, был давний и не имевший отношения к данному инциденту, но его особая фиксация несомненно помогала обеспечить большую убедительность собранным уликам. Уже по тому, что записывалось и отдельно подмечалось в следственных документах, можно в общих чертах воссоздать последовательность формирования политического дела.

Разумеется, взгляды П. Ветошкина и И. Васильева отличались от ортодоксально-большевистских. Политические обвинения им можно было предъявить с большей долей уверенности, нежели М. И. Донскому. Но все же границы их политического вольнодумства едва ли были широки. В сущности, рабочие говорили о том же, о чем и многочисленные «вожди», что нередко упоминалось на митингах и в газетах, что вообще подразумевалось как должное: о недопустимости смешения «добросовестного крестьянина» с «кулаком». Пройдет немного времени, и о «повороте к середняку», о «доверии к середняку» вообще будут говорить все и всюду, начиная с Кремля и кончая сельским клубом. Мы видим, что поступки обоих рабочих, коммунистов, в целом не выходят за рамки тех политических регламентов, которые унифицировали поведение членов РКП(б). Они, например, охотно выступают на митингах с коммунистическими речами. Они, если и протестуют, то не против самого понятия «кулак» и не против подавления крупных земледельцев, а лишь против причисления к ним «середняков».

Сохранилась запись выступления П. Ветошкина на митинге в Тухомичской волости, сделанная местным учителем. Сложно судить, кто подвигнул последнего на сей труд, но этот документ был также приобщен к следственному делу. Стоит без изменения стиля подлинника воспроизвести запись речи агитатора, чтобы увидеть и особенности его политического мышления, и в целом логику и уместность используемых им политико-лексических штампов. При чтении текста заметно, что протоколист едва поспевал за докладчиком, — слова подчас будто проглатываются. Однако заметная нескладница речи имеет не только эту причину. Так говорили и так писали тогда очень многие из числа активистов — рабочих и новоиспеченной интеллигенции. В данном случае очень ощутима, с одной стороны, ориентация на газетные

клише, а с другой — личная импровизация оратора, еще более упростившего попавший в его руки агитационный материал.

«Явился я потому, — начинал свое выступление П. Ветошкин, — чтобы осведомить население... Почему у нас нет хлеба? ... Это случилось потому, что народ был призван на войну. Во всем виновата война... Буржуй и помещик, едва он хоть чуть честный человек, и он скажет, что не Советы, а империалистическая война. Так же страдают и другие народы. Никто из трудового народа не должен быть союзником помещику и капиталисту. Если война не кончится, то дойдем до краха: не будет хлеба, не будет железа... Мы должны задавить помещика и капиталиста. Империалистическая война была бы выгодна самому крупному помещику: он хотел убить побольше народу; народ будет в огромной нищете и тогда [помещик] будет снова царствовать».²⁵ А вот еще один фрагмент: «Но некоторые помещики и капиталисты уже валяются у ног и просят хлеба, но мы им не дадим. Им дадим тогда, когда они откажутся от своих прав. Сейчас идет борьба двух классов, а другой — класс капитала. Вот с этим классом мы и ведем страшную борьбу. Вам помещики говорят, что заключили невыгодную войну. Этим они стараются доказать, что мы продали страну. Все те недоумки, которые кричат, что нельзя войну заключать и за контрибуции».²⁶

В этих записях едва бы нашли что-либо интересное даже изощренные фабрикатеры политических «дел». Впрочем, и повторение оратором «подозрительных» рассуждений о кулаках оставляло мало места для творчества следователей: «Самые беднейшие не должны отбирать у крестьянина лошадь — словом, разорять среднего крестьянина. Если мы сделаем всех бедняками, если нужно разорить среднего крестьянина, то это вред. Мы должны не разорять, а поднять тех, у кого нет ничего. Мы должны карать лишь тех, кто не хочет поделиться».²⁷

«Отклонение» П. Ветошкина и И. Васильева состояло в том, что стершимся от частого употребления лозунгам они нашли практическое применение, использовав их как оружие в конфликте с местными властями. Причиной же споров могли быть или имущественные споры (на что намекал Уком РКП(б)), или чрезмерная «раскованность» рабочих, которые не заботились о субординации и даже осмелились кого-то поучать, или еще что-то иное. Во всем этом виден и отпечаток личной неприязни между агитаторами и укомовскими информаторами. В документах, например, отмечено такое мнение И. Васильева о комбедовце: «Много выставляет свое я».²⁸ Политическая направленность ссоры определилась, возможно, и не сразу. Аргументы обвинения могли быть и другими. Однако, коль скоро в возникшей перепалке были затронуты и политические вопросы, любое уклонение, пусть и непринципиальное, от традиционной их трактовки охотно представили как криминал. «Дело» быстро стало формироваться по привычным схемам.

Оно не отняло бы много времени у его инициаторов, если бы неожиданно не случилось осечки. Присланный из Комиссариата внутренних дел СКСО следователь отказался рассматривать его как «контрреволюционное». Скучность материалов для обвинения едва ли была здесь главной причиной. Известны были уже случаи осуждения, для которых требовалось еще меньше доказательств. Отметим, что и взгляды следователя не отличались особой юридической строгостью. Вот, например, как он судил о провинностях И. Васильева: «Он... виновен в защите бывшего пристава Жемчужина и [в] том, что он катался с его дочкой и сыном на лошади, и [в] том, что он ездил с постановлением граждан... о скорейшем разборе дела Жемчужина».²⁹

Однако в данном случае на скамью подсудимых пытались посадить большевиков, и обвиняли их не в растрате или превышении власти, а в антисоветской агитации, что уже само по себе было необычно. Если приговором над М. И. Донским запугивали несогласных, то здесь судебное решение пришлось бы утаивать. Устройство показательных процессов над разочаровавшимися коммунистами очевидно дискредитировало бы и партию, и саму большевистскую идею. Прецедентов почти не было, идеологической значимости «дело» не имело. П. Ветошкин занимал, к тому же, какой-то пост в профсоюзной организации петроградских железнодорожников.³⁰

Все это если и не останавливало «дело», то вызывало при его разборе особую осторожность. Возможно, колебания следователя объясняет и еще одна причина. В документах имеется телеграмма Холмского уездного комитета РКП(б) о том, что следователь Глебов относится к своим обязанностям пристрастно, ибо он «местный житель, заинтересован [в] деле».³¹ Если это так, то еще более ярко обнаруживается характерная деталь начальной стадии сотворения «советской законности» — ее правовой волюнтаризм, который питался всем чем угодно: от «революционного сознания» до сознания коллективистско-общинного. Однако показательно, что и второй следователь, присланный из Петрограда — Козлов — полностью подтвердил основные выводы Глебова. Это, конечно, означало не только признание шаткости обвинительных улик, собранных местными партийцами. Своим требованием отставки следователя уездный комитет РКП(б) косвенно поставил под сомнение репутацию Комиссариата внутренних дел СКСО, и это было сделано в той ситуации острых межведомственных склок, которыми знаменита вся эпоха 1918—1920 гг., да и более поздние времена. Вынести иное заключение по делу значило обнаружить свою некомпетентность, даже намек на которую вызывал у карательных органов сильную аллергию.

Примечательнее всего в «деле» П. Ветошкина и И. Васильева то, что любое слово и даже намек, даже жест, содержавшие в себе

критику именно неполитических действий местных властей, сразу приобретали оттенок политического криминала. Новое судопроизводство формировалось в тех условиях, когда становился подозрительным не только политический либерализм как таковой, но даже либерализм в строго очерченных ортодоксальных рамках. Инструменты политического сыска изначально приспосабливались именно к этому очень изощренному выявлению и оценке не столько открытых действий, сколько намерений, скрытых намеков и неосторожно сказанных фраз.

«ДЕЛО» М. ДОРНИЧЕВА

Поводом для подготовки еще одного политического «дела» — «о контрреволюционном выступлении гр. М. Д. Дороничева» — стал инцидент на собрании граждан Мегринской волости (Белозерский уезд Олонецкой губернии) 21 декабря 1918 г. Основанием для расследования послужил донос агитатора, читавшего здесь «доклад по текущему моменту, о мобилизации людей, лошадей, коров и пр.». По его словам, «Михаил Дмитриевич Дороничев, указывая на усталость населения и смертельные случаи от голода граждан волости, говорил, что если народная власть не доставит хлеба, не оставит у нас последних коров и людей и лошадей, то мы не сможем идти в ряды армии. Гражданин селения Мегры, председательствующий на этом собрании, тов. Блинов говорил: „Почему нет свободы слова, печати, личности и пр.“, так что это собрание носило контрреволюционный характер. Предложенная мною резолюция была большинством голосов отклонена, и была принята резолюция приемлемая для граждан Мегринской волости».³²

Из протоколов допросов М. Д. Дороничева и С. И. Блинова можно почерпнуть кое-какие сведения об их биографиях. М. Д. Дороничев являлся членом РСДРП (меньшевиков) с 1905 г., тогда же был сослан в Тобольскую губернию, откуда в 1906 г. бежал в Петербург. Там, по его словам, он вновь занялся партийной работой. Однако в материалах следствия уже не приводится никаких подробностей о его дальнейшей революционной деятельности. Судя по всему, Дороничев, как и многие, после революции 1905 г. стал постепенно отходить от политики. В 1918 г. он служил в Белозерском Союзе кооперативов, входил в местную организацию меньшевиков, но в оппозиции большевикам замечен не был. Его меньшевистское прошлое, как это ни покажется странным, тогда еще не накладывало неизгладимой печати врага народа, а в сочетании с революционными заслугами принесло ему даже некоторое уважение.³³ К тому же в ноябре 1918 г. произошло краткое примирение большевиков с меньшевиками, что вскоре привело к легализации последних. Во всяком случае, в дальнейших следственных действиях партийность М. Д. Дороничева никак не обыгрывалась; казалось, ее просто не замечали.

У другого подозреваемого — Блинова — была не менее революционная биография. О себе он показывал, что в 1904—1905 гг. являлся эсэром, в 1906 г. приговорен к каторге, от которой его освободила революция 1917 г. Некоторое время он работал секретарем в земстве, а затем стал председателем Комитета деревенской бедноты. Похоже, Блинов был совершенным воплощением активиста, хотя сам этот термин тогда еще не был распространен. Посланный в ноябре 1918 г. на съезд комбедов Северной области в Петроград, он и там не удержался и выступил с речью, получив рукопожатие и благодарность С. П. Воскова и аплодисменты делегатов.³⁴

По ряду деталей можно в общем представить психологический контекст выступлений обоих ораторов на митинге. Прочитавшему доклад агитатору начали задавать вопросы; спрашивали в основном женщины и почти только о хлебе. И тут, по словам очевидца, «после ряда выступивших ораторов, собрание стало носить более бурный характер, стали выливать обиды на голод и даже одна женщина и мальчик плакали».³⁵ Уже по этим скупым штрихам нетрудно заметить, как нарастала нервозность зала — от вопросов о хлебе до крика и плача. К этому не были причастны ни Блинов, ни Доронищев, что подтвердили впоследствии и многие показания. Блинов и Доронищев вмешались в ход дискуссии лишь на ее критической стадии. Эти люди, имевшие немалый ораторский опыт, эмоционально чуткие и социально активные (их биографии ведь не были случайностью), в данной ситуации промолчать не смогли. Бесспорно, они не только усилили критический настрой зала, но и сами старались не поддаваться ему. Речи их, конечно, отражали недовольство крестьян, но, что характерно, ораторы остерегались всего, что могло придать их выступлениям политический оттенок.

Выступление С. Блинова вообще имело «служебный» характер — он председательствовал на собрании и потому должен был как-то реагировать на крики и плач. Его реплика о свободе слова дошла до нас в нескольких вариантах, и во всех случаях отмечена ее сдержанность. Сам С. Блинов так передавал ее в своих показаниях: «Я, чтобы знали власти, что делается в деревне, сказал, что нужно дать свободу высказываться гражданам и просил зафиксировать все полностью, как велось собрание».³⁶ Близко к этому и свидетельство секретаря собрания Н. Колызаева: «...после доклада председатель митинга т. Блинов сделал такого рода заявление, что теперь граждане, присутствующие на митинге, могут высказываться, так как теперь есть свобода слова».³⁷

Настойчивый призыв С. Блинова вполне объясним, ибо только это могло ввести собрание в обычное русло. Говорить ведь на собрании не запрещалось никому, «свобода слова» подразумевалась, но после нескольких речей люди уже не выступали, а кричали, шумели, плакали; было «бурно», как говорил очевидец. Реплика С. Блинова в данном контексте не более чем «умиротворяющий»

ораторский прием, она отнюдь не была утверждением об отсутствии свобод. Но в той атмосфере враждебности, что возникла на митинге, даже благонамеренное пожелание не шуметь, а свободно высказаться по существу дела, вполне могло показаться агитатору двусмысленным. И едва он услышал о свободе слова, ему померещился то ли перепев «учредилловских» идей, то ли даже какой-то потаенный смысл.

С. Блинов в конечном счете оправдался, «дела» на него не завели, но уже проявленное со стороны следователя обостренное восприятие «крамолы» говорит о многом. И оно в значительной мере объясняет, почему М. Дороничев, произнесший хотя и не реплику, а речь, но столь же умеренную, подвергся за нее гонениям.

Следователь скрупулезно опрашивал всех очевидцев выступления М. Дороничева, но улов его богатым не назовешь. Наиболее полный отчет об этой речи содержится, разумеется, в показаниях самого оратора: «...агитационной речи против Советской власти я не произносил, а указывал на тяжкое экономическое положение; ...тов. агитаторам следовало бы обратить на это внимание и ходатайствовать перед центральной властью об отмене реквизиции лошадей и коров... Я просил тов. агитаторов не переоценивать сил нашего Севера, а представить ту картину, которая есть в действительности, не вводить в заблуждение центральную власть».³⁸

Сохранилась составленная М. Дороничевым резолюция митинга. «Просительный» тон выступления передался и ей: «Наше население разорено, устало, оно ежедневно мрет как от болезни, так и от голода; если наша народная власть не оставит у нас последних лошадей и коров, если не доставит нам хлеба, если не увеличит производительности сельскохозяйственной жизни, то людей ожидает в недалеком будущем окончательное вымирание и гибель».³⁹ Резолюция эта была принята вместо другой, предложенной агитатором и сразу отвергнутой. Такая замена, однако, не повлияла на общий итог: постановление собрания было явно умеренным, что может служить косвенным свидетельством истинности показаний М. Дороничева.

Эти показания подтвердили и другие очевидцы. Один из наиболее осведомленных, секретарь собрания Н. Колызаев, почти дословно повторил изложение М. Дороничева: «Он стал говорить, что ввиду того, что в этом году был недород хлеба, то мы хотя хотим помогать настоящей власти, чем можем, и уже дали лошадей, но просили бы т. агитаторов довести до сведения центральной власти, что коров необходимо оставить в волости».⁴⁰ Другие были более кратки, но и их показания мало чем отличаются от предыдущего: «Дороничев... говорил, что нужно просить власть, чтобы она обратила внимание на нужды населения и сделала некоторое снисхождение»; «...в речи Дороничева ничего против власти не слышал, а он только говорил, что хлеба доставать трудно».⁴¹

Свидетели П. Борочев и П. Вавилин были допрошены по просьбе самого М. Дороничева, но по ряду деталей можно предположить, что он рассчитывал не столько на их пристрастную помощь, сколько на объективность. Ответы П. Вавилина, например, далеки от безоговорочной поддержки М. Дороничева: «Его речь я слышал всю и вынес такое впечатление, что это говорил ни в коем случае не большевик-коммунист, а если уж не противник, то по крайней мере во многом несогласный с действиями Советской власти в вопросах о мобилизации лошадей, коров и людей. Речи Дороничева я дословно не помню, так как прошло много времени, но открытых же выпадов против власти я не слышал».⁴²

Как и в других рассмотренных «делах», здесь показания тоже следуют заранее намеченной канве — это не просто запись того, что запомнилось на митинге. Вопросы следователя в документах не фиксируются, но по ответам свидетелей нетрудно определить то, что его интересовало. Так, все опрошенные неизменно упоминали о политической благонадежности М. Дороничева. Этот оттенок присутствовал даже в показаниях С. Борочева, который вообще ничего не смог сообщить о крамольной речи: он ушел с собрания в самом начале, и потому не был очевидцем происшествия. Но и он ответил: «Могу сказать, что раньше Дороничев был выслан в Сибирь за политику, а в настоящее время я от него не слышал ничего, чтобы он говорил, что власть не хороша для народа».⁴³

То же рассказывали и другие. Единственным аргументом в пользу обвинения М. Дороничева могла стать, пожалуй, его оговорка о голодных смертях в уезде. О ней говорилось почти на всех допросах и, думается, не только потому, что это показалось свидетелям чрезмерным и тем самым запомнилось им. Так, случаи смертей счел нужным специально отрицать даже не присутствовавший на собрании С. Борочев; несомненно, его прямо спросили об этом.

Таков был почти весь следственный материал, на основании которого полагалось вынести заключение о степени вины М. Дороничева. Мы намеренно прибегли к столь широкому цитированию, чтобы еще более оттенить парадоксальность выводов следователя. В его действиях, возможно, и была своя логика, но эта логика не столько отражала правовую традицию, сколько прямо соотносилась с политической психологией большевистских низов.

Датированное 3 февраля 1919 г. заключение следователя дает нам уникальную возможность увидеть не только результат его работы, но, говоря словами Гегеля, и становление результата, самый ход его политико-правовой мысли. Основной вывод обвинительного заключения был высказан, вопреки старой юридической традиции, уже в самом начале: «Гражданин Дороничев действительно частично вел агитацию против действий Советской власти на митинге 21-го декабря 1918 г.» Оговорка о «частичной» агитации, как можно понять из дальнейшего, означала здесь не столько умеренность критики,

сколько ее маскировку: «И вел это так умело, что затрагивая большие вопросы жизни, казалось, он описывал только течение жизни».⁴⁴

Характерно это слово — «казалось». В самом заключении нет никаких упоминаний ни кодексов, ни уложений, ни декретов новой власти. Но даже, окажись правовые акты у следователя под рукой, применить их было бы сложно: М. Дороничев обвинялся не столько за свои действия, сколько за их гипотетические последствия. Ему в основном инкриминировали составление пресловутой резолюции митинга (далее в обвинительном заключении следует почти дословный ее пересказ). Немного подвергнутая сокращениям в изложении следователя, эта резолюция выглядит еще более умеренной. Ее содержание сведено буквально к следующему: если власть не даст хлеба, то население будет голодать. Против такого силлогизма возразить было трудно — и не возражали. Криминал увидели в другом: «Неграмотные люди, плохо разбирающиеся в политических вопросах и хорошо не знающие, чем вызвана продовольственная разруха, представляют себе, что действительно Советская власть не хочет, да и не может дать хлеба народу, а берет только последний, и так они думая, действительно остаются недовольными существующим порядком».⁴⁵ Если в начале заключения по делу следователь с полной уверенностью реконструирует тайные замыслы М. Дороничева, то теперь ему становятся доступны и потаенные думы крестьян.

Эта манера угадывать чужие мысли постепенно становится в юридическом акте все более гротескной, но следователю уже трудно остановиться. Возникает впечатление, что он явно тяготеет кабинетной работой, ему больше подходит роль трибуна: «Но такие господа не говорят того, кто во всем этом виноват, как то: в голоде и в настоящих мобилизациях против мирового капитала». Здесь уже обвинительное заключение напоминает агитационную статью, из компилятора следственных материалов следователь превращается в автора: «Они, т. е. гг. Дороничевы, также не скажут, что ждет народную массу с восстановлением капитала, когда ее ни в чем не будут спрашивать, а будут только приказывать. Это все умалчивается, так как людям не могут прямо сказать, что мы поддерживаем власть... помещиков и буржуазии, хотя и не в прежней форме».⁴⁶ Едва был найден подходящий для объяснения мотивов действий агитационный штамп, и словно бы включился некий невидимый механизм, и следователь воспроизвел всю цепь соотнесенных между собой политических клише, без остановки, автоматически, словно бессознательно — и до конца, пока не выговорился.

«В деле» М. Дороничева, как и в описанном ниже «деле» М. Кайвы, нет сведений о вынесенных приговорах. В данном случае это и не столь важно. Наша цель здесь — изучение характера низового политического следствия. Его трудами и выполнялась основная работа по фабрикации дел. Верхние структуры (губернские и регио-

нальные) лишь утверждали уже подготовленные заключения, либо, что тоже бывало, отменяли их, но дополнительное расследование производилось редко.

«ДЕЛО» М. КАЙВЫ

«Дело» М. Кайвы — один из ярких образцов низового следственного «творчества». М. К. Кайва заведовал совхозом «Холм» в Недамецкой волости (Тихвинский уезд Петроградской губернии). Поводом для его ареста послужил какой-то донос или же просто слухи об агитации. Что здесь имело место, выяснить трудно. Следователь, явно испытывавший недостаток в уликах, в своем заключении не счел даже нужным упомянуть об этом. Скорее всего агитацией сочли рассказы М. Кайвы о бывшем владельце имения С. Дитлове, помещенном, в числе заложников, в московскую Бутырскую тюрьму. Этим, скорее всего, и можно объяснить постановление волостного Совета от 1 ноября 1919 г. Им было решено не только пресечь «агитацию», но и произвести «обыск всех хранилищ хозяйства», чтобы выяснить, «не имеет ли Кайва переписки с бывшим владельцем имения». «Если факт слуха будет подтвержден или будет обнаружена переписка..., то сразу же арестовать его»,⁴⁷ — таким было решение местной власти.

Переписка была найдена уже на следующий день. Тюремные письма С. Дитлова, очевидно, и являлись источником «агитации» М. Кайвы. Но криминалом сочли все же другое. Из писем Совет выяснил, что М. Кайва «посылал продукт для поддержания жизни белых заложников», т. е. С. Дитлову. Никакой иной вины у последнего, кроме «буржуазного происхождения» не было; в тюрьме он оказался, конечно, не случайно, но уж точно не за политическое преступление. Но обычному тогда еще поступку был сразу придан политический оттенок. Вновь созванный на экстренное заседание волсовет определил, что своими поступками М. Кайва «восстанавливал население против советского хозяйства и в частности против Советской власти». Во исполнение предыдущего решения М. Кайва, как замеченный в политической неблагонадежности, был арестован.⁴⁸

Все показания по делу М. Кайвы, собранные следователем, касаются одних и тех же вопросов: когда, сколько и кому давал он молока и масла; ни о какой политике здесь речь не шла. Безусловно, человек, ставший в те голодные годы распорядителем продуктов, оказывался в центре особого, пристального внимания и односельчан, и властей. Бесспорно, в его хозяйстве существовали какие-то неурядки, был ослаблен учет и вообще запутана отчетность. Вместе с тем показания о его работе разноречивы, и какой-либо картины вредительства или постоянного ущемления малоимущих они никоим образом не выявляют. Появление недозволенных, конечно, закономерно: кому-то отказывали в продуктах,

а кто-то их получал; отказы потерпевшие склонны были объяснять тем, что продукты отдавались имущим за большие деньги.

Разумеется, с жалобами шли и в волостной Совет. По тому, с какой быстротой он воспользовался первым же предложением, чтобы сместить М. Кайву, уже можно определить, что здесь завхоз явно пришелся не ко двору. В протоколе Совета от 2 ноября содержится целый перечень провинностей М. Кайвы, и в первую очередь — его отказ помочь семьям красноармейцев. В этом, очевидно, и усмотрели «восстановление населения против совхоза»; политический же вывод напрашивался сам собой.

В своем обвинительном заключении следователь прямо ссылается на постановление Совета, представляя его выводы как неопровержимые доказательства. Но небезынтересно сравнить собственно оригинальный «советский» текст и его обработку следователем. Обнаженные различия впечатляют.

Вот один из фрагментов протокола Совета: «Отношение Кайвы к распоряжениям власти по оказанию помощи продуктами голодающим семьям красноармейцев было отрицательным, с ответами „излишков нет, нужны по хозяйству“; между тем Кайва по своему личному усмотрению отпускал масло и молоко лицам, могущим приобрести на стороне».⁴⁹ В следственном заключении это место изложено следующим образом: «Из протоколов экстренного заседания... устанавливается, что... когда белые банды были близки к колыбели Октябрьской революции — Петрограду, — когда их кощунственная рука была занесена над ним, то *заведующий советского хозяйства Кайва, ведя переписку с бывшими своими хозяевами — помещиками Дитловыми, отказывал в помощи беднейшему населению и семьям защитников революции*, ожидал эти банды, чтобы при их поддержке, в случае удачи, задушить тружеников-бедняков, т. е. был врагом их и сторонником господства помещиков и капитала... Кайва ожидал своих господ, оберегая их имущество, прятал таковое... Подобным своим поведением Кайва именно доказывал угодливость своим бывшим хозяевам и в случае их явки пресмыкался бы перед ними, ожидая подачки из рук паразита».⁵⁰ Мы специально выделили в тексте то, что следователь почерпнул непосредственно из протокола Совета, все остальное — его импровизация, и даже беглого взгляда достаточно, чтобы оценить ее масштабы.

Эти «вариации на тему» нескончаемы, но, заметим сразу, однообразны. Вот еще один пример. Следователь переписывает некое «Уведомление Райсовхоза № 5», из которого следует, что М. Кайва «слишком халатно вел отчетность, которая была им запутана и цифровых данных правильности ведения хозяйства совершенно не установить». Казалось бы, вопрос касается хозяйства, а не политики, и риторические упражнения здесь неуместны. «А почему? — пишет далее следователь. — Да потому, что он был врагом всех завоеваний

Октябрьской революции, был врагом всему советскому». Примеры можно было бы продолжить. «Весь следственный материал рисует Кайву за члена неблаговидного и вредного элемента»⁵¹ — лексическая невнятица этого вывода отражает необычную даже для того времени примитивность фабрикаторских приемов.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ УНИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Этими четырьмя делами, разумеется, далеко не исчерпывается все многообразие судебной практики послереволюционных лет. Вместе с тем они дают достаточно отчетливое представление об основных элементах и приемах советского политического следствия. Отметим некоторые из них.

Для понимания механики судебных действий необходимо прежде всего определить степень их произвольности и ненормативности. Новые юридические структуры унаследовали от дореволюционных тяготение к тщательной регламентации следственных процедур, к детальному, даже дотошному перечислению процессуальных тонкостей.⁵² Послеоктябрьская декретомания не обошла стороной и эту область права. В короткий срок были изданы и буквально начали теснить друг друга декреты, положения, циркуляры: происходило то же, что и в других областях государственного управления, экономики и культуры. Но юридическая «письменность» все более диссонировала с юридической практикой, и этот разрыв между «словом» и «делом» обозначился в изученных нами материалах очень ярко.

Формально сохранялись традиционные следственные приемы: опрос свидетелей, запись показаний обвиняемых, проведение экспертиз, подготовка синтезирующего результаты следствия заключения. Полная отмена данных процедур и не могла произойти. Это, во-первых, окончательно дискредитировало бы и тем самым сильно ослабило бы судебные институты — важный инструмент политической власти большевиков, а во-вторых, имело бы нежелательные для них идеологические последствия. Однако и эти процессуальные приемы становятся все более внешними и формальными, маскируя следственный произвол и фактическое бесправие обвиняемого.

В процессах девальвации юридических норм нельзя видеть только целенаправленную тактику властей, хотя внутренняя эрозия традиционных правовых ценностей, несомненно, отвечала их интересам. Большую роль здесь сыграл и тот низкий уровень общей и политической культуры, который отличал большинство новых судебных чиновников. Это особенно заметно при ознакомлении с подлинниками следственных дел. Лексическая невнятица, а иногда и просто безграмотность формулировок, неправильное

употребление слов и понятий, путаница в названиях учреждений и официальных актов (на которые, кстати, ссылались при назначении наказаний) — все это стало для юридических документов обычным. Правовой произвол был подстегнут и постоянными, нескончаемыми модификациями судебного законодательства. Причины их были разными. С одной стороны, нестабильность военно-политической ситуации побуждала власти ужесточать систему наказаний, сокращать следственные процедуры, ускорять и упрощать самый судебный процесс. С другой стороны, политические выгоды такого упрощения, будучи для властей очевидными, побуждали их к дальнейшим шагам в этом направлении; российская смута здесь была уже не причиной, а предлогом.

Декреты и циркуляры повторялись и противоречили друг другу. Иногда они отменялись столь быстро, что не успевали даже дойти до местных судебных инстанций. Следователь зачастую и сам в точности не мог сказать, по какому положению он действует в настоящее время. Автономизация России после революции еще более обострила этот процесс. Местное законодательное творчество в судебной сфере стало неизбежным итогом регионального дробления страны. Уже упоминавшийся декрет СКСО от 18 августа 1918 г. — характерный, но не единственный тому пример. Достаточно заглянуть в многостраничный сборник декретов и постановлений СКСО, чтобы убедиться, сколь часто здесь по-своему решали вопросы, уже, казалось, объясненные в Москве. В данной ситуации следователь, зачастую имевший лишь «правильное» социальное происхождение, предпочитал руководствоваться пресловутым «революционным сознанием». В рассмотренных нами делах впечатляет отсутствие ссылок на статьи и параграфы законодательных актов. Редко упоминание и самих законов, а если их и называют, то с характерными неточностями, будто узнавали о них с чужих слов, понаслышке. От многочисленных юридических декретов, и местных, и высших, в которых следователь нередко путался, воспринимался как бы «дух» закона, но не его «буква».

При таком положении обвинительный уклон при советском политическом следствии был предрешен. Разумеется, судебные регламенты ориентировали на сбор всех сведений о подозреваемом независимо от того, оправдают ли они его или же усугубят тяжесть его вины. И в следственных делах мы, за редким исключением, видим записи показаний, по-разному трактующие поступки обвиняемых. Однако на самих допросах внимание обращалось прежде всего на те стороны поведения подозреваемых, которые в наибольшей степени могли подчеркнуть именно их неблагонадежность. Даже в тех случаях, когда совокупность свидетельств ясно указывала на невиновность, исход дела мог быть различным. Все зависело от субъективной политической оценки — важнейшего элемента послеоктябрьского следствия. Оценка эта формировалась не при изуче-

нии улик, а после штудирования агитационной литературы «по текущему моменту».

Советское политическое следствие очень чутко реагировало на любые изменения идеологического климата в России. Политизация достаточно заурядных бытовых инцидентов — точный индикатор уровня государственной идеологической нетерпимости. Политический лозунг, вполне большевистский, но не к месту произнесенный, уже мог стать достаточным поводом для подозрений, в неправильном употреблении политических терминов усматривали двусмысленность, в сближении прошедшей и наступившей эпох — опасный намек. Малейший жест, показавшийся сомнительным, — и начиналось буквально нагромождение политических обвинений.

Историки-юристы много писали о генезисе советского правосудия на его начальном этапе. Сравнивались многочисленные судебные акты и даже их черновые варианты и наброски. Воспроизводилась полемика столпов новой юстиции по тем или иным процессуальным деталям, изучалась в подробностях вся иерархия судебных институтов. Однако внизу этой лестницы мы замечаем не спорящего юриста, а малограмотного чиновника, видим не анализ улик, а пересказ политических банальностей. Отчетливое разграничение между декларациями высших юридическими актов, внешне крайне революционными и демократичными, и их практическим воплощением очень важно. Оно позволяет глубже и полнее оценить деформацию традиционных судебных норм на ранней стадии советского общества.

¹ *Гусев Л. Н.* Советская военная юстиция в период иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1951; *Горман А. Я.* Советское государство и право в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1955; 40 лет советского права. Л., 1957; Т. 1; *Кожеевников М. В.* История советского суда. М., 1957; История советского государства и права. Кн. 1—2. М., 1968; *Курицын В. М.* Становление социалистической законности. М., 1983; Вопросы права и законности в первые годы Советской власти. М., 1984; *Портнов В. П., Славин М. М.* Становление советского правосудия Советской России (1917—1922 гг.). М., 1990; *Титов Ю. В.* Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987.

² ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 96, л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ В пользу этого предположения в какой-о мере говорит заключительный абзац «Объявления» о казни М. И. Донского: «Призываем население к спокойствию, но предупреждаем, что со всеми контрреволюционерами и мародерами будем расправляться по всей строгости революционного закона» (Там же, л. 9).

¹⁰ Там же, л. 3.

¹¹ Там же, л. 7.

¹² Там же, л. 7 об.

¹³ Сборник декретов и постановлений по Союзу Коммун Северной области. Пг., 1919. Вып. I. Часть I. С. 132.

¹⁴ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 96, л. 9.

¹⁵ Там же, д. 177, л. 38.

¹⁶ Там же, л. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, л. 9 об.

¹⁹ Мотивы его действий оценить трудно, во всяком случае после своего ареста И. Васильев показал, что «он был введен в заблуждение о Жемчужине» (Там же, л. 5 об.).

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 37 об.

²² Там же, л. 35.

²³ Лидер партии левых эсеров. Была арестована после событий 6 июля 1918 г.

²⁴ ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 96, л. 35.

²⁵ Там же, л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 25.

²⁸ Там же, л. 35.

²⁹ Там же, л. 50 об.

³⁰ Отметим, что частое употребление профсоюзных бланков с печатью ему поставил в вину даже столь либеральный следователь из Петрограда. Там же, л. 10.

³¹ Там же, л. 16.

³² Там же, д. 21, л. 1 об.

³³ Он, например, даже не был арестован, с него лишь взяли подписку о невыезде, мотивировав это тем, что «гражданин Дороничев, член социал-демократической партии меньшевиков, старый партийный работник с 1905 г., не мог говорить зажигательные речи, явно компрометирующие Советскую власть... среди малозначительных... масс» (Там же, л. 1).

³⁴ Там же, л. 4.

³⁵ Там же, л. 3 об.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, л. 4.

³⁸ Там же, л. 3.

³⁹ Там же, л. 1 об.

⁴⁰ Там же, л. 4.

⁴¹ Там же, л. 5.

⁴² Там же, л. об.

⁴³ Там же, л. 5.

⁴⁴ Там же, л. 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, ф. 9439, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴⁸ Там же, л. 2.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 33.

⁵¹ Там же, л. 33 об.

⁵² См.: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде»; Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов»; Циркуляр кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г.; Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской социалистической федеративной республики» (История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов. М., 1955. С. 40—44, 48—54, 58—6, 66—72).

**СПРАВКА
О ДОКУМЕНТАХ ПО ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1918—1919 гг.,
ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВАХ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**Центральный государственный архив
историко-политических документов (ЦГАИПД)**

Фонд 1. Петербургский городской комитет РКП(б).

Доклады агитаторов ПГК РКП(б) и агитационно-пропагандистского отдела Комиссариата по печати и агитации Союза Коммуны Северной области (СКСО) о положении крестьян в Новгородской и Петроградской губерниях. 1918 г. — оп. 1, д. 225, 226, 228, 239, 248.

Фонд 16. Петроградский губернский комитет РКП(б).

Протоколы заседаний Губкома РКП(б) и уездных губпартконференций, совещаний организаторов уездных и городских организаций РКП(б) Петроградской губернии, доклады Губкомун низовых партийных организаций, отчеты о деятельности Губкома, протоколы уездных и волостных общих партийных собраний. 1918—1919 гг. — оп. 1, д. 5, 9, 12, 18, 296, 340, 342, 348; оп. 4, д. 365.

Фонд 806. Ямбургский (Кингисеппский) уездный комитет РКП(б).

Докладные записки и агентурные сводки о политическом положении в пограничных районах, протоколы и резолюции уездных партконференций, протоколы совещания организаторов волостных комитетов РКП(б) и беспартийной конференции ряда волостей уезда, сведения и отчеты уездного комитета РКП(б). 1918 г. — оп. 1, д. 42, 49, 54, 69, 72.

Фонд 0—851. Тихвинский уездный комитет РКП(б).

Доклады агитаторов уездному комитету РКП(б). 1918 г. — оп. 1, д. 6.

Фонд 0—1515. Лужский уездный комитет РКП(б).

Протоколы уездной партконференции, отчеты о работе уездного комитета, протоколы собраний организаторов волостных партийных

комитетов, доклады об обследовании коллективов РКП(б) в уезде. 1919—1920 гг. — оп. 1, д. 20, 28, 35, 75.

Фонд 0—1603. Царскосельский уездный комитет РКП(б). Протоколы уездной партийной конференции и общих собраний членов РКП(б). 1918—1919 гг. — оп. 1, д. 1, 4, 10, 49, 50.

Фонд 1620. Петергофский уездный комитет РКП(б).

Протоколы совещаний секретарей волостных коллективов РКП(б) Петергофского уезда, доклады агитаторов уездному комитету. 1918 г. — оп. 1, д. 7, 46.

Фонд 0—1635. Лодейнопольский городской комитет РКП(б).

Переписка с волостными Советами, доклады о настроении крестьян. 1918 г. — оп. 1, д. 12.

Фонд 1561. Новолодожский уездный комитет РКП(б).

Протоколы волостных партсобраний и уездной партконференции, доклады о состоянии местных коллективов РКП(б). 1918—1919 гг. — оп. 1, д. 27, 44, 71, 80, 95, 108, 141, 169, 205, 232.

Фонд 4000. Воспоминания о подавлении крестьянских мятежей в Петроградской, Новгородской, Череповецкой губерниях — оп. 5, д. 2395, 2399, 2406, 2428, 2443.

**Центральный государственный архив
г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)**

Фонд 142. Комиссариат внутренних дел Союза Коммун Северной области.

Дела по обвинению в антисоветских действиях, жалобы крестьян, доклады следователей. Петроградская, Череповецкая, Северо-Двинская, Новгородская губернии. 1918—1919 гг. — оп. 2, д. 96, 161, 177, 190, 242, 311, 354, 421, 444, 427, 449.

Материалы о расстрелах крестьян, крестьянских волнениях и восстаниях в Псковской, Новгородской, Череповецкой и Олонецкой губерниях. 1918—1919 гг. — оп. 2, д. 55, 59, 63, 64, 93, 100, 106, 107, 129, 147, 203.

Протоколы заседаний волостных и уездных Советов и съездов Советов Псковской, Петроградской, Череповецкой, Вологодской, Северо-Двинской, Олонецкой губерний. 1918—1919 гг. — оп. 6, д. 12, 14, 36, 41, 44, 45, 46, 53, 62, 104, 109, 122, 145, 172, 188, 207, 237, 239, 247, 256, 257, 264, 272, 283.

Телеграммы, постановления, переписка губернских и уездных исполнительных комитетов и их отделов, ведомости о происшествиях, сводки о политическом и экономическом положении. Вологодская, Олонецкая, Череповецкая, Псковская, Новгородская губернии. 1918—1919 гг. — оп. 8, д. 32, 33, 35, 36, 39, 40, 45, 61, 63, 77, 81, 122, 129, 153.

Фонд 143. Союз Коммун Северной области.

Переписка уездных и губернских Советов и их органов с различными структурами СКСО, постановления уездных исполнительных комитетов Петроградской губернии. 1918 г. — оп. 1, д. 50, 67, 68.

Фонд 1000. Петроградский Совет.

Переписка с уездными Советами 1918 г. — оп. 80, д. 22.

Фонд 5432. Шлиссельбургский уездный военный Комиссариат.
Доклады о политическом положении в уезде. 1918 г. — оп. 12, д. 1.

Фонд 6684. Новолодожский уездный военный комиссариат.
Доклады о политическом положении в Новолодожском уезде. 1918. — оп. 1, д. 16; оп. 6, д. 2.

Фонд 9439. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем.

Дела по обвинению в антисоветской агитации. 1919—1920 гг. — оп. 1, д. 1, 2.

**ДОКУМЕНТЫ О КРЕСТЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918 г.
(составление, подготовка текста и комментарии С. В. Ярова)**

Ниже публикуются документы по истории политического протеста крестьян на Северо-Западе Советской России в 1918 г. Доступные ранее лишь ограниченному кругу исследователей, они передают живой голос современников революции. Не искаженные еще цензурой и не отредактированные составителями официозных сборников, эти материалы воссоздают полную драматизма картину послеоктябрьской деревни, раздираемой политическими, идеологическими и имущественными противоречиями. Документы ценны тем, что они не только сообщают нам об устремлениях крестьян, но и помогают лучше понять логику их поступков. Мобилизации в Красную Армию, реквизиции хлеба, аресты инакомыслящих, «неправильный» раздел земли, произвол комитетов бедноты, местных Советов и военных комиссариатов — эти и другие явления стали непосредственной причиной крестьянских волнений в 1918 г., зачастую приводивших к восстаниям. Документы отчетливо показывают, что низовые крестьянские волнения в большинстве случаев были не результатом «кулацкой агитации», а стихийным выступлением людей, протестующих против голода, насилий, тотальных чисток амбаров, социальной дискриминации, насаждения новой, «бедняцкой» сословности.

Документы извлечены из фондов Центрального государственного архива и Центрального государственного архива историко-политических документов (Санкт-Петербург). При публикации сохраняются синтаксис и стиль подлинника. Орфография документов исправлена без оговорок. Большинство текстов печатается с сокращениями, пропущенные места отмечены многоточием. Исключены сведения, не относящиеся к теме публикации: информация об организационной работе государственных структур, финансовые отчеты, донесения о военно-технической стороне мобилизаций, данные о землеустроительной политике местных Советов. Почти все документы публикуются впервые. Названия документов даны составителем. Заголовки, принадлежащие авторам документов, приводятся в кавычках. Данный сборник является предварительной публикацией документов, которые должны стать частью подготовленного под редакцией В. П. Данилова и Т. Шанина свода материалов по истории крестьянского движения в Советской России в 1918 г. Ввиду этого составитель счел возможным отказаться от полного описания документов и развернутых комментариев к ним.

1. Из доклада делегата ВЦИК И. Е. Ловкова агитационно-пропагандистскому отделу Петроградского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о положении в Старорусском уезде Новгородской губернии

3 апреля 1918 г.

Настоящим кратким докладом я имею ознакомить агитационный отдел со своей организационной работой последнего периода времени в Новгородской губ[ернии] по Старорусскому уезду, который как голодный и плохо организованный требует безотлучного пребывания опытного и энергичного работника по агитации. Начиная с губернского города и кончая самой захолустной деревушкой, везде встречается упорная борьба с прислужниками монархического строя... Спекуляция господствовала в самых широких размерах, вследствие чего необходимость заставила меня выпустить угрожающие листовки, одну из которых при сем и прилагаю.¹ Массовое передвижение мобилизованных войск и дезертиров породило спекуляцию не только в местном населении..., но даже и в уездном Старорусском Совете, в котором торговля лошадьми, упряжью и проч. производилась как на цыганском рынке...

В течение трех месяцев уезд[ный] Старорусский Совет переизбирался три раза. Нет деятельных работников в аграрном отделе, вследствие чего нет порядка в местных земельных комитетах и идет беспорядочная рубка лесов. Лесничество, бравируя нераспорядительностью² местных комитетов, «ловит рыбку в мутной воде»...

Все, что обращает на себя благоприятное внимание, то это целостность помещичьих имений, в некоторых местах еще совершенно не тронутых, и которые крестьяне послушно оберегают, имея цель извлечь из них пользу в смысле показательных садов и полей...

Агитация и организация среди местного населения идет сравнительно успешно, этому способствуют вернувшиеся на места солдаты, из которых есть партийные, большинство большевиков.

И. Е. Ловков.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 5—5 об. Подлинник

¹ В материалах дела не обнаружена.

² Так в тексте.

2. Из отчета представителя Петроградского комитета РКП(б) В. Кисилева о положении в Гдовском уезде Петроградской губернии с 12 марта по 5 апреля 1918 года

5 апреля 1918 г.

...В вышеназванной местности положение дел таково: с подходом врага внешнего совместно с нашими внутренними врагами

Сов[етской] власти, т. е. капиталистами, молодая, еще не твердая Сов[етская] вл[ась] пошатнулась, и контрр[еволюционные] и бессознательные им сочувствующие элементы, этим моментом пользуясь, приняли угрожающую позу, стали восклицать: «Вот пришел расплаты час за вашу свободу». Вот в это время пришло[сь] как пастуху собирать[ь] разбежавшихся от страху овец ввиду появления волка и успокаиват[ь] как испуганных детей, чтобы одумалис[ь], сгруппировалис[ь] как можно плотнее друг к другу и дали отпор не так страшному врагу, как его рисуют. За этим врагом более страшный враг подкрался тихими шагами. Это голод, создавшийся более благодаря спекуляции и мародерства, на почве чего стали возникать конфликты между крестьянами имущими и неимущими. Первые догнали¹ цены 1200—1300 руб. за кул[ь], т. е. 120—130 руб. за пуд муки или ржи, а из последних² не каждый в состоянии заплатить[ь], и благодаря этому-то приходится налагать реквизицию, большинству не желательную. Начали 25-го (12) марта с/г с мельницы Сухловицы на реке Люте Лосицкой волости Гдов[ского] уезда, где было заподозрено укрывательство хлеба многими местн[ими] кулаками ввиду предстоящей реквизиции и более удобной продаже спекулянтам по высокой цене. При производстве на зак[онном] осн[овании] реквизиц[и]онными было обнаружено 150 меш[ков] разн[ого] хлеба, из коих 80 меш[ков] нашли справедливым оставить неприкосновенными, а 70 м[ешков] (это равняет[ся] с лишн[им] 300 пуд. ран[него] хлеба) реквизируют. Во время отправки обоза с погруженным хлебом с мельницы в волост[ной] комитет для распределения по неимущим сего хлеба вдруг с другой стороны реки посыпались выстрелы, засвистели пули, лошади бросились в разн[ые] стор[оны], одним словом, получилас[ь] паника, но с нашей стороны люди не растерялись и дали наступающим отпор. Эти наступающие оказались [из] двух дер[евень]. Одной из них 2-х гражд[ан] оказался хлеб в этом количестве, и они постарались поднять с оружием в руках и другое селение, такое же богатое хлебом... Вот они, предвидя, что коснется и их дело реквизиции, сосчитали это грабежом, хотели отбить хлеб и этим дат[ь] толчок, чтобы их вовсе не могли коснуться и еще с угрозой: «Мы, мол, эту нищету подавим»... Я с болью в сердце должен был прибегнут[ь] во имя Сов[етской] власти к следующему: обратиться с просьбой о вооруженной помощи в уездный штаб Кр[асной] Ар[мии] для подавления своих же бессознательных и не подчиняющихся Сов[етской] вл[асти] братьев ввиду того, что никак словом не убедит[ь] и дальше медлит[ь] нельзя, ввиду принятия острой формы поддержки наших врагов капиталистов... Явились 16 человек. Во главе начальника отр[яда] члена Гдов[ского] исп[олнительного] к[омитета]³

тов. Малякова чрез 30 часов и первым[и] приступили к расследованию случившегося и конфискации оружия у лиц, не подчиняющихся Сов[етской] вл[асти] и в селениях нападавших... 1-го апреля н. ст. в Лосицкой волости произвели перевыборы волостного Президиума⁴ в присутствии тов. Малякова; благодаря в глазах присутствующих вооруженного отр[яда] восстановили порядок и прошли люди более твердо стоящие на платформе Сов[етской] вл[асти], и тут же при общ[ем] волостном собрании постановили произвести полную волостн[ую] реквизицию хлеба...

Владимир Кисилев.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 7—7 об. Подлинник

¹ Так в тексте. Имеются в виду «кулаки».

² Имеются в виду неимущие крестьяне.

³ Исполнительный Комитет Гдовского уездного Совета.

⁴ Президиум Лосицкого Волостного Совета.

3. Из письма Исполнительного Комитета Лужского уездного Совета Исполнительному Комитету Петроградского губернского Совета о настроениях крестьян в Лужском уезде Петроградской губернии

14 апреля 1918 г.

В Лужском уезде крестьянство очень пассивно относится к событиям, несмотря на близость революционного сердца.¹

Волостные Советы заканчивают выборы на местах, и приходится сталкиваться с засилием более имущих крестьян, которые ведут спекуляцию с мешочниками, а местному беднейшему крестьянству хлеба не продают, а потому среди крестьян сама по себе разрастает[ся] злоба, которая может вылиться в нежелательную форму, для [предотвращения] этого необходимо, нам кажется, принять необходимые меры и возможно скорее предписать волостным Советам взятъ продовольствие на учет и излишек распределить среди местного населения... Сельские Советы находятся под угрозой имущих местных крестьян, а распоряжение губер[нского] Совета на принятие мер остается под сукном у сельских председателей Советов...

В волостных Советах большинство проходит из имущих крестьян, которые ведут политику своих интересов.

Инструкцию о земле, утвержденную 8-го апреля, крестьянство не кулаки встречают охотно, крестьянство не довольно Красной Армией за ее некорректное отношение к крестьянам...

ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 80, д. 22, л. 22. Копия

¹ Имеется в виду Петроград.

4. Из письма агитатора Иванова секретарю агитационно-пропагандистского отдела Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов о ликвидации волнений в Гдовском уезде Петроградской губернии

Апрель 1918 г.

Я прибыл во Гдовский уезд Осьминской волости 11 апреля с. г. Первые три дня присматривался, кто находился в Осьминском волостном Совете крестьянских депутатов, и узнал, что все контрреволюционеры, за исключением тов. Павлова, который беспартийный, но сочувствующий большевикам... 12 и 13 апреля по инициативе тов. Делюгина Гдовский исп[олнительный] ком[итет] крестьянских и баграцких депутатов просил карательный отряд красноармейцев во главе двух членов Гдовского исп[олнительного] ком[итета] тов. Малукова¹ и Гаврилова, которым было поручено арестовать тех негодяев, которые избili члена Гдовского исп[олнительного] ком[итета] тов. Делягина. Приехал отряд и арестовать не успел, так как преступники были заранее уведомены и скрылись. Потом через некоторое время был арестован председатель Осьминского волостного Совета крестьянских депутатов С. Иванов и некоторые другие лица, причастные к делу избияния товарища Делягина. Совместно с Осьминским Исп[олнительным] ком[итетом] члены Гдовского Исп[олнительного] ком[итета] объявили села Осьмино-Гора и Логи на осадном положении, а негодяев, принимавших участие в избиянии тов. Делягина, объявили вне закона, а также была наложена контрибуция на мародеров-спекулянтов в размере 74 тысяч рублей, которые получены сполна.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 22. Копия

¹ Возможно, речь идет о Малякове, упоминаемом в документе № 2.

5. Из доклада агитатора Салина-Яковлева агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе Коммун Северной Области и Петроградском Совете о распределении налогов в Петроградском уезде Петроградской губернии

7 мая 1918 г.

Крестьяне данных местностей¹ заняты посевом яровых хлебов, [есть] сильный недостаток в семенах, благодаря чему наблюдается много конфликтов... Крестьяне почти все сметы, предложенные Исп[олнительным] Комитетом,² приняли и подтвердили. Приняли также налог на работающих в волости: сапожников, портных, парикмахеров, кузнецов и пр. без возражений... Когда дошла очередь до них самих, т. е. [принять] предложенный Исп[олнительным] ко-

митетом налог на пахотные земли в размере 50 к. за десятину, они запротестовали на это. Выступил даже один со словами: «Раньше платили царю, а теперь свобода, и говорят, земля бесплатная, а тут налог опять вводят». Стоило мне больших затруднений, чтобы разъяснить, что это необходимо в их же интересах. Когда было предложено проверить и осмотреть комитетскую экономию и амбары, за многочисленными заявлениями об увеличении пайка муки 6 фун. на месяц, то собрание единогласно приняло это, так что получилось впечатление якобы все они нуждающиеся, но когда мною было сделано предложение проверить и амбары зажиточных крестьян, то это пришлось не по вкусу данному собранию.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 12. Копия

¹ Агитатор сообщал о Петроградском уезде Петроградской губернии.

² Исполнительный комитет Петроградского уездного Совета.

6. Из доклада агитатора А. В. Кучковского в агитационно-пропагандистский отдел Комиссариата по печати и агитации Союза Коммун Северной области об организации сельскохозяйственных коммун в Петроградской губернии

7 мая 1918 г.

20 апреля с. г. я отправился на ст. Сиверскую Варш[авской] ж. д.¹ Целью моей поездки была пропаганда и устройство с. х. коммун, но оказалось, что агитация в этом направлении среди крестьян Сиверского района в настоящее время не может быть успешна, это выяснилось на местах в имении Фридерикса, Фомина и др., а также после поездки в волостной Совдеп. Причина сему та, что, как в Сиверском районе, так и во всем вообще Царкосельском уезде очень много теперь малоземельных и безземельных крестьян, вернувшихся в свои деревни из армии и из Петрограда по случаю безработицы. На устройство с. х. коммун в местных помещичьих имениях пришлыми служащими сих имений местные крестьяне не согласны и в будущем желают разделить имения между собой. Устройство же с. х. коммун местными крестьянами они не сочувствуют по разным причинам (захватническое настроение, раздраженность вследствие недостатка продуктов, семян, с. х. орудий и др. причин...). 23 апреля согласно мандату я поехал в Шлиссельбургский уезд с той же целью выяснения вопроса о возможности устройства на нем с. х. коммун. После агитации на собрании и распросов местных большевиков агрономов выяснилось, что по тем же причинам, как и в Сиверском районе, шлиссельбургские крестьяне не относятся сочувственно к устройству в настоящее время с. х. коммун.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 24. Копия

¹ Царкосельский уезд Петроградской губернии.

7. Из записи разговора по прямому проводу председателя Новгородского губернского Совета с работниками Комиссариата ВД СКСО о положении в Новгороде

Май 1918 г.¹

Заслушайте положение в Новгороде. Вчера переизбран Исполком. Настроение бурное на почве продовольствия. Сегодня триста крестьян ближних волостей потребовали свободного пропуска в Сибирь за хлебом. В этом, конечно, отказано. С трудом удалось отдалить погром Совдепа. Настроение толпы открыто контрреволюционное. То же грозит повториться завтра. В Новгороде нет надежной воинской силы... Категорически требуем выслать срочно немедленно в Новгород сильную надежную часть пехоты, в противном случае не ручаемся за последствия.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 4—5. Подлинник

¹ Документ не датирован. Время установлено по следующей помете на нем: «Отправлен в Новгород тов. Иващенко. 14/V—1918 г.» (ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 5).

8. Из доклада агитатора Т. Быстрова о поездке в Старорусский уезд Новгородской губернии

Май 1918 г.¹

В некоторых деревнях крестьяне выносили резолюции с требованием от местных Советов и кооперативов озаботиться об обсеменении полей яровым хлебом, в противном случае поля останутся не обсемененными. Более зажиточные крестьяне в некоторых деревнях говорили, что мы свои поля засеем хотя бы и ночью, а голодным давать не будем.

Был послан отряд в Залуцкую волость для реквизиции хлеба у имущих крестьян в пользу беднейшего крестьянства, но они получили вооруженный отпор от деревенских кулаков, и победа осталась на стороне последних, которые продолжают продавать хлеб по 1200 руб. за куль...²

Словесно, конечно, я бы мог рассказать гораздо больше о всей моей деятельности, но так как я сам малограмотный, и это пишет для меня другой тов[арищ], я тут изложил только более существенные факты.

Тимофей Быстров

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 46. Подлинник

¹ Т. Быстров был делегирован в Старорусский уезд Новгородской губернии 9 апреля 1918 г., возвратился из поездки 17 мая 1918 г.

² См. документ № 2.

9. Из «Журнала заседания Успенского волостного Совета» о положении в Вельском уезде Вологодской губернии

19 мая 1918 г.

Слово предоставляется председателю уездного исполкома И. С. Дмитриеву, который, приветствуя собрание от лица уездного Совета, говорит, что уезд в данный момент находится в весьма тяжелом положении в смысле продовольствия и финансов, все это ставит уездную Советскую власть, а в частности, и волостную, в тупик. Несмотря на все свои старания, в достаточной степени до сего времени улучшить оставленное наследство прежними властями не удалось, да и вести свое начатое дело при таком положении вещей становится затруднительным, ибо на почве голода все темные массы, подстрекаемые деревенскими кулаками, обрушиваются на Советскую власть, упрекая ее в бездельничестве, все ее постановления зачастую на местах отменяются и тем самым сбивают Советскую власть с намеченного пути.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 239, л. 40. Подлинник

10. Из протокола заседаний 2-го съезда Советов крестьянских и рабочих депутатов Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии об отношении крестьян к Советской власти

24 мая 1918 г.

Общий обзор докладов с мест, доложенный собранию съезда представителями от волостей и организаций Сольвычегодского уезда, представляется... в следующей характеристике: ...постановления Советской власти проводятся в жизнь среди местного населения уезда в большинстве случаев не вполне успешно, и причиной этому безотрадному явлению, главным образом..., бездействие должностных лиц Советов и исполкомов. Отношение населения к Советской власти, а равно к исполкомам и Советам также отмечается не вполне доверчивое и в некоторых случаях совершенно враждебное...

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 53, л. 10 об. Копия

11. Из доклада инструктора по организации Советов А. Панковца Вологодскому губернскому Совету о событиях в Березниковской волости Вологодского уезда Вологодской губернии

26 мая 1918 г.

1918 г. июня 26-го дня, я, инструктор по организации Советов А. Панковец, прибыл в Березниковскую волость¹ для ознакомления с постановкой дела в волостном Совете кр[естьянских] депутатов.

Мне попалась на вид копия постановления из протокола Березниковского общего собрания от 13 июня (30) мая 1918 г. По обсуждаемому вопросу об организации волостного военного комиссариата волостным собранием вынесена резолюция следующего содержания: «Ввиду плачевных условий деревни, при наличии безработицы, голода и могущей быть братоубийственной войны, вследствие неправильной политики Совета комиссаров, решили выборы военного комиссара не производить, а требовать немедленного созыва Учредительного собрания как единственного выразителя воли народа, и по его зову мы, как один человек, встанем на защиту революционных идей». Постановил: по настоящему делу произвести дознание, что вызвало граждан вынести резолюцию этого содержания.

1918 г. июня 26-го дня, опрошенный по настоящему делу граждан дер[евни] Березняк, бывший председатель Березниковского исполнительного комитета Василий Павлович Молоков объяснил: «13 июня с. г. волостным исполнительным комитетом было собрано общее собрание гр[аждан] Березниковской волости, в числе разных вопросов, поставленных на повестку, стоял вопрос об основании волостного военного комиссариата... Обсуждая этот вопрос, собрание, имея в виду, что в волости не имеется лиц, вполне знакомых с постановкой военного дела, и хотело просить о высылке такого лица Вологодский уездный Совет. В это время взял слово гражданин дер[евни] Березняк Александр Иванович Сеничев и объяснил собранию, что организовать волостной военный комиссариат, по его мнению, не следует ввиду непродолжительной политики народных комиссаров и других явлений, как-то голода, безработицы и пр. Многие из граждан его заявление поддержали и некоторые предложили по внесенному его предложению выработать резолюцию... При голосовании этой резолюции некоторые подняли руки за выработанную резолюцию, но большинство [ли] ее голосовало — выяснить не удалось, т. к. против этой резолюции вопрос на голосование поставлен не был и не подсчитаны воздержавшиеся ввиду того, что председатель собрания Степан Владимирович Ильюшин сложил с себя полномочия председателя собрания, т. к. резолюция противоречила распоряжениям Советской власти».

1918 г. июня 26-го дня опрошенный по настоящему делу граждан дер. Пуминова Василий Александрович Максимовцев объяснил следующее: «Когда резолюция была поставлена на голосование, все ее принять отказались и открыли прения. По окончании прений некоторые лица, находившиеся на собрании, голосовали за выработанную Сеничевым резолюцию, но голоса их не были подсчитаны».

1918 г. июня 26-го дня опрошенный по настоящему делу член административного отдела Березниковского волостного Совета, гражданин дер[евни] Сазоново Степан Сергеевич Хандин объяснил: «Высказался против этой резолюции, но собрание держало себя

вызывающе. Я запросил собрание, чтобы голосование было поставлено правильно с точным подсчетом голосов за и против... Но большинство приняло резолюцию...».

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 31—31 об. Копия

¹ Находилась в Вологодском уезде Вологодской губернии.

12. Из «Доклада о событиях, происшедших 26 и 27 мая на ст. Торошино Псковской губ[ернии]»

30 мая 1918 г.

...Из разговоров с секретарем коллектива коммунистов Латышского 6-го Тукумского полка тов. Кирхенштейном выяснилось следующее. 26 с[его] м[есяца] прибыл на станцию Торошино поезд с подарками для военнопленных (25 вагонов с сухарями). Псковский Совдеп вынес резолюцию совместно с представителями от крестьян и от 6-го Тукумского полка о том, чтобы оставить для голодающего населения несколько вагонов. К Совету стали стекаться вооруженные толпы крестьян,¹ требовавшие раздачи сухарей. 6-ой Тукумский латышский полк, узнав из телеграммы тов. Зиновьева² о том, что подарки посылаются русским военнопленным в Германию в распоряжение тов. Иоффе,³ решил стать на защиту поезда. Произошло столкновение, в результате убито 4 крестьянина и ранен 1 из полка...⁴ Крестьяне были настроены против полка, так как он задерживал контрабандистов и вообще боролся с мешочниками... Настроенные сейчас у крестьян обострилось и каждую минуту они опять готовы выступить. Члены Совдепа разъехались по деревням, чтобы успокоить население.

А. Косовский

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 81—82.

¹ Всего прибыло около 200 крестьян Торошинской, Жуковской, Остинской и ряда других волостей Псковского уезда, причем часть из них была вооружена (ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 255, л. 77).

² Г. Е. Зиновьев — Председатель исполкома Петроградского Совета.

³ А. А. Иоффе — посол РСФСР в Германии.

⁴ Инцидент приобрел особую огласку, поскольку солдаты 6-го полка после расстрела крестьян разгромили здание Псковского губернского Совета и арестовали ряд его руководителей, подозревая их в подстрекательстве к захвату поезда. Подразделения полка были выведены со ст. Торошино 4 и 5 июня 1918 г. (ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 118).

13. Из письма Шлиссельбургского уездного Совета Петроградской губернской ЧК о подготовке крестьянских выступлений в Шлиссельбургском уезде

Май 1919 г.

В дер[евне] М. Петрушкино Колтушской волости, где в большинстве проживают богатые крестьяне, по слухам подготавливается

вооруженное выступление против Советской власти... В Лукинской вол[ости] тремя лицами ведется агитация против Советской власти, сведения об этом получили только 10 [мая], а сегодня же направлена Красная Армия для ареста этих лиц.

ЦГА СПб., ф. 5432, оп. 12, д. 1, л. 6. Подлинник

14. Из доклада агитатора А. Тарасова агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о поездке в Гдовский уезд Петроградской губернии

Первая половина июня 1918 г.

На другой день¹ отправился в Выскоцкую волость, где по просьбе было собрано общее собрание, и на этом собрании хотя присутствовали в большинстве бедняки, но неорганизованные, а небольшая кучка кулаков и приехавших из города рабочих, по убеждениям правые эсэры и меньшевики, старались мешать собранию. Когда первым вопросом были поставлены выборы военного волостного комиссариата, я попросил чтобы переменили порядок дня и поставил текущий момент,² а вторым — выборы комиссариата, в чем мне было отказано. Когда перешли к порядку вопросов, то мне пришлось выдержать неравный бой с оборонцами, которые выставляли также кандидатуры, что не представляется возможным и описывать... Я открыто сказал, если выбирать будете тех лиц, которые проповедуют Учредительное собрание, [они] все равно не пройдут и [их] не утвердят, и из двенадцати человек выбрали троих, из которых прошли левый эсэр и 1-н большевик, а военный руководитель беспартийный, который сказал: «Для меня безразлично кому бы не подчиняться, а военное дело люблю и желаю поработать». И когда кончились выборы, перешли к другому [по] порядку [пункту повестки] дня, к текущему моменту. Я выступал и после моей речи выступил[и] правый эсэр и меньшевик, которые говорили, что только единственный выход — это Учредительное собрание. После их я взял слово и доказал, что дало бы Учредительное собрание беднякам и что дала Советская власть. Но когда я возражал предыдущим ораторам, то они уже приготовили резолюцию об Учредительном собрании, а я свою. Когда они ее предложили и поставили на голосование, то я взял [слово] по мотивам голосования и сорвал такую [резолюцию]. При баллотировке собрали 127 за резолюцию и 548 против. Когда я поставил свою, то они, сразу четыре человека, взяли слово, в котором говорили, что хотя их резолюция и не принята, то они сделали большое упущение, что мол от 10000 населения не могут выявить волю крестьян 700 человек, и этим сорвали и мою. По окончании всего могу сказать одно, что в

Совете волостном находятся люди с проповедью об Учредительном собрании и ничего не делают. У бедняков голодовка, а кулак везет, продает, и Совет ничего не предпринимает. В общем положение неблагоприятное в Выскоцкой волости и на второй день, т. е. 10 [июня] отправился в Рудзенскую волость, где сразу встретил другую картину. В Совете хотя и не большевики, но бедные крестьяне, и дело поставлено хорошо. Земля разделена, у помещика отобрана, и уже часть засеяна, а с остальным приступлено к организации сельскохозяйственной коммуны. На мою просьбу собрали собрание... 11 июня, где я выступил по текущему моменту и созданию Красной Армии. По окончании всего мне задали несколько вопрос[ов] два учителя и два кулака, которым очень легко возразил и по окончании всего предложил резолюцию, которая была принята абсолютным большинством и 11 против... В общем в волости большие недостатки хлеба, и приняты меры реквизиции у помещиков и кулаков. Настроение очень хорошее, хотя и нет хлеба, но убеждение стойкое. В этот же день я отправился в Гололевскую волость, в которой, как видно, преобладают большевики. В волостном комитете³ секретарь — партийный работник. Создана Красная Армия. На местах кулакам и сказать не дают, но голодовка. Принимаются меры реквизиции хлеба у кулаков... Когда я доложил по текущему моменту и о создании Красной Армии, то после этого выступил оратор, который заявил, что все, что требуется от нас, сделаем и по окончанию предложил резолюцию, которая и была принята единогласно.

А. Тарасов

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 97—98. Копия

¹ 9 июня 1918 г.

² Имеется в виду обсуждение «текущего момента».

³ Исполнительный комитет волостного Совета.

15. Из доклада агитатора П. М. Хапкина агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о поездке в Лужский уезд Петроградской губернии

8 июня 1918 г.

С информацией крестьянства о строительстве новой жизни обстоит окончательно неладно. Крестьянам не объяснили, чего от них хотят и чего требуют, — они находятся под угрозой, что набранные войска будут оставлены на «постояй», что под видом военно-конской повинности у них отнимут всех лошадей. Этим объясняются нелепые факты: одна волость принимает постановление о том, что они приступят к организации Красной Армии, если им дадут гарантии,

что повинность будет добровольна; другая же волость, наоборот, пишет, что горячо приветствуя создание Красной Армии, она отказывается от участия до введения обязательного набора...

Массу хлопот и затруднений в Лужском уезде доставляет дележ помещичьих земель. В некоторых случаях пришлось помогать делить вооруженной силой, и еще до сих пор в некоторых имениях еще не решено, кто соберет посев.

П. Хапкин

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 10 об. Подлинник

16. Из доклада агитатора А. Муницына агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о поездке в гор. Бежецк и Бежецкий уезд

11 июня 1918 г.

Затем я отправился по волостям узнать настроение местных крестьян, как они относятся к местному Совдепу. Тут я узнал, что почти все местное население относится очень враждебно к местному Совету и были такие возгласы, что возьмем оружие и разгоним местный Совет... Ввиду такого настроения крестьян местные кулаки ведут свою преступную агитацию не только против местного Совета, а и против всей Советской власти. Местные волостные Советы не принимают никаких мер против такой агитации и даже сами склонны к этому, потому что они люди беспартийные, не считают ни с каким положением страны, относятся к настоящему моменту спустя рукава, и так что вести агитацию в таком месте слишком трудно. Опереться там не на кого, и в случае чего дать помощь, то уже про это с уверенностью могу сказать, нечего ожидать.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 107. Копия

17. Из постановления Крестецкого уездного исполнительного комитета о введении военного положения в уезде

11 июня 1918 г.

Сим Крестецкий уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявляет:

Ввиду явно контрреволюционных выступлений против Советской власти и нападения на отдельных членов исполнительного комитета, вводит в районе Крестецкого уезда ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Причем всякая преступная агитация против существующей власти будет подавляться всеми вооруженными силами.

Активно выступившие против Совета или отдельных членов исполнительного комитета будут расстреляны по постановлению Чрезвычайного революционного штаба при Крестецком исполнительном комитете.

Настоящее обязательное постановление вступает в силу с момента объявления.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 68, л. 101. Листовка

18. Из письма Отдела управления внутренних дел Новгородского губернского Совета в Комиссариат ВД СКСО о положении в уездах Новгородской губернии в первой половине июня 1918 г.

19 июня 1918 г.

В Крестецком уезде... с 13 июня началось брожение и разогнан уездный Совет; для водворения порядка и подавления контрреволюционного восстания из Новгорода послан отряд красноармейцев...

В Старорусском уезде из поступивших в отдел протоколов заседаний Шотовского и Залучского волостных Советов выяснилось, что члены, прошедшие в волостные Советы, стоят за созыв Учредительного собрания. Отделом управления губернского Совета сделано распоряжение через Старорусский уездный Совет о немедленном назначении перевыборов волостных Советов, не стоящих на платформе Советской власти. Лица, ведущие агитацию против Советов, арестовываются.

В Демянском уезде население Костьковской волости, поднятое кулаками в числе тысячи человек, пришло в уездный город¹ к зданию Совета требовать хлеба и семян. После некоторых объяснений, данных председателем Совета о положении дела в продовольственном положении,² прибывшие граждане пришли в сознание и спокойно разошлись по домам.

В остальных уездах на почве голода настроение обостренное, но пока спокойное.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 65 об. Подлинник

¹ Демянск.

² Так в тексте.

19. Из «Протокола общего собрания Березниковской волости» об отношении крестьян к Учредительному собранию. Вологодский уезд Вологодской губернии

27 июня 1918 г.

По первому вопросу¹ инструктор по организации Советов тов. Панковец. Был внесен доклад, разъяснивший значение Учредительного собрания для эксплуататоров и беспощадности его для трудового

народа, т. к. последнему оно никакой защиты не окажет, лишь предоставит все выгоды капиталистам, помещикам и всем тем, кто высасывал кровь и последние соки трудящихся. Учредительное собрание [не] даст льгот, какие дает Советская власть, чему примером может служить Украина, требовавшая Учредительного собрания, где все частновладельческие и помещичьи земли возвращены старым владельцам. Заслушав настоящий доклад и ряд прений выступавших ораторов, собрание постановило:

Вынести порицание гр[ажданину] дер[евни] Березняк Александру Сеничеву, подстрекавшего темный народ вынести резолюцию о созыве Учредительного Собрания, которую большинство сознательного населения волости не могло принять, ибо не место у власти соглашателям и буржуям и всем угнетателям трудового народа. Только Советская власть может быть истинной защитницей трудового народа, т. к. представители ее избираются одними трудящимися, без участия тех лиц, которые веками угнетали бедняков в союзе с царем и его сворой.

Защиту своих интересов мы можем доверить только Советской власти, выразителем воли которой являемся мы, трудящиеся, и всеми силами будем ее поддерживать.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 30. Копия

¹ Первым пунктом повестки дня было обсуждение вопроса об Учредительном собрании.

20. Из «Протокола общего собрания граждан Высоковской волости» о распределении хлеба среди крестьян. Вологодский уезд Вологодской губернии

30 июня 1918 г.

...Заслушаны следующие вопросы:

1) продовольственный вопрос об отчуждении семенного хлеба в волости. Постановили: имущие хлеба согласились отдать из личного хлеба 1/3 часть с условием до нового [урожая] не просить неимущим, или же 1/4 часть до тех пор, пока хватит, и помогать в будущем по цене 50 р. за пуд, но не имеющие не согласились на это и желают вытребовать Красную Армию для отобрания хлеба у имеющих...

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 239, л. 105. Подлинник

21. Из доклада агитатора Белобородова агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе Коммун Северной Области и Петроградском совете о положении в Каргопольском уезде Олонецкой губернии

Июнь—июль 1918 г.

По приезде в Олонецкую губернию я столкнулся с толпою голодной бедноты в Каргополе. Продовольственное дело очень плохо,

имеются маленькие запасы хлеба, у зажиточных крестьян они припрятаны, сохраняются или для себя, или для продажи по более дорогой цене. Таких большинство, которые своею пропагандою поднимают бедноту против Советов, заморенные голодом и обманутые кулаками крестьяне собираются десятками и сотнями, не разбираясь с полом и возрастом приходят каждый день к продовольственной коллегии,¹ прося хлеба, из имеющихся запасов по силе возможности коллегия таковых уделает.

Сейчас приступлено к строгой реквизиции, которая при помощи Красной Армии дает хотя [бы] маленькие результаты. Но, получая по 20 фунтов на месяц овса и другого, крестьяне работать бессильны, кроме этого продукта они ничего получить не имеют возможности... Если они не будут поддержаны хлебом, то сена накосят очень мало, а могут произойти и беспорядки...

Предполагалось выступление на почве голода, как пройдет не знаю, и с полком Каргополь надеется справиться своими силами. Разосланы воззвания и предупреждения, все зависящие от Совета меры предпринимаются.

Белобородов

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 41—42. Подлинник

¹ Продовольственная коллегия Каргопольского уездного Совета.

22. Из письма Отдела управления внутренних дел Новгородского губернского Совета Отделу Советского управления Комиссариата ВД СКСО о настроении крестьян в Крестецком и Старорусском уездах Новгородской губернии

4 июля 1918 г.

Отдел управления сообщает о происшествиях, имевших место в губернии за вторую половину минувшего июня. Брожение, начавшееся 13 июня в Крестецком уезде, подавлено и власть уездного Совета восстановлена... В Старой Руссе было созвано собрание уполномоченных от волостей двух уездов, Новгородского и Старорусского. Собрание было подтасовано из определенных кулаков. Главным руководителем этого собрания является бывший учитель, правый с[социалист]-революционер Терещенко. Была вынесена резолюция против Совета за Учредительное собрание, принимаются меры к аресту главарей. То же наблюдается и в некоторых отдельных волостных Советах, где кулаки играют главенствующую роль, настроение на почве голода тревожное. Беднота стоит за Советскую власть.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 67—67 об. Подлинник

23. Из протокола заседаний 4-го Каргопольского уездного съезда крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов о положении в Каргопольском уезде

7 июля 1918 г.

Председатель оглашает письменные протесты представителей волостей: Лелемской, Мелентьевской, Архангельской, Павловской, Надпорожской, Андреевской и Луговской о неправильном распределении хлеба...

Оглашаются ходатайства Кирилловского уездного исполкома и Ухотской волости Вытегорского уезда о разрешении им закупок хлеба в Каргопольском уезде, как за наличные деньги, так и в порядке товарообмена. Принимая во внимание полное отсутствие в уезде хлебных продуктов, съезд единогласно ходатайство отклонил...

Оглашается письменное заявление представителя Павловской вол[ости] Годовикова о том, что он был окружен толпой граждан своей волости, негодующих на малое количество назначенного хлеба, и подвергся угрозам... В докладе тов. Карголев¹ сообщил, что на основании сведений, полученных на съезде, необходимо принять меры предосторожности; масса павловских граждан, подстрекаемая скрытой агитацией, может сделать нападение на исполком.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 4—4 об. Копия

¹ Член Исполкома Каргопольского уездного Совета.

24. Из доклада агитатора Павлова агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе Коммун Северной области и Петроградском Совете рабочих и крестьянских депутатов о восстании в с. Грузино Новгородской губернии

8 июля 1918 г.

Приехав 4-го июля в село Грузино Новг[ородской] губерни[и], мы, три агитатора Павлов, Рубцов и Кулеша, знакомимся с положением места и с их жизнью, ходили на фабрику Лапшина. И так в деревне положение было ужасно возбуждено против Советской власти и самый... главный недостаток — отсутствие хлеба. В воскресенье 7-го июля утром приехал комиссар по постройке моста и дорог тов. Якунин, и мы трое пошли в здание казармы бывшего 88 пех[отного] полка, где должно было быть собрание из 23 деревень и от нескольких фабрик... Тов. Якунин открыл собрание, и приступили к выборам председателя и секретаря, когда это было сделано, то председатель огласил повестку дня:

- 1) Продовольственный вопрос.
- 2) Организация Крас[ной] Армии и хлебных отрядов.
- 3) Постройка моста и дорог.

По первому вопросу докладчиком выступил тов. Рубцов, его речь заключалась в том: он рассказал положение о продовольствии в общем государственном масштабе и указал им, что они неправильно поступают, посылают отдельных людей за хлебом, и так как сейчас идет борьба с мешочниками, то поэтому и у них отбирают. Он предлагал им послать организационные хлебные отряды, которые прошли бы через губернский Совет, тогда собрание приняло бурный характер и стали кричать: «вон, вон» и не смотря на уговоры председателя, приняло еще хуже с криком «вон его, бей его». Услышав такие слова, я выбежал в соседнюю комнату и там вскочил в окно, а тов. Рубцов сделал тоже самое, но он побежал к реке, а я в парк, больше я ничего об них не знаю,¹ но когда я добежал по болотам до ст. Чудово и сел в вагон, то услышал разговор, какая-то дамочка говорила своему соседу, «что у нас сегодня убили 2-х агитаторов, а третьему, говорят, удалось скрыться в парке», тогда я подсел к ней поближе и признался, кто я. Она мне рассказала, что «я жена директора фабрики Лапшина, и когда ехала сюда, то видела на пароме кров[ь], и говорил паромщик, что когда один из агитаторов выпрыгнул в окно, то прибежал к лодке и поехал на другой берег, но за ним поехал[о] еще несколько лодок и на другом берегу его поймали и повезли обратно на пароме, и когда его везли, то тут же и избивали, и нанесли ему 3 штыковых раны и бросили в воду, но он все-таки выплыл и тут же ему была пущена пуля, после которой он больше не появился, а не знаю, кто был второй, его избили на берегу до полусмерти и отнесли в Совет, а там кажется добились совсем». На этом она кончила мне рассказ, и я все время беспокоился в вагоне, чтобы они не догнали меня, но она меня все утешала, что теперь не опасно.

Наши впечатления на их жизнь были слишком не хороши, местный Совет села Грузино раздал 650 винтовок на каждую деревню по 10 штук, несмотря на то, есть ли там партийные люди или люди, идущие против Совета...

Агитатор Павлов

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 3—4. Подлинник

¹ Доклад был написан после возвращения Павлова в Петроград.

25. Из телеграммы Лужского уездного военного комиссара Иванова¹ об объявлении Луги и Лужского уезда на осадном положении

8 июля 1918 г.

Ввиду частичного контрреволюционного выступления в целом ряде волостей, город Луга и Лужский уезд объявлены мной на осад-

ном положении... Вся полнота власти в городе и уезде перешла в руки Чрезвычайного штаба.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 128. Подлинник

¹ Телеграмма была отправлена наркому по военным делам Л. Д. Троцкому, председателю исполкома Петроградского Совета Г. Е. Зиновьеву, военному комиссару Петроградской губернии Б. П. Позерну и ряду других лиц.

25. Из письма Отдела управления внутренних дел Новгородского губернского Совета отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО об отношении крестьян к Советской власти

10 июля 1918 г.

Отдел управления... сообщает следующие сведения о положении губернии с 1 по 10 сего июля.

Вследствие поступления, хотя и незначительных, хлебных грузов на губернию враждебное настроение населения по отношению к политике Советов резко понизилось. Чувство самосознания бедноты и понимание того, кто является истинными защитниками их интересов, растет все больше и больше. Все напряженные усилия контрреволюционеров меньшевиков и правых социал-революционеров, проникших в некоторые уезды губернии, не поимели успеха. В Старорусском уезде эти предатели, организовав кулаков, старались поднять население против Советов, пригоняли к подписке граждан, недовольных Советами и видя, что беднота стоит все же за Советы, они, играя на струнках голодных масс, говорили, что если подпишитесь к свержению Советской власти,¹ то будет и хлеб, но это им ничего не помогло (это они проделывали в мае и июне месяцах).

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 68. Подлинник

¹ Очевидно, здесь имеется в виду подписание крестьянами антиправительственных резолюций волостных и сельских сходов («приговоров»), что нередко практиковалось в то время.

26. Из телеграммы заведующего агитационно-вербовочным отделом Вологодского уездного военного комиссариата Кострова заведующему агитационно-пропагандистским отделом при Петроградском Совете Н. Жерновецкому об усилении агитационно-пропагандистской работы в Вологодском уезде

10 июля 1918 г.

Необходимо срочно командироват[ь] советских агитаторов для постройки и укрепления военных комиссариатов и разъяснения тру-

довому крестьянству грозности текущего момента, ибо наблюдается в массах частичное расслоение против Советов.

Костров

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 24. Подлинник

**27. Из доклада следователя Комиссариата ВД СКСО
П. А. Лебедева Комиссару по внутренним делам
СКСО о положении в Оштинской волости Лодейно-
польского уезда Олонецкой губернии**

12 июля 1918 г.

3-го июня, когда в село Косельга¹ по распоряжению комиссара Поросенкова² пришли два красноармейца для обыска оружия у И. Капутина, последним были созваны крестьяне нескольких деревень, под видом, будто к нему пришли красноармейцы грабить, для сбора крестьян ударили в набат..., а брат И. Капутина А. Капутин поскакал верхом на лошади по деревням, через некоторое время у дома Капутина собралась толпа и чуть не учинила расправу с красноармейцами, последние пригрозили бомбой, что и подействовало, после набросились на сельского комиссара Ишкина, обвиняя его в том, будто он вызвал красноармейцев и сообщил, что у Капутина есть оружие; комиссара повалили на землю и стали избивать, тогда вступились красноармейцы, и под видом ареста удалось увести от расправы.

В этот же день [в] Оштинский совдеп поступило заявление граждан двух обществ за подписью не более 50 лиц с требованием сделать соединенное собрание 4-го июня четырех ближайших обществ, для обсуждения вопроса о продовольствии и о текущем моменте; на это требование старый исполком³ оповестил ближайшие 4 общества о дне собрания [назначенного] на 4 июня, на которое явились, кроме приглашенных, еще два общества, последние явились потому, что кто-то оповещал, что должны идти все в Ошту спасать продовольствие, так как красноармейцы будут отбирать и увозить с собой, а кто не пойдет, с того 20 руб. штраф (о чем имеется протокольное постановление одного из обществ, приложенное к материалу следствия).

На собрании 4-го июня с. г. по показанию даже самого председателя старого исполкома Аристарова, который был председателем и на этом же собрании..., продовольственный вопрос был выдвинут только для отвода глаз, а интересовал вопрос о текущем моменте, при обсуждении которого сразу же было видно провокаторскую работу кулаков. Здесь же выступили... против Красной Армии, обвиняя красноармейцев в грабеже населения..., и [говорили], что Красная Армия нам не нужна, а если понадобится, выберем свою, такую, какую нам нужно, Совет тоже не

нужен, будем жить по старому, как раньше жили. Добивались узнать, кто вызывал красноармейцев, решили послать в Лодейнопольский совдеп телеграмму с требованием указать, кто вызывал и кто посылал красноармейцев.

После этого собрания... были вызваны в Оштинский совдеп и арестованы руководители всех выступлений в числе 12 человек, за исключением главных виновников И. Курчавова⁴ и И. Капутина. Арестованные находятся в Лодейнопольской тюрьме...

По расследованию мною о событиях в Оштинской волости Лодейнопольского уезда я пришел к тому заключению, что всякое выступление кулаков против отобрания хлеба на учет и против Советской власти имеет влияние среди бедноты благодаря тому, что нет достаточно агитаторской силы из Центра, а для Советов нет инструкторов, поэтому кулакам легко удается вести за собой бедняков, отчего последствия бывают плохими для самих же бедняков. Если где и есть работники из большевиков, как например, в Оштинской волости, но благодаря травле богатеев и кулаков крестьяне относятся с недоверием, как больше всего и бывает в своей стране человек всегда гонимый.

К представителям же от центральной власти со стороны крестьян отношения самые искренние, в особенности, когда при разговорах затрагиваешь самые больные для бедноты вопросы... Бедняки отлично разбираются и понимают, что устранить разруху и голод и удержать власть в своих руках только можно общими усилиями бедняков, крестьян и рабочих, но сами крестьяне объясняют, что у них нет людей, которые всегда бы им разъясняли в нужный момент тот или иной вопрос, а кулаки пользуются случаем, действуют и агитацией, и подкупом, поэтому и среди бедняков случается несогласие...

П. А. Лебедев

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 141, л. 6, 6 об., 8. Подлинник

¹ Находилась в Оштинской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии.

² Оштинский волостной комиссар по внутренним делам.

³ Имеется в виду исполком Оштинского волостного Совета.

⁴ И. Курчавов — крупный оштинский торговец.

28. Из доклада члена Петроградского Совета Я. И. Терентьева агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе Коммун Северной области и Петроградском Совете о настроении крестьян Северной области

12 июля 1918 г.

А потом отправился по деревням..., всего 21 дере[вня], делая доклады о текущих событиях, организации Советов и Красной Ар-

мии и сельскохозяйственной коммуны, о которой совершенно не имеют понятия и относятся отрицательно. Советы признают, но очень слабо, а сельским комитетам совершенно мало подчиняются. В Красную Армию идти не хотят. Спекуляция развита до невероятных пределов. Делаешь разъяснения, молодежь соглашается, а стариков и в оглобли не введеш[ь]. Когда разъясняеш[ь], что обозначает Советская власть, то говорят, почему не дали собраться Учредительному собранию. Когда сделаем все доводы, то [соглашаются], но более молодые, а старики говорят, [что] худой был царь, да хлеб был, но тут приходилось вступать в долгие прения. А все-таки, говорят, [что] хозяина нет.

Я. И. Терентьев

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 228, л. 45—46. Подлинник

29. Из телеграммы председателя Чрезвычайного революционного штаба гор. Луги и Лужского уезда Иванова и Лужского уездного военкомиссара Атрашкевича Г. Е. Зиновьеву и Б. П. Позерну о борьбе с крестьянскими выступлениями в Лужском уезде

13 июля 1918 г.

Экспедиционный отряд, посланный с военкомоезда Атрашкевичем в Родонскую и Павскую волости Лужского уезда для подавления организованного местным кулачеством контрреволюционного выступления и водворения на местах Советской власти, возвратился. Открытые выступления кулачества в этих волостях подавлены, и принимаются экстренные меры к привлечению всех виновных этого мятежа и окончательному искоренению контрреволюционных происков различных шаек.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 50, л. 15—16. Подлинник

30. Из доклада агитатора П. Зуева агитационно-пропагандистскому отделу при Союзе Коммун Северной области и Петроградском Совете о формировании органов крестьянского самоуправления в Торопецком уезде Псковской губернии

Июль 1918 г.¹

Крестьяне бедняки со слезами на глазах просили содействия о роспуске тысячных сходов. Оказывается, в Торопецком уезде волостные Советы не есть исполнительные органы, а являются властью тысячные сходы, которые собираются со всей волости в количестве

около 2500 человек, большинство бывает кулаков, и решают вопросы, которые проводят в жизнь.

Агитатор Павел Зуев.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 7 об. Подлинник

¹ Отчет о поездке агитатора П. Зуева по Торопецкому уезду Псковской губернии был получен 15 июля 1918 г.

31. Из доклада агитатора В. Иванова агитационно-пропагандистскому отделу Петроградской Трудовой коммуны о положении в Холмском уезде Псковской губернии

20 июля 1918 г.

Загорский волостной Совет — настроение на политической почве бодрое, деревенские кулаки бездействуют. Исполнительный комитет строго проводит в жизнь декреты и постановления Совета народных комиссаров, кроме некоторых, которые приходится отложить по случаю голода. Волостной военный комиссариат не существует. Русановская волость.

Деревенская беднота организована, производит тщательный обыск хлеба у деревенских кулаков, которые сдаются на все предложения бедноты. Волостной Совет помогает бедноте, избран волостной военный комиссариат.

Тухомический исполнительный комитет¹ работает слабо под давлением кулаков, которых в волостном Совете и в волости большинство. Так, например, 24 июня общим собранием волости было постановлено произвести обыск лишнего хлеба для раздачи неимущим, но Новинское общество под давлением кулаков и правых эсеров постановили проживавшим во время войны в Петрограде рабочим хлеба не давать ни за какие деньги...

Наговский волостной исполнительный комитет работает революционно, в особенности председатель, который не останавливается ни перед чем, все декреты проводит строго.

Город Холм Псковской губ[ернии].

Со слов очевидца происшедшего события 15 июня... стали ходить по волостям слухи, чтобы все граждане из деревень собирались в г. Холм требовать от Советской власти хлеба, но 14 июня по волостям было получено Холмского исполнительного комитета воззвание, в котором говорилось не выступать на призыв контрреволюционеров, и были разсланы члены Совета по волостям, но было уже поздно. Некоторые волости были удержаны, много крестьян послушали, не пошли... Но непослушная толпа все росла и росла в г. Холме 15 июня. Все выступили на площадь и стали требовать от Советской власти: «Хлеба давайте, а если не может[e] дать хлеба, то царя давайте».² Когда было все доказано, отчего нету хлеба и просили разойтись, то из толпы кто-то сделал выстрел и бросили бомбу,

которая, к счастью, не разорвалась. Тогда был дан приказ подавить восстание, после чего оказалось 2 убит[о], 4 ранено.³

Влас Иванов

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 133—133 об. Подлинник

¹ Имеется в виду исполнительный комитет Тухомичского Волостного Совета.

² В телеграмме начальника управления внутренних дел Холмского уезда Кригера в Комиссариат внутренних дел СКСО отмечалось, что это было «выступление на почве голода с криками: „Долой Советскую власть, дай царя“» (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 55, л. 3).

³ Подробности инцидента в Холме изложены в докладе следователя Комиссариата внутренних дел СКСО П. Глебова. Представители сельских обществ были приглашены в г. Холм Медовским волостным военкомом для обсуждения вопроса о создании военных комиссариатов. Обеспокоенный возможными последствиями крестьянского схода, Холмский Совет рано утром 15 июня объявил уезд «на военном положении». Эта мера, однако, не дала желаемых результатов. Собрание крестьян открылось в тот же день и очень быстро вышло из-под контроля властей. Участники митинга потребовали отчета о мерах по преодолению голода, просили объяснить, «где в настоящее время находятся деньги, которые собраны на покупку хлеба». В ходе расследования инцидента руководившие красноармейцами волостной военной комиссар и член военной коллегии были арестованы и направлены в «Народный революционный трибунал гор. Великие Луки». (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 55, л. 10—10 об.).

32. Из письма председателя Военно-революционного комитета Усть-Ижорского района (Петроградская губерния) Л. Ю. Койро Комиссару по внутренним делам СКСО М. С. Урицкому о введении военного положения в Усть-Ижоре

28 июля 1918 г.

Военно-революционный комитет доносит до вашего сведения, что нами объявлено военное положение в Усть-Ижоре и прилегающих районах. Советы волостные распущены. Мера эта вызвана ввиду сильной агитации членов Совета и местных кулаков против Советской власти. Бедняки находятся в ужасном положении. Распущена также следственная комиссия, в которой работали люди, не заслуживающие доверия ввиду агитации против Советской власти.

Койро

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 100, л. 1. Подлинник

33. Из письма Отдела управления внутренних дел Новгородского губернского Совета Отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО о восстании в Старорусском уезде Новгородской губернии

30 июля 1918 г.

В Старорусском уезде 10 июля в Славитинскую волость прибыл посланный по распоряжению Старорусского военного комис-

сара отряд красноармейцев из 11 человек, для организации местного волостного военного комиссариата. За противодействие организации отрядом были арестованы недавно избранный председатель Славитинского волостного Совета Анисим Голубев, его сын, бывший офицер, Иван Голубев и секретарь Совета Иван Лебедев. Родственники их обратились к гражданам соседних деревень с просьбами освободить арестованных. Некоторые граждане поддались на просьбы и, вооружившись, пришли толпой в деревню Шуры, Славитинской волости, где находились арестованные, направляемые в Старую Руссу, и отбили их от красноармейцев. В это время в толпе был пущен провокационный слух, что будто бы из Руссы по жел[езной] дороге едут красноармейцы косить рожь у местных граждан. Подстрекаемые Голубевым и сельским председателем д. Шуры Иваном Васильевым Шефовым, некоторые граждане деревень Шуры, Вояжи и Кленовиц, вооруженные огнестрельным и холодным оружием, направились на станцию Волот в районе Городецкой волости, возбуждая и увлекая с собой граждан попутных деревень этой волости.

Придя на Волот в тот же день, 10 июля, толпа обезоружила охрану, сделала на станции обыски, препятствовала движению поездов и угрожала служащим расстрелами... Пробыв на Волоте до 12 часов дня 11 июля, толпы восставших, в которых уже были граждане приблизительно из 30 окружных деревень, собравшиеся с оружием по призыву начавших восстание, отправились по полотну железной дороги в сторону разъезда «Взгляды» по направлению к Руссе, на Волоте же осталась небольшая часть для «охраны». Около «Взглядов» 11 июля восставшие были разогнаны пулеметным огнем с поезда, открытым высланным из Бологого отрядом красноармейцев-латышей. Восстание подавлено. Везде восстановлен порядок. Убитых более ста человек.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 72—72 об. Подлинник

34. Из «Приказа № 1 военно-революционного комитета Усть-Ижорского района» о роспуске Советов в Усть-Ижорской и Овчинской волостях Петроградской губернии

Июль 1918 г.

Нижеследующие Советы: Усть-Ижорский волостной, Овчинский волостной района Усть-Ижорской верфи и Корчминского района считаются распущенными как несоответствующие своему назначению ввиду частых выпадов против Советской власти.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, л. 100, л. 3. Типографский экз.

35. Из письма председателя исполнительного комитета Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК Союза Коммун Северной волости о роспуске Совета в Сольвычегодском уезде

Июль 1918 г.

В В.-Тоемском волостном Совете Сольвычегодского у[езда] за-
сели торговцы и кулаки, которые крепко защищают свои интересы.
В заседании 16 июня Совет постановил дать СВОБОДНУЮ ТОР-
ГОВЛЮ всем торговцам волости без права контроля их торговли
местной Советской властью и наложения процентов. 16 июля, когда
члены уездного исполнительного комитета прибыли в волость за
взысканием единовременного налога с капиталов, то волостной
кулацкий Совет первый оказал сопротивление вплоть до призыва
избиения членов уездного исполкома, а присутствовавшие местные
торговцы радовались действиям своего «родного» Совета и охотно
кричали: «долой», «в шею их». Уездный исполнительный комитет
постановил настоящий состав В.-Тоемского Совета считать распу-
щенным... Совершенно другая картина в других волостях, вот хотя
бы в Фоминской волости, Совет которой [в письме] от 16 июля за
№ 210 пишет: «Граждане Фоминской волости глубоко возмущены
попыткой свергнуть Советскую власть. Вся волость, как один чело-
век, [готова] в любое время поддержать Советскую власть, ибо она
только выразительница и защитница интересов трудового крестьян-
ства. Граждане Фоминской вол[ости] шлют проклятия мятежникам,
поднявшим хищную лапу на Советскую власть. Да здравствуют
Советы и все те, кои идут по их стопам. Подписали: Председатель
Вяткин, секретарь Клыпин». Правду сказать, население Фоминской
вол[ости] живет бедно, крупных кулаков нет, нет и засилья их, власть
находится в руках трудового крестьянства, а не в руках торговцев и
кулаков, как в В.-Тоемской волости.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 153, л. 5. Подлинник

36. Из «Протокола общего собрания» Ново-Никольской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии об отказе создавать комитеты деревенской бедноты

11 августа 1918 г.

Слушали декрет об организации комитетов деревенской бедноты.
Заслушав сказанный декрет, гр[аждане] волости единогласно
приняли следующую резолюцию: «Таких комитетов, которые пагубно
отзываются на деле революции, не организовывать, такими ко-
митетами являются к[омите]ты деревен[ской] бедноты, от участия в
которых могут [быть] отстранены элементы трудового крестьянства,

но двери которых широко будут открыты для неустойчивых в революционном отношении (деревенских лодырей и спекулянтов) и даже для определенно контрреволюционных кулаческих элементов. Все эти меры создают поход на Советы крестьян[ских] депутатов, дезорганизуют рабочие Советы, вносят путаницу классовых отношений¹ в деревне, создавая гибельный фронт города и деревни.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 239, л. 191. Копия

¹ Так в тексте.

37. Из «Протокола Вершининского волостного Совета крестьянских депутатов» об отказе выполнять распоряжения Советской власти¹

13 августа 1918 г.

На обсуждение были поставлены следующие вопросы:

1. Организация волостного военного комиссариата и формирование Красной Армии.
2. О взятии на учет хлебных продуктов урожая 1918 года и др[угих] продуктов питания и скота.

По вопросу 1[-му] постановили:

Вопрос об организации волостного военного комиссариата и о сформировании Красной Армии отклонить в положительном смысле. О чем и сообщить во все волости Пудожского уезда с просьбой... поддержать нашу резолюцию. А семейства лиц, записавшихся в Красную Армию, лишить продовольственного пайка, хлеба, чая, сахара и пр.

По 2[-му] вопросу постановили:

От взятия на учет хлебных продуктов и других продуктов питания урожая 1918 года совершенно отказываемся. О чем сообщить Олонецкой губернской коллегии по продовольствию с напоминанием, чтобы последняя сама более имела заботы о закупке и ввозе всех продуктов потребления в нашу голодную — холодную Олонецкую губернию.

По 3[-му] вопросу² постановили:

От предложения о производстве учета на скот в нашей волости совершенно отказываемся, вместе с сим напомнить Совету Народного Хозяйства, чтобы последний со своей стороны имел заботу о расширении по уезду скотоводного хозяйства, а не шел на подрыв такового путем понудительного отбирания такового у трудового крестьянства.

По 4[-му] вопросу постановили:

Выразить полное недоверие Центральной Советской власти, как не отражающей и не выполняющей воли трудового крестьянства, а требовать немедленного созыва Всероссийского всенародного Учредительного собрания, которому и передать всю полноту власти на

строительство новой свободной жизни. Долой узурпаторскую, насильно навязавшуюся нам власть. Да здравствует Всероссийское всенародное учредительное собрание. Да здравствует свободная Россия.

Копию сего постановления разослать во все волости уезда с просьбой присоединиться к ней.

С подлинным верно

Председатель Волостного исполкома Е. Нечаев

Секретарь Т. Ершов

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 203, л. 12—12 об. Копия

¹ Данный протокол был направлен в Комиссариат ВД СКСО Исполкомом Бережно-Дубровского Совета 9 сентября 1918 г. с уведомлением о том, что «послан в Вершинину местный волостной отряд Красной Армии для ареста главарей президиума собрания и комитета Е. В. Нечаева и Г. Ершова» (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 203, л. 11). В докладе следователя-инструктора отдела советского управления Комиссариата ВД СКСО В. А. Богданова 26 октября 1918 г. отмечалось: «Главари контрреволюционной агитации в Вершининской волости скрылись к белогвардейцам на Онегу. Доставлен в Петрозаводск только диакон Кенозерского прихода Вифлеемский, который призывал к восстанию против отряда, высланного на помощь из Пудожа» (Там же, л. 6 об.).

² Возможно, обсуждение этого и последующего вопросов не было предусмотрено ранее намеченной повесткой дня заседания Совета.

38. Из доклада Лукинского волостного военного комиссариата Шлиссельбургскому уездному военному комиссару о положении в Лукинской волости

15 августа 1918 г.

Ввиду перехода в уезде всей власти революционному комитету доношу, что население волости идет этому навстречу, исключая некоторых личностей, которые этим недовольны, как например, деревенские кулаки, спекулянты и, конечно, б[ывшие] помещики и капиталисты... Ко всеобщему обучению,¹ которое должно пройти везде на местах, а также и к набору призываемых годов для отражения чехословаков и всех контрреволюционеров, население в большинстве случаев сочувствует.

ЦГА СПб., ф. 5432, оп. 12, д. 1, л. 49. Подлинник

¹ Имеется в виду всеобщее военное обучение.

39. Из доклада Колчановского волостного военного комиссариата об отношении крестьян Новолодожского уезда к военным комиссариатам

Не позднее 18 августа 1918 г.

Предписанием от 1-го июня сего года за № 199 Новолодожским уездным комиссариатом по военным делам предложено было Кол-

чановскому волостному Совдепу сформировать волостной комиссариат по военным делам.

Означенное предложение было вынесено на общее собрание волости, каковое формирование волостного комиссариата отклонило.

Предписанием от 15-го июня сего года за № 51 было вторичное предложение Совдепу срочно сформировать комиссариат. Но общее собрание волости вновь отклонило это предложение.

Предписанием от 20-го июля сего года за № 71 и от 23-го июля сего года за № 108/405 было предложено Совдепу сформировать волостной комиссариат без общего собрания...

Ввиду военного положения начался отбор огнестрельного оружия. Население, видя, что в недалеком будущем будет мобилизация, и будучи недовольным распоряжением отбора оружия, стало волноваться. 4-го сего августа было общее собрание волости. На повестку дня был поставлен вопрос о комиссариате, а именно о его формировании, о целях и задачах комиссариата, так как фактически комиссариат был сформирован и функционировал.

Председателем общего собрания волости был избран Колчин, который, имея злобу против комиссариата за отобранное у него оружие (револьвер), накануне внес предложение об аресте комиссаров, как самозванцев, и больших трудов стоило удержать настроенную Колчинным толпу от такого обдуманного шага. Кое-как вопрос о комиссариате удалось сорвать и решение этого вопроса было отложено до следующего собрания.

На том же собрании настроенной Колчиним толпой он был избран председателем Совдепа... Будучи избран председателем Совдепа, Колчин вносит не поставленное на повестку дня предложение об отобрании у комиссариата взятого у него оружия. Никаких объяснений и доводов со стороны комиссариата не было допущено, а настроенная им масса требовала обратно выдачи отобранного оружия, грозя расправиться силой. Подчиняясь таковой, пришлось уступить... Узнав о предстоящем аресте, Колчин начал вести агитацию о разгоне Совета и комиссариата, для таковой цели... рассылались от него агитаторы, призывающие всех идти 7-го утром сего августа в Колчаново для вышеназванной цели.

Действительно, 7-го утром в Колчаново появилась внушительная толпа с угрозами разгона комиссариата и Совета. Таковой был даже сорван красный флаг у Совета. Но решительность угрозы военного комиссара Шипулло применить оружие в случае нападения толпы на комиссариат и Совет и указание на то, что придет вооруженная сила из Новой Ладogi, таковая затребована, подействовала несколько отрезвляюще, и некоторые до прибытия отряда ушли по домам, а оставшиеся разбежались уже по прибытии этого отряда.

После этого начались аресты и обыски заподозренных при содействии оставшихся красноармейцев, каковые меры внесли успокоение в народные массы, увидевшие в этом твердость власти.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 1, д. 16, л. 17, 18, 22. Копия

40. Из протокола заседаний 5-го Каргопольского чрезвычайного уездного съезда крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов о положении в волостях Каргопольского уезда

21 августа 1918 г.

Тов. Прибытков,¹ указывая на партийную борьбу и на призыв к войне, от лица своей волости говорит, что они пойдут на войну лишь насильно и в том случае, если увидят посягательство с чьей бы то ни было стороны на жизнь и имущество граждан. Просит дать официальный ответ, кто наступает.

Тов. Ундозеров² оглашает свой наказ, сущность которого сводится к тому, что население решило защищаться от насилия с какой бы то ни было стороны, но протестует против мобилизации, ничего не имея против добровольной вербовки отрядов...

Тов. Бураков³ — речь его сводится к тому, что до сих пор не указано выхода из создавшегося положения, как же они выступят на защиту, не имея оружия, они пойдут воевать, если укажут с кем и за что.

Тов. Давыдов⁴ высказывает мнение своей волости, что, считая англо-французов союзниками, воевать с ними не желает, а против формирования добровольных отрядов ничего не имеет.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 25—25 об. Копия

¹ Е. Прибытков — делегат от Спасо-Преображенской волости.

² А. Ундозеров — делегат от Корельско-Новинской волости.

³ А. Бураков — делегат от Богдановской волости.

⁴ Среди делегатов съезда были А. Давыдов (Павловская вол.), А. Давыдов (Лодыгинская вол.), В. Давыдов (Мелентьевская вол.).

41. Из доклада председателя исполкома Псковского губернского Совета К. Гея на 5-м съезде Советов Псковской губернии о работе Псковской губернской ЧК

21 августа 1918 г.

...Крупных контрреволюционных выступлений у нас в губернии не было, но в первое время после выборов Губсовдепа¹ приходилось довольно часто выезжать на места с вооруженной силой. Это было во время после немецкого нашествия, когда военные

комиссариаты еще не были организованы, Советская власть была еще не прочна в нашей губернии и бывали случаи выступления Красной Армии против Советов. Больше всего приходилось иметь дело с более голодными уездами, т. к. в них самая лучшая почва для кулаков и наемных черносотенцев вести свою предательскую агитацию и клевету. Вы также наверно сталкивались с той провокацией, которая велась этими господами в Псковской губернии, что будто бы Лениным и Троцким издан приказ об уборке хлеба в неспелом виде, дабы он не достался немцам. Лучшим средством борьбы с этим явлением есть широкое оповещение населения о действиях и намерениях Советской власти. Это открывает глаза в темных деревнях тем, кои питаются этими нелепыми провокационными слухами. Были случаи запугивания немецким нашествием крестьян. Так или иначе, а нам приходилось раз 10 высылать представителей с вооруженной силой,² главным образом в связи с волнениями в Красной Армии, но каждый раз дело обходилось без применения оружия.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 145, л. 2. Копия

¹ Состоялись 6 апреля 1918 г.

² Отчет К. Гея охватывает период с 27 апреля по 21 августа 1918 г.

42. Из телеграммы Новоладожского уездного военного комиссара Якобсона Г. Е. Зиновьеву и Б. П. Позерну о волнениях в Колчановской волости Новоладожского уезда

22 августа 1918 г.

22 утром посылаю отряд в Колчановскую волость для отбора оружия и ареста руководителей волнений.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 50, л. 71. Подлинник

43. Резолюция 5-го Каргопольского чрезвычайного уездного съезда крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов об отношении к Красной Армии¹

22 августа 1918 г.

V чрезвычайный крестьянский съезд, ознакомившись с текущим моментом, постановил:

1) что всякая война ведет лишь к разорению, порабощению и уничтожению трудовых масс, а потому для предотвращения этих ужасов должны быть использованы все меры и средства, могущие предотвратить войну.

2) то затевать ужасную омерзительную бойню с кем бы то ни было, разорять, сжигать и уничтожать самих себя, свои жилища,

нивы и природные богатства на территории своего родного уезда — мы, трудовые крестьяне-землеробы, не желаем.

3) что от пережитых ужасов четырехлетней войны с немцами до сих пор справиться не в силах, затевать новую войну, с новыми странами, с новыми народами не в состоянии; мы крестьяне-землеробы должны вложить всю свою силу для поднятия мирного труда земледелия, для спасения семей от голодной смерти — вот в чем наша задача данного момента.

4) вследствие всего этого, никакой речи об общей мобилизации быть не может, т. к. мы в данное время находимся на краю неминуемого голода, не имеем ни оружия, ни снарядов, ни перевозочных средств, ни медикаментов, ни фуража.

5) что для охраны в волостях революционного порядка, для защиты от посягательств на наши выборные крестьянские Советы, на наших граждан со стороны каких бы то ни было врагов, как внешних, так и внутренних, для защиты от грабителей, мародеров, спекулянтов и кулаков нам необходимо оружие, каковое и просим от центральной власти.

6) с этой целью мы, трудовые крестьяне, признаем целесообразной и необходимой организацию по всем волостям добровольческих партизанских отрядов, между которыми держать тесную связь.

7) всеобщее обучение военному делу [для лиц], не проходивших такого в возрасте от 18 до 40 лет, мы, крестьяне, считаем крайне желательным, и приступить к таковому находим возможным только по окончании полевых работ, т. к. в настоящее время благодаря отсутствию подвоза в уезд продовольственных продуктов все силы народные должны быть мобилизованы для возделывания и уборки таковых.

8) в случае присылки войск центральной властью на территорию Каргопольского уезда, вызванной крайней необходимостью, мы предупреждаем, что в уезде ни фуража, ни продовольствия, ни перевозочных средств нет, а потому все это должно быть поставлено вместе с прибывшими частями извне, всякая реквизиция крупного рогатого скота, лошадей, продовольствия и фуража обречет и без того голодного население на явную голодную смерть и повлечет за собой полное хозяйственное разорение.

9) организацию комитетов деревенской бедноты и продовольственных отрядов считаем недопустимой, так как благодаря уравнительному переделу земли во всем уезде деление населения на классы само собой отпало.

10) мы, крестьяне, замученные и разоренные войной и партийной грызней, доведших страну до гибели, протестуем против применения смертной казни, против расстрела без суда и следствия, против разгона нашего Губ[ернского] исполн[ительного] комитета, против насилий над свободой слова и печати, так как последнее

мешает возможности правильно осветить всю политическую и экономическую жизнь страны, и, наконец,

11) мы, трудовые крестьяне, горячо протестуем против насилия над выборными отдельными личностями, над попранием прав Советов, выбранных прямым, равным и тайным голосованием. Призываем все трудовое население бросить партийную грызню, сплотиться как один и встать наконец на защиту свободных прав русского гражданина.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 26 об.—27. Копия

¹ Данный документ был представлен съезду как «резолуция беспартийных крестьян». За него голосовали 39 делегатов съезда, против 4, 12 воздержались (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 104, л. 28). Ранее был предложен проект резолюции фракции коммунистов, призывавшей дать отпор иностранным войскам, идущим с Севера России (Там же, л. 26 об.). Он не получил сколь-нибудь ощутимой поддержки.

44. Из «Протокола заседаний съезда сельской бедноты Галибицкой волости» о работе Галибицкого волисполкома. Холмский уезд Псковской губернии

27 августа 1918 г.

1. Докладчик исполкома товарищ Беляев охарактеризовал деятельность исполкома от 29-го апреля сего года, т. е. с того момента, когда он вступил на должность председателя. И во время его службы работа не была продуктивной ввиду того, что все члены Совета под давлением населения не собирались на заседания по повесткам, и обсуждение назреваемых вопросов обсуждалось при помощи сходов населения, но собравшиеся на сходе граждане не шли рука об руку с Советом, вследствие такого давления со стороны населения на Совет все декреты и предписания оставались неисполненными...

2. Из доклада товарища Луковского¹ также видно, что он не мог идти навстречу беднякам и осуществлять декреты о земле и покосах, так как он всюду встречал отпор со стороны зажиточных граждан...

3. Из доклада председателя продовольственного отдела товарища Орехова также видно, что он не мог провести в жизнь декрет[ы] о монополии хлеба и организации комитетов деревенской бедноты,² так как этому шли навстречу бедняки, но не было тому помощи против выступления имущего класса.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 237, л. 197—197 об. Копия с копии

¹ Заведующий земельным отделом Галибицкого волостного исполкома.

² Возможно, имеются в виду Декреты ВЦИК 9 мая 1918 г. и 11 июня 1918 г.

45. Из выступления следователя-инструктора Комиссариата ВД СКСО И. П. Рекстина на заседании Череповецкого губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов о собрании крестьян в Белозерском уезде Череповецкой губернии

29 августа 1918 г.

Т. Рекстин... начинает свой доклад чтением акта, составленного контрольно-следственной комиссией на основании собранных ею материалов... о собрании граждан нескольких волостей Белозерского уезда, имевшем быть 29/30 мая текущего года, созванным какой-то тайной антисоветской организацией на почве продовольственного кризиса в уезде и вынесенной этим собранием резолюции с требованием отмены хлебной монополии, твердых цен и свободной закупки хлеба в производящих губерниях...

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 106, л. 19. Копия

46. Из доклада следователей Комиссариата ВД СКСО П. Г. Глебова и К. Ф. Савина о выступлении крестьян деревни Марьино Островского уезда

Не позднее августа 1918 г.

Мы, следователи П. Глебов и К. Савин, были командированы для выяснения сего дела и нами выяснено, что дело, возбужденное Островским уездным Советом против крестьян деревни Марьино по обвинению их в неподчинении Совету и контрреволюционном выступлении..., состоит в следующем:

По собранным нами сведениям, в Островском уезде для распределения земли были образованы распределительные комиссии по обществам, состоящим из нескольких деревень, задача которых состояла в следующем: выяснить количество едоков и количество земли своего общества и распределить таковую между гражданами оною, по потребительской норме (т. е. одна десятая пахоты и $\frac{1}{2}$ десятины покоса на едока), а излишек, если бы таковой оказался, должен быть передан другому обществу, где оказался бы недостаток. В данном случае произошел спор между двумя деревнями, принадлежащим к разным обществам...¹

С копии [доклада] члена Островского уездного земельного отдела, командированного председателем для решения спора, усматривается, что, прибыв на место, он собрал сведения, касающиеся деревни Марьино, и на основании этих-то односторонних сведе-

ний, единолично, на месте, сделал постановление и на глаз установил межу, по которой, по заявлению члена земельного отдела, отошло 50 десятин, а по заявлению граждан деревни Марьино — около 70. Основываясь на протоколе члена Островского уездного Совета, исполнительный комитет Островского уездного Совета вынес постановление, в котором говорится: «Вызвать граждан деревни Марьино в Выбор² и объявить сим о принятом решении, взять подписку, и если бы кто стал возражать, то арестовать».³

Граждане деревни Марьино считали вправе себя добиваться пересмотра дела и справедливого его решения. Островский же Совет усмотрел в этом неподчинение Советской власти и контрреволюционное выступление. И по оговору другой спорящей стороны на место был вызван отряд красноармейцев, где⁴ в поле были высланы все граждане (мужского пола) деревни Марьино и там арестованы. Причем означенные граждане были арестованы в поле босиком и в одних рубашках, в каком положении и были отправлены в г. Великие Луки через Новоржев на станцию Сушево. (Расстояние которое нужно было пройти от деревни Марьино до ст. Сушево, для посадки в вагон — 70 верст.) Когда арестованные обратились с просьбой о том, чтобы им разрешили сходить домой, одеться и взять на дорогу хлеба, то член Совета давал на это свое согласие, начальник же милиции, командовавший красноармейцами, категорически отказал, приказав отправляться в дорогу. Один из арестованных, 70-ий старик, запротестовал, за что был избит красноармейцами прикладами, до потери сознания и до уездного Совета, отстоящего от места ареста в верстах 15-ти, был доставлен на подводе (как не могущий идти сам)... Во время же избия старика другими красноармейцами была открыта стрельба в воздух. А впоследствии, когда арестованные были уведены, то оставшимися красноармейцами по деревне Марьино была открыта стрельба по всем направлениям, причины сей стрельбы установить не удалось (по счастливой случайности жертв не было). Трое из арестованных, как больные, были оставлены в Выборе, а 23 человека отправлены в В[еликие] Луки, где пробыв под арестом 15 дней, были освобождены следственной комиссией В[елико]-луцкого революционного трибунала за недостатком улик по обвинению в контрреволюции...⁵

Вообще работа в Островском Совете не находится на должной высоте. Часто получают постановления, одно другому противоречащие. Нет должного контакта с волостными Советами. Производятся незаконные обложения и реквизиции, причем реквизированное имущество точно не регистрируется. Население (по нашему мнению) терроризировано. За каждую критику неправильных действий и проступков отдельных членов Совета, лицо,

осмелившееся на это, арестовывается, и ему предъявляется обвинение в контрреволюционной агитации против Советской власти...

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 430, л. 13—15. Подлинник

¹ Земельный спор возник между деревнями Марьино и Большая Якиманка (Корешовская волость Островского уезда Псковской губернии). Отрез участка земли был совершен в пользу дер. Большая Якиманка.

² Место пребывания Островского Уездного Совета.

³ Слова в кавычках являются фрагментом постановления пленарного заседания Островского уездного Совета 11 июня 1918 г. (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 430, л. 5).

⁴ Так в тексте.

⁵ Всего было арестовано 27 человек (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 430, л. 3, 14).

47. Из доклада следователя А. Г. Педдера Комиссару по внутренним делам Союза коммун Северной области М. С. Урицкому о выступлении крестьян в Лужском уезде

Август 1918 г.

...Командированный 9-го августа с. г. в Лужский уезд для расследования дела о контрреволюционном выступлении в некоторых волостях вышеназванного уезда, я выяснил следующее:

Из документа, имеющегося в Лужском исполкоме и присланного из Бутковской волости крестьянской беднотой видно, что земельным комитетом названной волости был отведен покос. На покосе были крестьяне дер[евни] Стройны. Неожиданно появились кулаки, выгнали крестьян, а сено увезли, угрожая сжечь деревню. Советскую власть кулаки не признают. И т. к. такие недоразумения случались очень часто и делегирование на места членов Лужского исполкома не дает никаких результатов, исполком на заседании своем от 25/VII постановил прийти на помощь бедноте, послав в волости реальную силу, о которой просили волостные Советы, в виде вооруженных отрядов. Отряду в 80 человек с комиссаром Атрашкевичем было поручено разоружить Перечицкую волость, организовать комитеты бедноты и путем фактической передачи власти в руки бедняков устранить на будущее время возможность столкновения между крестьянами. Кулацкие элементы деревни сразу почувствовали, что к бедноте пришла на помощь сила и вот началась их предательская работа. Ими были разосланы гонцы по всему уезду, которые уверяли крестьян, что красноармейцы косят зеленую рожь, реквизируют лошадей, отбирают продукты и т. д. Кулакам и белогвардейцам шпионам удалось спровоцировать крестьян бедняков против Совета и его отрядов. Ночью, когда больше половины солдат спало, раздались неожиданно выстрелы, которыми были смертельно ранены несколько красноармейцев. Комиссар Атрашкевич был арестован и обезоружен, отряд, также оттиснутый на ст. Преображенскую, был

обезоружен и взят в плен. К этому моменту в исполкоме были получены сообщения, что благодаря агитации контрреволюционеров брожение захватило целый ряд волостей, тогда Лужский уезд был объявлен на осадном положении. В то же время стали попадаться грабители, которые под видом красноармейцев отбирали от крестьян деньги, хлеб и т. д. В настоящее время в Лужском уезде восставшие кулаки разоружены и виновные привлечены к ответственности.

Педдер

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 65, л. 2—2 об. Подлинник

48. Из сводки административного отдела Исполкома Порховского уездного Совета о восстании крестьян в Ручьевской и Горской волостях Порховского уезда Псковской губернии

Август 1918 г.

С 1-го по 7-е августа в уезде произошли следующие события и происшествия...

В Горской волости по донесению волостного комитета¹ замечено среди богатых слоев крестьян возбужденное настроение ввиду прибытия военного отряда для отбирания казенного имущества и для восстановления порядка при проведении в жизнь декретов. В Ручьевской волости настроение явно контрреволюционное, были волнения о расформировании военного комиссариата... 1-го августа 1918 г. Ручьевская и Горская волость подняли вооруженное восстание против Советской власти, Порховский военный комиссар т. Костин был ранен мятежниками. Благодаря экстренно принятым мерам — объявление осадного положения, посылка отряда красноармейцев с пулеметами — восстание в настоящее время ликвидировано и порядок восстановлен.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 107, л. 16. Копия

¹ Имеется в виду исполнительный комитет волостного Совета.

49. Из доклада следователя-инструктора комиссариата ВД СКСО И. П. Рекстина о поездке в гор. Белозерск

3 сентября 1918 г.

...На мои вопросы, были ли командированы губернские представители на Кирилловский уездный съезд Советов, я получил ответ, что нет — Кирилловский съезд оказался антисоветским, и ему было решено не существовать. Часть [делегатов] съезда попала в тюрьму, а часть разъехалась по домам.

И. Рекстин

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 106, л. 9—9 об. Подлинник

50. Из отчета следователя-инструктора Е. М. Малевича Комиссару по внутренним делам СКСО о восстании крестьян Ручьевской и Горской волостей Порховского уезда Псковской губернии

5 сентября 1918 г.

Образованная согласно предписанию совместно с представителями Псковского губ[ернского] совдепа Комиссия для расследования столкновения крестьян с отрядом красноармейцев в районе деревни Цепельки,¹ приступив к работе, выяснила, что на самом деле имело место не случайное столкновение, а широко разлившееся массовое движение против органов Советской власти, подавленное вооруженной силой.

На почве умышленно распространенных ложных слухов о действиях власти, возникло озлобление и враждебное отношение к рабоче-крестьянской Красной Армии и военным комиссариатам, как органам ее формирующим и инструктирующим, вылившееся в форму протеста против регистрации мужского населения и лошадей, против присутствия и передвижения красноармейских отрядов и закончившееся разгромом волостных комиссариатов в Ручьевской и Горской волостях, арестом комиссаров и сотрудников и вооруженным сопротивлением красноармейским отрядам.

Так, в Ручьевской волости регистрация мужчин от 18 до 40 лет в течение нескольких дней шла спокойно, но вдруг 28-го числа² толпа крестьян дер[евни] Воробьево, смущаемая несколькими горланами, среди которых выделялись Козырь, Федор Иванов, и др. стала волноваться, раздавались речи и крики о том, что теперь пишут, а потом будут «брать», «накинули петлю, остается только натянуть» и т. п., толпа ворвалась в помещение комиссариата, стала требовать объяснения, для чего идет регистрация и предъявления списков, увидела бланки для регистрации лошадей и порешила: «будут отбирать скот», и наконец потребовала военного комиссара, арестовала его, делопроизводителя и сторожа комиссариата. На следующий день состоялся «суд» над комиссаром. Разъяренная толпа требовала расстрела, виселицы или «по уши в землю закопать»; несколькими сознательным товарищам с трудом удалось уговорить и спасти жизнь арестованных. Когда стало известно, что движется карательный отряд, движение приобретает еще более безличный³ характер: люди из соседних деревень, из другой волости бежали и выгоняли всех — идти бить красноармейцев, а если кто не пойдет, то на обратном пути грозили убить, и крестьяне бросали свои полевые работы и шли, часто без оружия, навстречу отряду, многие, дойдя до ближайшего леса, прятались там, по суткам и более, чтоб только их не застали дома «на обратном пути». После отступления отряда крестьяне, по-видимому, не знают, что делать с оставшимся им орудием, ставят его в укромное место, снимают панораму и прицел, но

для чего-то закладывают снаряд и следующему более сильному отряду уже не сопротивляются, и покорно отдают оружие.

В Горской волости⁴ та же приблизительно картина, заметнее только влияние более интеллигентных руководителей. Толпа, частью вооруженная, идет в волостной комиссариат не то бить красноармейцев, не то «узнать», в чем дело и, придя, начинает допрашивать комиссара, для чего пришел отряд Кр[асной] Арм[ии], на приказ положить оружие отвечает галдежем, а слышав команду «зарядить винтовки», бросается врассыпную и рассаживается за прикрытиями за деревней. Так как военными действиями руководит бывший офицер Василий Колиберский, то они более успешны для крестьян: они на время оказываются господами положения, красноармейский отряд рассеивается, в деревне водружается белый флаг, происходит суд над арестованным начальником милиции, выбираются «свои» военные комиссары и военный руководитель и...⁵ делается попытка легализовать мятеж: возбуждается ходатайство перед уездным Порховским комиссаром⁶ об утверждении нового состава комиссариата.

В возникновении этого движения сыграли свою роль, с одной стороны, деревенская беднота⁷ и отсутствие организации, влекущие ложное понимание действий власти, а с другой — злостная агитация...

Считаясь с этим стихийным характером движения и исходя из того положения, что истинные виновники восстания должны быть наказаны, в то время как рядовые участники — только озадачены, комиссия решила — всех подозреваемых в руководительстве движения направить в уездную и губернскую Чрезвычайные комиссии, дающие гарантии всестороннего расследования преступлений; относительно же «выполнителей» ограничиться административным взысканием, наиболее чувствительным для обывателя — кулака — штрафом, заменяемым в случае неуплаты арестом.⁸

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 107, л. 5—5 об. Подлинник

¹ Столкновение произошло 1 августа 1918 г. Деревня Цепельки принадлежала к Ручьевской волости Порховского уезда Псковской губернии.

² 28 июля 1918 г.

³ Так в тексте.

⁴ Горская волость входила в Порховский уезд Псковской губернии.

⁵ Отточие документа.

⁶ Имеется в виду уездный военный комиссар.

⁷ Так в тексте. Возможно, имелась в виду «беднота».

⁸ В постановлении следственной комиссии по делу о восстаниях в Горской и Ручьевской волостях от 27 августа 1918 г. указано: «...всех тех участников: 1) которые возмущали, 2) которые насильно заставляли идти на это позорное дело, 3) которые принимали активное участие в бунте — обложить штрафом в пользу бедняков — неимущих граждан волости и нашей Красной Рабоче-Крестьянской Армии — десятью фунтами ржи и одним пудом сена» (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 107, л. 9—9 об.).

51. Из протокола заседаний 3-го съезда Советов крестьянских и рабочих депутатов Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии о настроениях крестьян Сольвычегодского уезда

16 сентября 1918 г.

Общий обзор докладов с мест, сделанных делегатами от волостей и организаций уезда, представляется в следующей характеристике:

1) Общее настроение и отношение населения к Советской власти.

Из всех почти докладов проглядывает определенно сочувственное отношение к Советской власти и уверенность в ее жизнеспособности, в особенности при приближении к уезду англо-французских и белогвардейских банд из Архангельска. До этого были по некоторым волостям колебания под влиянием рассказов разных проходимцев о том, что белогвардейцы по занятии какой-либо местности снабжают население продуктами продовольствия в достаточном количестве. По некоторым волостям заметно выражение недовольства Советской властью со стороны крестьян-стариков, являющихся все же в значительном меньшинстве, но открытой агитации против Советов нигде не ведется.

Настроение бедняков в общем бодрое и подавленность со стороны буржуазии и местного кулачества ввиду мобилизации последних на тыловые работы. Отношение к выступлению англо-французов и белогвардейцев в Архангельске везде определенно отрицательное. Крестьяне волостей вблизи Архангельской границы¹ оказывают всевозможную поддержку в борьбе с этими бандами. Набирают отряды рабочих, дают подводы, организуют добровольческие отряды, записываются в Красную Армию и т. п.

...4) Комитеты бедноты и партийные организации.

Комитеты бедноты в большинстве волостей организованы и работают, но есть и такие волости, где комитеты не желают организовывать, потому, якобы, что у них нет кулаков, все бедные и бороться не с кем, а есть и такие, где не хотят занимать этим делом лишних людей, а просто возлагают задачи к[омитет]тов бедноты на те же волостные исполкомы, а иногда только на одного председателя.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 53, л. 37 об. Копия

¹ Так в тексте.

52. Из доклада делегатов от завода Новый Леснер (Петроград) о поездке в Передольскую волость Лужского уезда Петроградской губернии

18 сентября 1918 г.

О митинге в Передольском Совдепе.

В 1 час дня за отсутствием президиума Совдепа нами открыт митинг.

Доклад об учете продовольствия и комитетах бедноты был сделан в форме предрешенности этих вопросов, а центральный пункт доклада — мобилизация — как свершающийся факт, против которого отдельные волости не могут и не должны сопротивляться.

Наше посещение было оттенено как братское разъяснение о значении Красной Армии и как братское предупреждение, [которое должно] предостеречь от агитации кулаков и спекулянтов, которые агитируют против Красной Армии.

Были указаны примеры Ямбургского уезда, где за охрану «чужих амбаров» все сопротивляющиеся рабоче-крестьянскому правительству были наказаны по всей строгости революции.

Предложенная нами резолюция принята половиной голосов из присутствовавших до 500 крестьян, при такой же половине против.

Резолюция: «Мы, крестьяне Петр[оградской] губ[ернии] Лужского уезда Передольской вол[ости], заслушав доклад приехавших т. т. из Петрограда о скорейшем восстановлении народного благосостояния, разрушаемого 4-х летней войной за чуждые нам интересы, приветствуем мобилизацию Петроградской губ[ернии], так как с проведением мобилизации, подкрепленная новыми отдохнувшими силами наша Красная Армия даст решительный отпор всем захватчикам, которые, отрезав хлебородные места, хотят уморить нас с голода, и тем самым восстановить окончательное торжество над врагами Рабоче-Крестьянской власти Советов».

Митинг от 1 часа дня продолжался до 7 час. вечера.

Пункты о комитетах бедноты и учете продовольствия выкинуты из резолюции из опасения непринятия ее.

Общее впечатление.

Состав волости имеет большой процент кулаков и спекулянтов.

Настроение к Советской власти и Красной Армии враждебное.

Президиум волостного Совдепа кулацкий, узнав о нашем приезде, уехал из Совета, не дав нам необходимого материала к докладу и вернулся после окончания митинга, а уехал по причине опасения ответственности за могущее произойти насилие над агитаторами (со слов крестьян)...

Со слов возражавших ораторов выяснилось, что в волость самовольно вернулись из рядов Красной Армии унтер-офицеры, и некоторые из них ведут пропаганду о том, что их в Петрограде мроят голодом и что они скоро будут проданы немцам.

Попытка докладом расколоть подавляюще-кулацкое настроение удалась, и при принятии резолюции митинг разделился на две стороны, которые встали между собой в резко враждебные отношения.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 283, л. 4—4 об. Подлинник

53. Из протокола общего собрания волостного и сельских комитетов деревенской бедноты Тарантаевской волости Тихвинского уезда Новгородской губернии о пересмотре состава комитетов деревенской бедноты

29 сентября 1918 г.

Слушали: Об исключении из комитетов деревенской бедноты зажиточного класса и кулаков со спекулянтами.

Постановили: Весь зажиточный и кулацкий элемент выгнать из комитетов деревенской бедноты и волостного, оставив только бедняков и средний класс, сочувствующий власти Советов.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 6, д. 237, л. 36. Подлинник

54. Из «Сведений о происшествиях по Старорусскому уезду за время с 15 сентября по 1-е октября 1918 года»

Октябрь 1918 г.

Прибывшим в Белебелковскую волость для конфискации оружия 1-м Бологовским карательным отрядом расстреляно 7 человек за непризнание Советской власти, кражи и покушение на красноармейские отряды...

ВЫСТУПЛЕНИЕ КУЛАКОВ: 8 сентября на Нивском вол. сходе под влиянием агитации темных сил произошло выступление кулаков, целью коего был разгон местного военного комиссариата и комитета бедноты, как главных виновников, по их мнению, предстоящей реквизиции хлеба. Одному красноармейцу нанесены побои. Восстание ликвидировано при участии красноармейцев от Поддорской, Перегинской, Губинской и Нивской волостей. Виновные, по постановлению сводного отряда, наказаны плетью.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 3, д. 17, л. 14—15. Подлинник

55. Из доклада следователя Комиссариата ВД СКСО К. Савина о событиях в Старо-Сквирицкой волости Царскосельского уезда Петроградской губернии¹

Сентябрь 1918 г.

Председатель исп[олнительного] ком[итета] Каупонен и член Совета Касвандик арестованы при следующих обстоятельствах. На

собрании,² во время которого был произведен арест, присутствовал некто, представитель Финского Совета по народному образованию, который выступал с речью по текущему моменту, в которой обрушивался на Советскую власть и на партию коммунистов.³ Между прочим, как видно из показаний, он говорил: «Ну вот, что дали вам Советы, обещали мир, хлеб и свободу, а дали гражданскую войну, голод и тюрьмы. До большевиков был хлеб, а теперь и его нет». Ввиду того, что Совет⁴ в своем составе не имеет ни одного коммуниста, он не был никем остановлен. Присутствовавшему же на собрании коммунисту А. Хамаляйнену,⁵ гражданину деревни Скворицы, когда он хотел выступить для возражения, получив слово от председателя собрания, то председатель исп[олнительного] ком[итета] Каупонен обратился к собранию с вопросом: «Может ли присутствовать не член Собрания — представитель Скворицкой организации коммунистов». Собрание зашумело и Хамаляйнену предложили удалиться, что он и сделал. Но придя в деревню и собрав коммунистов, стали обсуждать создавшееся положение. После обсуждения было решено пойти в Совет и предложить собранию выдать агитатора Лорви для ареста. Для этой цели они в количестве 8 человек с винтовками отправились к Совету. Но в это время Лорви там уже не оказалось, т. к. он после инцидента в Совете поспешил уехать. Тогда снеслись по телефону с Гатчинским Советом и получив одобрение, решили арестовать Каупонена — как виновника удаления из присутствия Совета Хамаляйнена и Касвандика — как высказывавшегося неодобрительно о Советской власти во время собрания и неоднократно ранее. Арестованные были отправлены в Петроград, в Чрезвычайную комиссию, откуда были отпущены на поруки под расписку о невыезде и явке по требованию... Со слов члена Ц[арско]сельского уездного исп[олнительного] ком[итета], присутствующего на общем собрании волостном 15 июля, на котором постановлено обезоружить скворицкую организацию и выражено доверие членам Старо-Скворицкого волостного исп[олнительного] ком[итета] — Каупонену и Касвандику, чувствовалось возбужденное настроение против партии коммунистов, как возглавляющей Советы, а равно и против Советов.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 86, л. 2—2 об. Подлинник

¹ Доклад был подготовлен в связи с арестом председателя исполкома Старо-Скворицкого волостного Совета (Царкосельский уезд Петроградской губернии) И. А. Каупонена и депутата этого Совета Ю. И. Касвандика.

² Собрание состоялось 11 июля 1918 г.

³ С речью выступал П. Лорви, представитель финской национальной учительской организации «Финский Совет по народному образованию».

⁴ Имеется в виду волостной Совет.

⁵ В тексте этого и других, относящихся к делу документов, имеется разное написание его фамилии.

56. Из доклада Колчановского волостного военного комиссариата Третьему съезду волостных военных комиссаров и военных руководителей Новоладожского уезда о крестьянских волнениях в Колчановской волости

6 октября 1918 г.

После съезда военных комиссаров 12-го августа сего года комиссариат приступил еще с большей энергией к своей работе. На съезде была объявлена мобилизация лошадей. Колчановская волость должна была доставить таковых 13-го августа в гор. Новую Ладугу. Ночью с 12-го на 13 августа были срочно разосланы объявления по деревням и все лошади, за исключением отсутствующих в отхожих промыслах, были доставлены в дер[евню] Березье, находящуюся на берегу Волхова против города Новая Ладога. Но тут появились лица (гражд[ане] Изсадской волости) которые стали смущать граждан Колчановской волости, ведя контрреволюционную пропаганду и не пуская их с лошадьми на паром для переезда через р. Волхов в гор. Новая Ладога. Положение военного комиссара Шипулло, сопровождающего со списками лошадей, было безвыходное, и только благодаря тому, что прибыл отряд красноармейцев, лошади были переправлены

Все шло хорошо до 18-го августа, в соседних волостях Хваловской и Ус-Спасовской было брожение крестьян, и [оно] вызвало восстание в Колчановской волости. С 18-го на 19-е августа ночью появился отряд из Хваловской волости во главе прапорщиков¹ Ивана Степанова и Цветкова, арестовал на квартире комиссаров Павлова, Шипулло, братьев их, служащих комиссариата, Совета, агента железнодорожной милиции от Колчаново, начальника Новоладожской милиции и агитатора Шуваева, бежавших в это время в Колчаново, и поднял восстание в Колчановской волости. Во время ареста были избиты до потери сознания комиссары Павлов и Шипулло, агитатор Шуваев и председатель исполкома Ершов и агент железнодорожной милиции, кроме того, были избиты жена комиссара Шипулло, свояченица его и жена агента железнодорожной милиции, разгромлен Комиссариат и квартира комиссаров.

Все арестованные были брошены в сырой подвал. Состоялось собрание восставших в шагах 15—20 от места заключения, на каком Семеном Кравцовым и другими говорилось много об Учредительном собрании и о свержении власти большевиков, и был избран военный комитет волости из 3-х лиц: Якова Ермолаева, Петра Завихонова и Сергея Большева, которым была передана вся власть [в] волости. Тут же был избран гражданский комитет в составе председателя Ивана Андреевича Колчина, тов[арища] его Семена Гомазина, заведующего земельным отделом² Ефима Баскакова, тов[арищем] ему Сергея Филиппова и секретарями оставлены прежние. На этом

же собрания были вынесены постановления об арестах, разборке пути и расстреле комиссаров Павлова и Шипулло, агитатора Шуваева и брата комиссара Шипулло Павла Шипулло. Постановление это было бы исполнено на месте, но тут нашелся кто-то, который посоветовал в Колчанове нас не убивать, а отправить в Спасовскую волость, где был главный штаб повстанцев, дабы и там посмотрели на большевиков. Последнее предложение было принято, и нас четверых вывели из подвала, скрутили веревками и погнали, нанося всю дорогу побои. Дорогой, улучшив минутой, тов. Павлов бежал. Для поимки тов. Павлова послали двоих из конвоиров собрать граждан соседних деревень для производства облавы Павлова. Но несмотря на это, тов. Павлову удалось скрыться и пробраться в Новую Ладугу, где и был положен на излечение в народную больницу.

Оставшиеся же трое были связаны еще круче, проведены через несколько деревень и приведены в дер. Сорокино. Здесь хотели всех расстрелять, но выборный народный комиссар деревни настоял на отправке нас в штаб повстанцев. С разными издевательствами мы были доставлены на ст. Мыслино, где находился штаб. Здесь жизнь наша висела на волоске, крики «расстрелять» носились в воздухе, но благодаря двум товарищам, которым еле удалось уговорить толпу, мы остались живы и были отведены в дер[евню] Усадище и заперты в волостную тюрьму. Но наши мытарства этим не кончились. На следующий день открылась пулеметная стрельба на ст. Мыслино, и нас погнали под конвоем в дер. Верховины. Как впоследствии выяснилось, это стрелял отряд красноармейцев, высланный на поезде со станции Званка, который захватил 5 человек и увез с собой. Не успели мы еще придти в Верховины, как нас погнали посланцы и повернули обратно в Усадище, куда пришли в 9-ть часов утра. Там уже было собрание повстанцев, на котором было решено отпустить нас с тем, чтобы на ст. Званка освободили захваченных отрядов 5 человек... Избитые, мы прибыли на Званку... С отрядом красноармейцев военкому Шипулло пришлось пройти для ликвидации восстания, выяснения участников такового, ареста их и отбора оружия у населения по Колчановской и Хваловской волостям... После производства массовых арестов и обысков повсюду стало тихо, мобилизация людей 6-го сентября была проведена без всяких эксцессов... Для полного успокоения народных масс и в опровержение всех неправдоподобных и провокационных слухов являлась надобность в агитации как словесно, так и письменно. Вырезали[сь] из советских газет полезные выдержки, перепечатывались в нескольких экземплярах и рассылались по всем деревням волости, после чего народ как будто бы успокоился окончательно, стал даже доверчивый к комиссариату... Кроме означенных мероприятий, было обращено внимание на комитеты деревенской бедноты, которые слишком слабо функционировали,

и бедное население стремилось не в Совет и волостной комитет бедноты, а в комиссариат со слезными просьбами о насущном хлебе...

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 1, д. 1-6, л. 11—11 об., 15. Подлинник

¹ Так в тексте.

² Имеется в виду земельный отдел Колчановского волисполкома.

57. Из письма секретаря Мирошкинского волостного Совета И. Богданова Лодейнопольскому городскому комитету РКП(б) об отношении крестьян к компартии¹

Октябрь 1918 г.

...Коммунист[ической] партии большевиков ячеек в районе Мирошкинского волостного Совдепа нет, и сочувствующих большевизму очень мало, а настроения крестьян в отрицательном смысле. Требуют много в агитации и пропаганде.

Секретарь мир[ового]² вол[остного] Сов[ета] И. Богданов.

ЦГАИПД, ф. 0—1635, оп. 1, д. 12, л. 6. Подлинник

¹ Данное письмо является ответом на просьбу Лодейнопольского городского комитета РКП(б) «немедленно сообщить, имеются ли в Вашей Волости ячейки коммунистов или группы сочувствующих, и каково вообще настроение крестьян к большевизму» (ЦГАИПД, ф. 0—1635, оп. 1, д. 12, л. 5). Письмо Лодейнопольского ГК РКП(б) было отправлено 7 октября 1918 г. Такое же предписание было отправлено горкомом и ряду других волостей Лодейнопольского уезда. Ниже публикуются фрагменты ответных донесений волостных Советов: «Все настроение крестьян сочувствует к большевикам» (Оштинский волостной Совет, 12 октября 1918 г. // Там же, л. 2), «Отношение населения к ячейкам крайне пассивное» (Юковский волостной Совет, 14 октября 1918 г. // Там же, л. 9), «Настроение крестьян к большевизму хорошее» (Шапшинский волостной Совет 18 октября 1918 г. // Там же, л. 12).

² Так в тексте.

58. Из письма секретаря Старопольской волостной организации¹ РКП(б) И. Петухова Петроградскому губернскому комитету РКП(б) о деятельности комячеек в Старопольской волости Гдовского уезда Петроградской губернии

7 октября 1918 г.

...Нам же одним² без посторонней помощи было очень тяжело работать, мы все время были гонимы. Частенько даже на собраниях не давали нам говорить. Вообще в нашей волости люди такие, что дай только нам, тогда и хорош, а как от нас, так и на дыбы. Например, на днях у нас в волости был митинг по поводу мобилизации. На митинге присутствовало около полутора тысячи человек, высту-

пали ораторы от Северной Коммуны.³ Несмотря на горячий призыв товарищей идти служить, митинг постановил не идти, мотивируя тем, что зачем демобилизовали старую армию и почему большевики обещали хлеба и мира, а вместо мира опять призывают воевать. Как ни бились приезжие товарищи, доказывая митингу всю правоту их взглядов, так ничего желаемого и не добились. Уже после их отъезда мы собрали всю молодежь, подлежащую призыву, объяснили им вторично в чем дело, упрекали их в трусости, и что они из-за шкурного вопроса согласны потопить все завоевания октябрьской революции, кое-как уговорили, составили протокол, и так же послали в уездный военный комиссариат телеграмму, что призываемые [в] Старопольской волости все как один человек согласны стать под ружье. Не знаю, все ли явятся 11-го октября на сборный пункт и опасаясь, чего бы и в уездном городе не вышло, потому что все время идет погромная агитация. А агитация ведь имеет огромный успех, когда играют на голоде и шкурном вопросе.

ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 296, л. 14. Копия

¹ Старопольская волость входила в состав Гдовского уезда Петроградской губернии.

² Имеется в виду Старопольская волостная организация РКП(б).

³ Союз коммун Северной области.

59. Из «Резолюции Тупицинского Союза бедноты» об оказании помощи комитетам бедноты¹

11 октября 1918 г.

1918 года 11 октября Тупициным исполнительным комитетом было созвано общее собрание всех граждан волости с правом решающего голоса...

[[-м] вопросом на повестке дня стояло об изменении нормы потребления по регистрации урожая.

После неоднократных убеждений членов исполнительного комитета, что норма вполне приемлема и должна быть удовлетворительна, а также не может быть изменена, так как она утверждена Советом Народных Комиссаров, а также выступали и члены Союза бедноты в защиту принятия нормы, но им не давали совершенно говорить, всегда срывали, так как собрание было исключительно из кулаков, а также и явных контрреволюционеров, и этот член Президиума² Василий Нефедов[ич] Чижов саботировал и все время настаивал о непринятии этой нормы или [п[р]осто агитировал против существующей власти в лице Народных Комиссаров, и по его инициативе и агитации, а также и других саботажников норма не была принята. Против нормы 253 голоса, за норму 64 голоса, поданные членами комитета бедноты. Стыдно и обидно смотреть, но мы беспомощны, так как малое количество нашей организации, то мы,

члены Тупицинского Союза бедноты, протестуем против такого постановления и просим уездный исполнительный комитет придти на помощь к нашей молодой и еще не окрепшей организации и наказать этих саботажников и контрреволюционеров всеми существующими репрессивными законами[и]...

Затем был поднят второй вопрос об избрании одного члена исполнительного комитета в дорожно-технический отд[ел] и большинством голосов был избран этим[и] господами кулаками и саботажниками Василий Нефедов[ич] Чижов, гр[ажданин] дер[евни] Сербино.

То мы, члены Тупицинского Союза Бедноты, протестуем против таковых насильственных выборов, так как нашей организации кандидаты были сняты со списков и сорваны с насмешками: «Вы, левые эсэры, голодные, не пройдете».³

А также мы протестуем [и считаем], что в исполнительный комитет не могут быть люди избраны контрреволюционерного направления и обливающие грязью существующую власть,⁴ так как этим людям только может быть место у кра[с]ной стенки, пулю в лоб и все, что не стоял бы на пути.

ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 296, л. 17—17 об. Копия

¹ «Резолюция» Тупицинского Союза бедноты (Тупицинская волость Гдовского уезда Петроградской губернии) по своему содержанию является одновременно отчетом о волостном собрании 11 октября 1918 г. и прошением о принятии репрессивных мер против ряда граждан волости. Она была направлена Гдовскому уездному комитету РКП(б) и обсуждена на общем собрании уездной организации РКП 16 ноября 1918 г. (см. документ № 69). Печатается по машинописной копии, снятой в Гдовском уездном РКП(б) и направленной в Петроградский губком РКП(б) 19 ноября 1918 г. (ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 296, л. 60).

² На собрании был избран президиум, в состав которого вошел В. Н. Чижов.

³ В данной машинописной копии документа слово «эсэры» зачеркнуто. Вместе с тем необходимо отметить, что, как следует из документов, избранный в состав президиума собрания секретарь «Тупицинского Союза бедноты» — «бывший член партии левых эсэров и в настоящее время сочувствующий коммунистам» (ЦГАИПД, ф. 16, оп. 1, д. 296, л. 17).

⁴ Так в тексте.

60. Из «Отчета о деятельности Комиссариата по внутренним делам Союза Коммун Северной области с 25-го марта по 16-е октября 1918 г.» о крестьянских волнениях в Северной области

Октябрь 1918 г.

...Об интенсивности работ этого отделения [Административно-Юридическо-Конфликтного] можно судить по следующим данным о беспорядках и волнениях, рассмотренным по заявлениям с мест.

Губернии	Не происходили [количество волостей]	Происходили			
		на почве голода		политические	
		волнения	беспорядки	волнения	беспорядки
Архангельская	45	10	3	1	-
Вологодская	69	29	4	-	-
Новгородская	59	33	8	-	5
Олонецкая	94	23	12	4	3
Псковская	38	6	20	-	1
Петроградская	59	33	4	5	4
Северо-Двинская	94	17	8	4	7
Череповецкая	35	47	12	4	-
Итого	493	198	71	18	20

Примечание. Под словом «волнения» подразумеваются выступления, которые удавалось рассеивать без применения оружия. Под словом «беспорядки» — волнения, подавляемые силой оружия.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 4, д. 4, л. 4. Подлинник

61. Из письма заведующего информационно-инструкторским подотделом отдела управления внутренних дел Демянского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО о положении в Демянском уезде с 11 по 18 октября 1918 г.

19 октября 1918 г.

Положение на местах в Демянском уезде устойчивое, за последнее время в народной толще замечается резкий переворот в пользу существующей Советской власти. Во всех волостях на съездах выносятся резолюции, из которых видно, что беднейшее и среднее крестьянство не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции... Контрреволюционных выступлений за истекшую неделю не было. Раньше замечалось некоторое движение в среде более зажиточных элементов, но благодаря своевременно принятым мерам Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности все успокоилось. Виновники такого движения понесли законную заслуженную кару... Беспорядков на почве голода не было.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 43. Подлинник

62. Из доклада Новолодожского уездного комиссара по военным делам о восстании в Новолодожском уезде Петроградской губернии

Октябрь 1918 г.

Воспользовавшись суматохой крестьян, вызванной реквизицией... лошадей, вся черная свора контрреволюционеров и белогвар-

дейцев распространила слух о том, что всех лошадей отбирают, годных берут, а негодных режут на мясо, коров отбирают, хлеб красноармейцы снимают с полей. Крестьяне в уезде под предводительством белогвардейцев, вооружившись, стали производить аресты большевиков, агитаторов, разбивать военкомвол¹ и идти походом на Советы. Военно-революционным штабом, членом которого состоит и военкомуезд² тов. Якобсон, были приложены все усилия для подавления восстания. Из города Новая Ладога с отрядом в 50 человек красноармейцев тов. Якобсон отправился на ст. Званка, куда был потребован батальон красноармейцев из Петрограда. 19-го августа прибыл батальон 1-го Московского Революционного полка в количестве 360 человек. Сразу были посланы карательные отряды по уезду. С батальоном прибыл член исполнительного комитета Петроградского Совета тов. Евдокимов. Было в уезде назначено несколько митингов, а также на ст. Званка. Все митинги прошли с успехом, и на 20 августа в уезде началось быстрое успокоение крестьянской массы. Во время волнений пострадало: 1 убитый крестьянин, одна убитая лошадь под красноармейцем, 8—10 избито советских работников. Арестовано за антисоветскую агитацию приблизительно 60 человек. Отобрано винтовок разного рода 147 шт.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 1, д. 1-б, л. 83 об., 84. Подлинник

¹ Военный комиссариат волости.

² Военный комиссар уезда.

63. Из «Еженедельных сведений о положении Новгородской губернии в политическом и продовольственном отношениях, состоянии порядка и законности»¹

Октябрь 1918 г.

Новгородский уезд.

19 сентября комитетом деревенской бедноты с[ела] Люболяд, Черновской волости, был арестован местный крестьянин Федор Лупа, за неподчинение и оскорбление Советской власти...

Комитетом деревенской бедноты дер[евни] Эстьян арестован местный кр[естьянин] Яков Захаров за нанесение оскорбления означенному комитету

Старорусский уезд.

С 15 по 19 сентября 1918 г. расстреляны, по постановлению Революционного Штаба, граждане Белебелковской волости: дер[евни] Раки Максим Евсеев, дер[евни] Литвиново Сергей Дмитриев Михайлов, дер[евни] Речки Дмитрий, Ермолай и Михаил Федотовы и Григорий и Иван Павловы...

Демянский уезд.

В Демянском уезде настроение населения удовлетворительное, и волнений, носящих политический характер, за отчетный период не было.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 74—74 об. Подлинник

¹ Составлены информационно-инструкторским подотделом отдела управления по внутренним делам Новгородского губернского Совета за период с 1 по 15 октября 1918 г. В них, однако, отражены и события второй половины сентября 1918 г.

64. Из «Сводки сведений по просмотру простой международной корреспонденции за октябрь месяц 1918 года» об основных требованиях крестьян¹

Деревенское население требует мануфактуры и другие предметы, необходимые для деревни, в обмен на хлеб.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 1, д. 68, л. 169. Ротапринт

¹ Направлено в Президиум Совета Союза коммун Северной области начальником осведомительно-секретного отдела Петроградского областного управления военного почтово-телеграфного и пограничного контроля 19 ноября 1918 г.

65. Из доклада агитатора Якобсона¹ Тихвинскому уездному комитету РКП(б) об отношении крестьян-бедняков и Советской власти. Череповецкая губерния

Ноябрь 1918 г.

В 2 часа дня 10 ноября с ближайших деревень... собрались крестьяне, отчасти и кулаки. С начала моей речи, когда я охарактеризов[ал] дейст[вия] Вр[еменного] правит[ельства] Керенского и действ[ия] партий соглашателей, наблюдалось недружелюбное [настроение], а уже при вопросе о Красной Армии были слышны возгласы: «Зачем опять вооружение...».

Объяснив все эти вопросы, я уже видел, что соглашались со мною все бедняки, ввиду чего кулаки, видя свое банкротство, замолчали и начали удаляться, бедняки выслушали меня до конца, их было человек около 200.

Агитатор Якобсон

ЦГАИПД, ф. 0—851, оп. 1, д. 6, л. 4—4 об. Подлинник

¹ Агитатор Якобсон был командирован в Обрижскую волость Череповецкой губернии в начале ноября 1918 г. для проведения митинга, посвященного годовщине Октябрьской революции.

66. Из письма агитатора Баранова¹ Тихвинскому уездному комитету РКП(б) о положении комитетов бедноты в Лукинской волости Череповецкой губернии

14 ноября 1918 г.

...10-го ноября утром собрались по возможности граждане количеством не более полутора сот человек (150).

Я им объяснял о текущем моменте и о значении празднования великой Октябрьской революции.

Потом перешли к значению инструкции и деятельности комитетов деревенской бедноты. На это мне беднота и ответила, что так как нас, голодающих, всего найдется среди зажиточных не более как третья часть, и поэтому-то нам с ними ничего не сделать по разделу хлеба.

И просим содействия исполнительного комитета послать немедленно на помощь вооруженную силу, хотя из 5-и человек во главе с распорядителем.

И просили меня лично походатайствовать перед исполкомом² о высылке им на помощь вооруженной силы.

Этим и закончилось собрание.

Член партии коммунистов большевиков Баранов

ЦГАИПД, ф. 0—851, оп. 1, д. 6, л. 3—3 об. Подлинник

¹ Агитатор Баранов был командирован 6 ноября 1918 г. Тихвинским уездным комитетом РКП(б) для организации митинга в Лукинский волостной Совет (Лукинская волость Тихвинского уезда Череповецкой губернии).

² Возможно, имеется в виду Тихвинский уездный исполком.

67. Из «Ведомости о происшествиях по г. Старой Руссе и уезду в течении первой половины ноября месяца 1918 года»¹

Ноябрь 1918 г.

...8) Агитация против Советской власти.

Гр[ажданин] Губинской вол[ости] дер[евни] Ияшково Степан Ефимов вел среди населения агитацию против Губинского Совета. Дознание направлено в следственную комиссию Новгородского Революционного Трибунала.

27 октября на Волостном общественном собрании гр[ажданин] дер[евни] Головенки Перегинской вол[ости] Василий Михайлов и др. агитировали против Советской власти. Дознание направлено в Чрезвычайную комиссию Старорусского Совдепа.

В 20 числах октября гр[ажданин] д[еревни] Островов Перечинской вол[ости] Василий Тимофеев вел агитацию за разгром местного Совета и оскорблял последний. Дознание представлено в Чрезвычайную комиссию Старорусского Совдепа.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 33, л. 5 об. Подлинник

¹ Председателем отдела Управления по внутренним делам Старорусского Уездного Совета.

68. Из протокола совещания секретарей волостных коллективов РКП(б) Петергофского уезда Петроградской губернии о состоянии волостных партийных организаций

16 ноября 1918 г.

Доклады с мест. Коллектив коммунистов Ораниенбаумской волости находится при мызе «Дубки», существует с 5-го мая 1918 г. Район деятельности — Ораниенбаумская волость. Коллектив насчитывает 31 чел[овек].

...Состав коллектива — крестьяне... Несмотря на то, что в Ораниенбаумской волости, кроме Коммунистической, никаких других партий нет, условия для партийной работы не благоприятны, так как население в большинстве кулацкое и обывательское. Влиянием коллектив не пользуется

Коллектив Ковашевской волости... организован с мая месяца 1918 г., насчитывает 9 членов и 29 сочувствующих... Кроме Коммунистической партии иных партий в волости нет. Состав коллектива преимущественно крестьяне... Условия для партийной работы благоприятные. Состав населения — бедняки и батраки. Влияние коллектива достаточно сильное...

Коллектив коммунистов Ропшинской волости организован при Ропшинском волостном Совдепе в сентябре мес[яце]. Район деятельности — Ропшинская волость. Численность коллектива 22 члена и есть сочувствующие... Условия работы благоприятные, так как население бедняки, среднее крестьянство и фабричные рабочие...

Коллектив коммунистов Губаницкой волости организован при волостном Совдепе в сентябре 1918 г. Район деятельности — Губаницкая волость. Коллектив насчитывает 12 членов и 48 сочувствующих... Кроме Коммунистической партии, других партий в волости нет. Состав коллектива — крестьяне и рабочие... Условия работы благоприятные, так как имеются и бедняки, и рабочие, и среднее крестьянство, но вместе с тем имеются и кулаки, и обыватели. И при энергичной работе влияние коллектива, который уже сейчас имеется, может быть значительнее...

Шунгоровский коллектив существует с октября 1918 года. Район деятельности — волость,¹ коллектив представляет собою фракцию Совета и насчитывает 20 членов и 25 сочувствующих... Условия работы для коллектива не очень благоприятны, хотя других партий открыто и не существует, то благодаря тому, что население волости представляет из себя зажиточное крестьянство. Коллектив влиянием не пользуется, да и сил для распространения этого влияния он не имеет.

ЦГАИПД, ф. 1620, оп. 1, д. 7, л. 1—2, 3 об. Копия

¹ Шунгоровская волость Петергофского уезда.

69. Из протокола общего собрания членов Гдовской уездной организации РКП(б) о восстании в Юдинской волости Гдовского уезда

16 ноября 1918 г.

...Слушали: 2) Оглашение резолюции Тупицинского Союза бедноты¹ о недопустимости агитации кулаков на выборах.

Постановили: Документы препроводить в Гдовский Чревком для немедленного исполнения путем собрания материала и ареста саботажников.

Слушали: 3) Доклад вернувшихся из командировок.

а) Доклад товарища Тарасова:

Тов. Тарасов заявляет, что в его районе, состоявшим из пяти волостей, а в последнее время из 11-ти, пришлось вести сильную борьбу с кулачеством, организовывая комбеды и агитируя среди последних, результатом чего получилось бегство товар[ища] Тарасова во время восстания.² По объяснению тов. Тарасова, причиной восстания было энергичное давление на кулачество, реквизиция излишков и мобилизация. Инициатива восстания находилась в руках провокаторов — бывш. офицеров, которые организовали вооруженную банду из дезертиров. В настоящее время восстание подавлено отрядом тов. Никитина, состоявшим из коммунистов Гдовской организации и отрядом тов. Данилова из красноармейцев Советской роты и милиционеров гор. Гдова.³

Постановили: доклад принять к сведению, вменить в обязанность отрядам при реквизиции фабрикаты не распределять самостоятельно, а сдавать в хозяйственную часть той войсковой части, откуда выслан отряд.

б) Доклад тов. Никитина: Восстание не имело крупной основы: организовано кулаками и спекулянтами, возглавляемое бывшими офицерами, каковое принятыми энергичными мерами было быстро подавлено, причем были расстреляны два дезертира — сообщника вооруженной банды. По ликвидации дела мною был устроен митинг, причем все население единодушно поддерживает и приветствует Советскую власть. Отряды работали энергично, хорошо, но с нравственной стороны хромают, благодаря отдельных личностей, какие будут изъяты.

Постановили: Доклад принять к сведению.

ЦГАИПД, ф. 16, оп. 4, д. 3657, л. 6—6 об. Копия

¹ Очевидно, имеется в виду Тупицинский волостной комитет деревенской бедноты. Текст резолюции см. по документу № 59.

² Член уездной организации РКП(б), комиссар 4-го района Гдовского уезда Тарасов был командирован в ноябре 1918 г. для ведения агитации и организации комитетов бедноты в Юдинскую волость Гдовского уезда.

³ Здесь и далее приводятся подробности подавления восстания в Юдинской волости в начале ноября 1918 г.

70. Из доклада политико-просветительного отдела Николаевщинского волостного военного комиссариата Новоладожскому уездному военному комиссариату об организации партячеек в волости

20 ноября 1918 г.

По формировании отдела было приступлено к... образованию коллективов (РКП) по сельским обществам, для какой-либо цели коллегией был командирован заведующий отделом тов. Аксенов, которому поручено было объехать 7 сельских обществ для вышеупомянутой цели. На первом же собрании в Часовенском сельском обществе граждане, несмотря на разъяснения тов. Аксенова о стремлениях партии, не записались в списки сочувствующих большевикам коммунистам, мотивируя отказ полным непониманием всего им объясняемого и незнанием программы партии, и выразили желание получить побольше литературы, дабы ближе ознакомиться со всеми начинаниями партии на пользу трудового народа... Таким образом, пришлось временно, до подготовки населения, приостановить запись сочувствующих и заняться ознакомлением населения с программой партии и другими ее начинаниями.

Никаких противосоветских выступлений не было, и в политическом отношении волость благонадежна.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 55—55 об. Подлинник

71. Из «Сведений» о положении в Новгородской губернии с 1 по 15 ноября 1918 г., составленных информационно-инструкторским подотделом отдела управления по внутренним делам Новгородского Губернского Совета

29 ноября 1918 г.

Подотдел сообщает, что по имеющимся у него сведениям, за истекший отчетный период никаких контрреволюционных выступлений и особых беспорядков в губернии не было, за исключением Котлованской и Березорядской волостей Бологовского уезда, где произошло волнение из-за реквизиции теплых вещей. Вообще же положение власти устойчивое и население относится к ней сочувственно, хотя в некоторых местах и наблюдались попытки отдельных лиц, по преимуществу кулаков, агитировать против Советов.

Продовольственный вопрос почти везде слишком обострен, так что, например, в Бологовском уезде, как сообщают оттуда, можно даже ожидать голодных бунтов. По сообщению Великопорожского комитета бедноты Боровичского уезда, он слагает с себя ответственность за последствия, могущие быть ввиду категорического заявле-

ния гр[ажд]а и д[еревни] Великий Порог об удовлетворении их хлебом в первую очередь.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 82. Подлинник

72. Из «Сведений» о положении на местах с 15-го октября по 1-е ноября 1918 г., составленных информационно-инструкторским подотделом отдела управления по внутренним делам Новгородского губернского Совета

Ноябрь 1918 г.

По имеющимся в подотделе сведениям, особых контрреволюционных выступлений за истекший отчетный период в губернии не было, за исключением Лажинской волости Крестецкого уезда, где при мобилизации лошадей был избит военный руководитель — тов. Наумов, причем произведен арест 101 человека, из коих четыре (4) были расстреляны по постановлению Новгородского Чрезвычайного Полевого Штаба, и Степанковской волости Боровичского уезда, где был арестован один человек за покушение на члена Совета.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 179, л. 85. Подлинник

73. Из доклада в Иногородний отдел Союза коммун Северной области агитаторов В. Орлова и А. Южюка о поездке в Боровичский уезд Новгородской губернии

Ноябрь 1918 г.¹

Согласно распоряжения Боровичского уезд[ного] комиссариата по военным делам были назначены объезжать волостн[ые] Совдепы и комитеты бедноты вместе ввиду того, что возможно будет столкнуться с кулачеством ввиду враждебного настроения против Советской власти по случаю реквизиции хлеба.

В Устрекском волостном Совдепе 26/XI были столкновения граждан означенной волости с Советом, ввиду реквизиции хлеба. Два дня собиралась вся волость к Совету и хотела разогнать Совет и выбросить из окон и утопить в реке членов Совета, и были по адресу председателя нанесены оскорбления, что и заставило председателя вызвать из Совдепа Николомошенской волости вооруженных коммунистов в составе 10 человек для подавления контрреволюционного восстания, но по приезде нашем просили нас принять участие в оказании содействия Совдепу против восставшего кулачества, что нами и было сделано немедленно. Собрание фракции коммунистов, обсудив доклад председателя тов. Овчинникова о случившемся

положении, предложило приступить к немедленным обыскам и арестам намеченных им лиц, что нами и было исполнено.

В. Орлов, А. Южук.

ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 41—41 об. Подлинник

¹ Агитаторы В. Орлов и А. Южук были командированы в Боровичский уезд Новгородской губернии «для проведения в жизнь резолюции VI Всерос[сийского] съезда Советов об организации комитетов бедноты и Совдепов на местах» с 18 ноября по 29 ноября 1918 г. (ЦГАИПД, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 41).

74. Из доклада агитатора Ткачева в Иногородний отдел Комиссариата ВД СКСО о поездке в Лисинскую волость Петергофского уезда

2 декабря 1918 г.

На съезд¹ опоздал и попал к самому концу. Сделал доклад по текущему моменту — после чего шумные дебаты. По волости никакой агитации. Крестьяне не знают о комитетах бедноты и не хотят их. Волостной исполком не может даже разбирать присылаемые инструкции. Организация коммунистов не на высоте своего призвания, среди членов есть прямые враги Советской власти. Резолюция мною проведена исключительно из желания наверное узнать настроение массы и выражением мнения данной волости служить не может.² Съезд был чисто кулацким, пахнет левоэсеровщиной. Причина недовольства Советской властью — запрещение свободной торговли.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 111, л. 47—47 об. Подлинник

¹ Имеется в виду Лисинский волостной съезд крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов, закончившийся 1 декабря 1918 г.

² Ниже приводится текст этой резолюции:

«Выражая полное доверие нашей Советской власти, заявляем, [что] несмотря на тяжелое положение, мы сумеем отстоять наше Рабоче-крестьянское правительство. Потому что Советская власть — это мы, труженники города и деревни, сбросившие иго кровопийц и призывающие другие страны сделать то же самое.

Да здравствует власть Советов.

Да здравствует Красная Армия.

Да здравствуют коммунар-ы-большевики.

Да здравствует мировая революция» (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 111, л. 48).

75. Из письма отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО о положении в Тихвинском уезде Череповецкой губернии с 15 по 30 ноября 1918 г.

3 декабря 1918 г.

...Уезд был богат происшествиями и выступлениями: на почве недостатка хлеба кулаки подстрекатели возбуждали граждан к сме-

щению волостных Советов или перевыбору их. Это явление имело место в Большегорской и Усадьевской волостях, но благодаря своевременному сообщению в волости были посланы работники коммунисты с охранниками, и дело без проявления реальной силы было ликвидировано.

В Новинской волости было выступление отдельных деревень с требованием дележа денег трудовой артели, но инцидент был улажен командированными от отд[ела] управления агентами. Вообще население уезда настроено тревожно, и везде стоит вопрос о выборе новых составов Советов, причина тому — бесхлебица, а в Саньковской волости частью питаются мхом.

Из волостных Советов получены сообщения о том, что дни празднования торжества Октябрьской революции происходили торжественно при массе собравшихся граждан и учеников, при всех Советах происходили манифестации в присутствии командированных от уездного исполкома членов коммунистов и празднование это в большинстве случаев отмечено устройством разного рода увеселений, лекций и митингов.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 61, л. 19—19 об. Подлинник

76. Из письма агитатора Н. И. Уллюнена в Иногородний отдел Комиссариата ВД СКСО о работе Глебовской волости Лужского уезда

3 декабря 1918 г.

Считаю нужным отметить некоторые факты, как то: до сих пор на общее собрание комитета бедноты созывались и кулаки, и нередко кулаки выбирались в комитеты бедноты. Причина этого, как и выяснил, заключается в следующем: до сих пор председатель комитета деревенской бедноты никакой платы не получал за свой труд, а работать иногда приходилось целый день — распределение товара, продуктов и пр. Потому бедняк, который ходит на заработок, не согласен быть избранным, у него нет времени заниматься вести дело [в] комитете, он должен себе доставать пропитание.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 117, л. 4. Подлинник

77. Из телеграммы Череповецкого губернского военного комиссара Королева Совету комиссаров СКСО о крестьянских волнениях в Череповецком уезде

7 декабря 1918 г.

Череповецкий уезд. [В] шести волостях были волнения [в] связи [с] мобилизацией. Волнения ликвидированы. [В] Подпорожской волости Белозерского уезда конфликт с мобилизованными улажен.

Тихвинский, Устюженский, Кирилловский уезды — настроение населения спокойное.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 35, л. 33. Подлинник

78. Из доклада агитатора Козлова в Иногородний отдел Комиссариата ВД СКСО о работе в Гдовском уезде Петроградской губернии

8 декабря 1918 г.

Прибыв в Гдов 18-го октября с. г. в количестве 7 человек, мы распределили волости между собой, мне достались волости: Доложская, Старопольская и Ложголовская. Среди крестьян наступил огромный перелом благодаря тому, что международное положение изменилось. Когда узнали, что Брестский мир не существует, Псков и Нарва взяты, то дух у крестьянина поднялся. Когда я устраивал собрания и призыв[ал] расслонить деревню на два лагеря, то бедняки были со мной согласны. Они указывали, что у них не были агитаторы, которые могли бы разьяснить кривобокое понятие о Советской власти, и в деревню не попадают газеты. Вдобавок у них есть люди, которые для своих целей распространяют всевозможные слухи, приведу пример: отправились в деревню Старопольской волости, [увидели, что] крестьяне из этой деревни были в лесу, через некоторое время прибегают и спрашивают: «Где отряд красноармейцев?» — Когда я спросил: «Какой?», то они сказали: «Проезжал человек верхом на лошади, который сказал, что в ихнюю деревню приехали красноармейцы и грабят», но в деревне кроме меня и члена волостного исполкома, никого не было. Кроме того, ни на одном волостном Совете не было революционной вывески, красного флага, вдобавок и в школах и в волостном Совете висит икона Александра Невского. В этих волостях существовали комитеты бедноты не везде, а если были, то в большинстве случаев несоответствующие своему назначению. В настоящее время Советы деревенской бедноты образованы в Ложгаловской, Старопольской и Доложской волостях везде, за исключением кулацких деревень или тех, которые находятся под влиянием кулаков...

Старые волостные Советы работали плохо, в Старопольской волости председателем был старшина.¹ Во всех трех волостях я сделал перевыборы.

В образцовые полки² большинство деревень послали, но часть деревень, как я указывал выше, которые находятся под влиянием кулаков, то от них не посланы.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 117, л. 7—7 об. Подлинник

¹ Старшина — должность в системе местного сельского управления в дореволюционной России.

² Образцовые полки деревенской бедноты — военизированные отряды, создававшиеся для помощи КДБ.

79. Из «Ведомости о происшествиях по городу Старой Руссе и уезду за первую половину декабря месяца 1918 г.»

Декабрь 1918 г.

Гр[ажданином] Подзорской вол[ости] дер[евни] Хлебоедово Михаилом Финогоновым нанесены комитету бедноты при исполнении служебных обязанностей словесные оскорбления.

Гр[ажданином] Поддорской вол[ости] дер[евни] Бабиново Василием Ивановым нанесены словесные оскорбления комитету бедноты при исполнении служебных обязанностей.

Гр[ажданином] Нивской вол[ости] дер[евни] Трошково Иваном Филипповым нанесены словесные оскорбления Председателю комитета бедноты при исполнении служебных обязанностей.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 3, д. 17, л. 79. Подлинник

80. Письмо отдела управления Повенецкого уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО о событиях в Кимас-Озере

16 декабря 1918 г.

Ругозерский волостной Совдеп отношением от 17 ноября с. г. ...сообщил отделу управления следующее: член исполнительного волостного комитета Евсеев, командированный в Кимас-Озерское общество по служебным делам, вернувшись обратно, сообщил, что население Кимас-Озерского общества признало владычество Англии и там из состава Карельского добровольческого отряда, состоящего под верховным командованием Англии, выделена охрана, которая всех явившихся туда не местных отправляет в распоряжение штаба отряда, находящегося в дер[евне] Юшкозере Кемского уезда.

ЦГА СПб., ф. 143, оп. 8, д. 38, л. 1. Подлинник

81. Из «Приговора граждан общества села Сухая Нива Семеновской волости Демянского уезда Новгородской губернии» в Совет Комиссаров СКСО о положении крестьян волости

19 декабря 1918 г.

Мы, нижеподписавшиеся граждане общества села Сухая Нива, в числе 92-х домохозяев..., просим выслушать нижеследующее: мы, граждане, обложены взносом непосильной нам контрибуции в сумме 32.000 рублей... Волостной председатель Совета, несмотря на все вышесказанные нужды крестьян, не обращает ни малейшего внимания на это, а кто скажет ему, что нам негде взять

денег для уплаты налогов, то таковых арестовывает и отправляет в уездный Совет, и сажают его в тюрьму, обкладывают его непосильной суммой налога. Который томится, томится и, не желая помереть с голоду на их ничтожном пайке, и решается продать из хозяйства и вносить наложенный на него налог, и тогда только освобождают его из заключения. Да еще председатель Совета делает так: если стал объяснять ему кто-нибудь о чем-либо нужном, то он не даст и выговорить слова, прямо кричит с ругательством, что я вам не верю, а обдеру вас всех как белок. Затем 16 декабря с. г. у нас в волостном Совете было собрание для выбора представителей из волости в уездный съезд для переизбрания такового. На собрание почему-то нам предложения не последовало, но мы знали, что собрание должно быть. Почему и решили идти так, без приглашения, предложение же [присутствовать] получили лишь тогда, когда явились на вышесказанное собрание. Придя на собрание, мы увидели, что у нашего председателя почему-то истребованы чины Красной Армии в числе 10 человек с оружием и пулеметом, что нас удивило. Чины же эти приглашены с ближайших станций Любницы и Лычково. Мы у них спросили, почему и зачем вы приехали, они нам ответили так, что нас потребовал ваш волостной председатель. После этого мы обратились в волостной Совет и просили выйти председателя объяснить нам, относительно чего состоит[ся] данное собрание. То [к] нам вышел и объяснил член из Совета, что собрание состоит[ся] из-за того, что нужно выбрать представителей из волости в числе 12 человек для переизбрания уездного Совета. Тогда народ всей волости вскричал, что нужно прежде переизбрать весь состав волостного Совета, т. к. ему уже истек срок и подлежит вновь переизбранию, а прежде всего нужно переизбрать председателя. И его народ просил, чтобы он немедленно оставил свой пост. Председатель же, выйдя в коридор помещения, занимаемого Советом, с револьвером в руке, и закричал народу таким тоном, что умру я, но не сойду с занимаемой мной должности. Тогда народ еще сильнее закричал: «Долой председателя», он в это время почему-то из коридора начал стрелять в публику, и еще с ним открыл огонь из ружья один из чинов Красной Армии, стоящий с ним вместе, оба они сделали 12 выстрелов, так приблизительно, но жертв не было. Собравшиеся же люди, несмотря на выстрелы, стояли спокойно, но некоторые побегли прочь. Также и остальные чины Красной Армии против народа не сделали ни малейшего движения, тоже вели себя спокойно и аккуратно. После этого все люди разошлись по домам. Теперь же председатель Совета ездит по обществам волости и арестовывает по несколько человек из каждой деревни, не зная за что, и отправляет таковых в Демянский уездный Совет для заключения таковых в тюрьму. Прежде же у этого же председателя тоже было разослано предпи-

сание по обществам волости такого содержания что все среднее крестьянство лишается права решающего голоса... У нас подлинное его предписание об этом вручено для разбора дела в Демянский уездный по воинской повинности комиссариат, но и оттуда никакого нам результата почему-то не последовало. А потому ввиду всего вышеизложенного и осмеливаемся просить об освобождении наложенной на общество непосильной контрибуции и разбора дела о председателе волостного Совета, о издании им таких предписаний, лишаящих все среднее крестьянство права решающего голоса и об освобождении его за его грубое обращение с гражданином с занимаемой должности. Так как таковой много наводит волнений в людях, что может повредить нашей Российской Федеративной Республике, чего граждане не желают.¹

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 354, л. 9—11. Подлинник

¹ В «Удостоверении» Демянского уездного Комитета РКП(б) по поводу этого «приговора» утверждается, что «указанные в сношении общества Сухой Нивы обвинения в большей степени есть продукт кулацких вожделений. О событиях в Семеновской волости на съезде комитет был оповещен, и усматривает поведение участников съезда, враждебно настроенных против политики вообще Советов контрреволюционным и призыв красноармейцев является полнейшей необходимостью». (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 354, л. 11).

82. Из доклада агитатора Н. Отрожденнова Петергофскому уездному комитету РКП(б) о состоянии Комитетов деревенской бедноты. Петроградская губерния

19 декабря 1918 г.

Деревенские комбеды, очевидно, находятся в первобытной стадии развития. Так, при мне было собрание комбеда деревни Карла Маркса (кажется, бывш. Красная Подстава); был собран весь сход деревни. Когда я просил председателя комбеда, чтобы он наиболее богатых просил выйти, председатель комбеда ответил: «У нас нет кулаков, мы не признаем кулаков, мы все здесь средние крестьяне!». Правда, он обратился к собранию, со словом, что «здесь, мол, собралась лишь беднота, а потому все, кто не бедняки, должны уйти», но из крестьян никто не шевельнулся. Так, вероятно, дело обстоит и во многих-многих шу[н]горовских комбедах. Председатели обществ, по видимому, отождествляются с представителями комдербедов (при мне этот «коалиционный» исполком¹ рассылал повестки на волостной съезд комбедов с адресом: «Председателю такого-то общества»; повестка же была вполне легальна!). Таким образом, «на местах» происходит путаница, отождествление и смешение стар[ых] и нов[ых] [органов] власти, часто просто перемена вывески. Вряд ли где кулаки или богатые ставятся вне прав гражданства, особенно

активного избирательного права. Но права быть выбранным, кажется, они все более начинают терять: это постольку, поскольку сыграла агитационную роль вывеска: комитет бедноты.²

Н. Отрожденнов.

ЦГАИПД, ф. 1620, оп. 1, д. 46, л. 5 об., 6. Подлинник

¹ Имеется в виду исполнительный орган власти Шунгоровской волости, временно составленный в конце 1918 г. из представителей Волостного комитета бедноты и Исполнительного комитета Волостного Совета.

² Подчеркнуто агитатором.

83. Из доклада агитатора М. Яковлева Тихвинскому уездному комитету РКП(б) о взимании временного чрезвычайного налога. Череповецкая губерния

Декабрь 1918 г.

Когда приехал в Куневическую волость, то вижу, что против временного налога там как раз было собрание сельского Совета. В [деревнях] Новинки, Токарево, Гуренича, с[еле] Озер, Важан накануне они вынесли постановление не платить временного налога, но когда я обрисовал, то они с радостью согласились заплатить, со спекулянтов, кулаков и буржуев взыскать.

21-го Декабря выезжаю в Саньковскую волость. Там устроил собрание восьми деревень, обрисовал положение государственного масштаба о временном налоге, согласились взыскать с буржуев и кулаков.

24 декабря прибыл в исполнительный комитет Новинского вол[остного] Совета. Там оказался полный хаос по сбору временного налога, обложены были все без исключения, пришлось пересмотреть и переложить все на спекулянтов и кулаков, которых оказалось излишек. Исполнительный комитет думал, что беднота скорее заплатит, но пришлось приостановить, чтобы в казначейство беднота налог не вносила.

М. Яковлев

ЦГАИПД, ф. 0—851, оп. 1, д. 6, л. 9. Подлинник

84. Из доклада Шлиссельбургского уездного военного комиссара о положении в Шлиссельбургском уезде

25 декабря 1918 г.

Кулацкое восстание в связи с наложением чрезвычайного революционного налога в Лезвинской волости ликвидировано. После посылки председателя Чрезвкома¹ с отрядом в 12 человек

пришлось послать отряд сильнее. 13 декабря был выслан сводный отряд из моряков и красноармейцев во главе с военкомом Леонтьевым числом в 71 человек... Произведено следствие над лицами, непосредственно принимавшими участие в избиении коммунистов и перевыборах местного Совдепа. По постановлению Чрезвычайной комиссии, трое расстреляно там же, шесть человек арестовано и заключено в Шлиссельбургскую тюрьму. Один из видных участников восстания бежал... Весьма неудовлетворительно положение в северной кулацкой части уезда с преобладающим финским составом. Замечается контакт между белогвардейской Финляндией и нашими финнами, выразившийся пока в распространении белогвардейской финской литературы. Кроме того, при проведении всеобща обнаруживается следующее весьма неприятное положение. Финны, с незапамятных времен живущие в уезде и до сих пор считавшиеся, конечно, русскими гражданами, массами «самоопределяются» и заручаются всякого рода охранительными документами на предмет освобождения от тягот по защите Советской республики от империализма... Среди финнов проскальзывают весьма недвусмысленные симпатии их зарубежной соседке, указывается на якобы несправедливое отношение к ним со стороны Советской власти, причем о самой власти говорится как о чем-то временном, не носящем серьезного характера.

ЦГА СПб., ф. 5432, оп. 12, д. 1, л. 66—66 об., 67 об. Подлинник

¹ Чрезвычайная комиссия.

85. Из письма Отдела Управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета Новгородской губернии в Комиссариат ВД СКСО о крестьянских восстаниях в Кирилловском уезде

25 декабря 1918 г.

1) 2 и 3 декабря сего года в Казанской волости произошло восстание. Восстание было подготовлено кулацкими элементами в связи с обложением, произведенным местным Совдепом. Вся суть дела произошла при следующих обстоятельствах: кулаки Казанской волости через темных личностей пустили по волости слухи, что Совет их обкладывает, а впоследствии возьмут и последнюю корову. Вскоре после распространения подобных слухов местным исполкомом было назначено собрание представителей от сельских обществ. Но местные кулаки означенной волости Тордонского прихода, чтобы более подорвать Советскую власть, распустили слухи, что члены местных исполкомов разделили деньги по своим карманам, а чтобы собрать толпу народа больше, были посланы повестки, что[бы] на имеющем быть собрании явились все граждане. По полученным

повесткам граждане явились на собрание. Получилась большая толпа народа, и вот эта толпа, руководимая провокаторской агитацией, пущенной в несознательную массу местным кулачеством, учинила беспорядки, выразившиеся в разгроме волостного военного комиссариата, избииении военного руководителя Исаева. На место происшествия был командирован карательный отряд из города Вологды. Восстание подавлено. Зачинщики восстания... расстреляны, остальные виновные преданы суду.

2) 8 декабря 1918 года в Вогненской волости Кирилловского уезда произошло контрреволюционное выступление кулацкого элемента волости. Дело произошло при следующих обстоятельствах: 8 декабря утром граждане явились в исполком по каким-то неизвестно кем написанным повесткам с надписью в конце «Волостная организация». Во время собрания толпой разоружено 9 человек милиции и волостной военный комиссариат и был занят телефон. При решении контрреволюционных вопросов, как например, не ходить в солдаты, не давать лошадей и т. п., произошел незаконный выбор нового состава исполкома... После собрания решено явиться на другой день вооруженными, кто чем мог. Взятые оружие было разнесено по домам. На место происшествия был командирован карательный отряд. Восстание подавлено. Зачинщики арестованы и преданы суду, а двое из них расстреляны. В остальных волостях все спокойно, никаких контрреволюционных выступлений нет.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 22—22 об. Подлинник

86. Из телеграммы Штаба 7-й армии в Иногородний отдел Комиссариата ВД КСГО о крестьянском восстании в Боровичском уезде Новгородской губернии

27 декабря 1918 г.

В Боровичском уезде [в] связи с налогами волнение одной волости. Разогнан Совет. Выбран старшина и урядник.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 32, л. 5. Подлинник

87. Из доклада агитатора П. Прокофьева Петергофскому уездному комитету РКП(б) о настроениях крестьян в Витинской волости Петергофского уезда

30 декабря 1918 г.

Будучи командирован Петергофской уездной партией коммунистов в Витинскую волость на митинг, в качестве агитатора, на 29 декабря, я считаю своим долгом дать самый подробный доклад как о самом митинге и о настроении граждан данной волости...¹

Как во время самих речей, так и вопросов с мест слушатели относились к пояснению с самым серьезным вниманием — видно

было, что все это их настолько интересовало, что они стараются не проронить ни одного слова. Причем вызвать слушателей на вопросы с мест было гораздо труднее, чем это предполагалось. Тов. Попов² и мне во что бы то ни стало хотелось вызвать на эту беседу, так как мы никогда не могли себе представить, что крестьянство согласно со всем нашим докладом и разделит наши взгляды. И на третий наш вопрос, почему именно крестьянство не хочет высказать свой взгляд на положение вещей в то время, когда мы их призываем самих к строительству народной жизни. Беднота, присутствующая здесь, заявила, что все мероприятия Народного Правительства как нельзя лучше отвечают их желанию. Вот тут-то как из рога изобилия посыпались вопросы со стороны кулацкого элемента. Почему, мол, военный комиссариат предписывает под страхом арестов представить подводы и т. д. Почему наложен в таких крупных размерах чрезвычайный налог и т. д., на все эти вопросы тов. Поповым и мною были даны самые обстоятельные ответы, кому страшны аресты и налоги. Причем вся присутствующая беднота на собрании самостоятельно стала разоблачать все спекулятивные и мародерские поступки присутствующих и запрашивающих кулаков...

Митинг окончился в 7-м часу вечера, что речи докладчиков произвели должное впечатление, можно судить потому, что уже при отъезде моем я видел кучки людей оживленно споривших между собою, как у самого здания, где проходил митинг [так] и по деревне.

Член Бубаницкого коллектива П. И. Прокофьев

ЦГАИПД, ф. 1620, оп. 1, д. 46, л. 12—12 об. Подлинник

¹ О митинге в Витинской волости Петергофского уезда 29 декабря 1918 г. см. также документ № 99.

² Агитатор В. Попов, командированный вместе с П. Прокофьевым Петергофским уездным комитетом РКП(б) вместе на митинг 29 декабря 1918 г.

88. Из доклада следователей-инструкторов Комиссариата ВД СКСО У. И. Пюккенена и К. Ф. Савина Комиссару ВД СКСО С. И. Равич о настроениях крестьян Холмского уезда Псковской губернии¹

31 декабря 1918 г.

Дольше всего мы задержались в Темноборской волости, где, кстати, разобрались с жалобами, поданными в комиссариат от граждан этой волости. Лишь только граждане узнали, что мы прибыли из Питера, к нам как из рога изобилия посыпались жалобы на местный исполком и вообще на порядки, царствующие в волости и в уезде. Нам говорили о штрафах, наложенных исполкомом на бедняков, каковым пришлось продавать чуть ли не последнюю скотину, чтобы уплатить штраф; о взятках, взимаемых членами Исполкома

не только деньгами, а мясом, мукой и прочим; об арендной плате, каковая взималась с помощью комбедов (хутор Таракановка) местным кулаком..., о том, что многие граждане остались без дров, благодаря запрету председателя уездного земельного отдела... брать деревья в лесу на дрова; о том, что полиция занимает видные места в исполкомах, а учителя из-за личных счетов сидят в тюрьме в то время, когда исполком заявляет о недостатке технических работников, и еще много других [жалоб], о чем равнодушно думать нельзя. По проверке все эти жалобщики, каковым мы вначале мало верили, [оказались] не кулаки, а беднейшие и средние крестьяне, не имеющие или совсем ничего, или от одной до 3 коров при 3—7 душах семейства.

Наученные горьким опытом арестов агитаторов Васильева, Ветошкина² и следователя Глебова,³ опасаясь, что нас примут за покровителей кулаков-мироедов и убедясь, что дело обстоит действительно так, как нам заявляли, а может быть еще хуже, мы решили никаких заявлений не принимать, ибо, во первых, нам не справиться было бы с этой колоссальной работой с одной стороны, да и это было бы лишь полумерой, так как в остальных волостях положение не лучше, а потому мы, разобрав заявления граждан, поданных в наш комиссариат, сняли с них штрафы, ввиду полной их невиновности...

В то время, когда мы начали производить ревизию, нашу квартиру (гостиницу) стали в положительном смысле этого слова осажать просители от крестьян даже дальних селений и граждан города. Приходили жены, матери, отцы и даже целые делегации просить об освобождении посаженных в тюрьму... Мы решили обследовать тюрьму, что послужило результатом к тому, что Чрезвычайная комиссия города Холма совместно с нами освободила 12 крестьян бедняков из 26 заключенных, принимавших пассивное участие в восстании в Канищевской волости, каковое возникло на почве недовольства и озлобления против членов Искома, каковые брали взятки и своим грубым отношением к гражданам восстановили против себя, что видно из акта следователя Холмского Чрезвычайкома Смирнова и заявления арестованных.

У. И. Пюккенен

К. Ф. Савин

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 458, л. 3—3 об., 4 об. Подлинник

¹ Следователи У. И. Пюккенен и К. Ф. Савин были направлены в Холмский уезд Псковской губернии в конце 1918 г. для ревизии уездного и волостных Советов и разбора жалоб граждан волостей.

² Прибывшие из Петрограда осенью 1918 г. агитаторы-коммунисты П. Ветошкин и И. Васильев были арестованы Холмской уездной ЧК на основании постановления уездного комитета РКП(б) по ложному доносу о контрреволюционной пропаганде и защите кулаков. Имеющиеся в следственном деле материалы о П. Ветошкине

и И. Васильеве заставляют предположить, что их арест был связан с критикой порядков в уезде (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 177).

³ Мотивы ареста П. Глебова не ясны. Известно, что П. Глебов по поручению Комиссариата ВД СКСО расследовал действия П. Ветошкина и И. Васильева и не нашел в них контрреволюционного умысла. В связи с этим Холмский уездный комитет РКП(б) направил в Комиссариат телеграмму, в которой утверждал, что П. Глебов, будучи земляком обоих агитаторов, «заинтересован в деле» (ЦГА СПб., ф. 142, оп. 2, д. 177, л. 9 об., 16).

89. Из «Перечня дел о происшествиях за время с 15 по 31 декабря 1918 года по гор. Тихвину и уезду»

Январь 1919 г.

Контрреволюционное выступление было в Кузьминской волости, был послан карательный отряд из 10-ти человек, и дело было улажено в 2 дня; виновник восстания арестован.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 3, д. 17, л. 84 об. Подлинник

90. Из доклада заведующего агитационно-политическим отделом Песоцкого волостного военного комиссариата Новолодожскому уездному военному комиссариату об отношении крестьян к чрезвычайному революционному налогу

Декабрь 1918 г.

Особенно работы... много теперь, когда население крайне возбуждено проведением в жизнь чрезвычайного революционного налога. Члены как отдела, так и комиссариата, объясняют населению значение налога и успокаивают население тем, что налог будет взят только с богатеев, кулаков, спекулянтов и только небольшая часть его должна пасть на среднее крестьянство. Но тому часто не верят, и много приходится тратить сил, энергии и хладнокровия, чтобы убедить их.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 49. Подлинник

91. Из доклада заведующего политико-просветительным отделом Тигодского волостного военного комиссариата заведующему агитпропотделом Новолодожского уездного военного комиссариата о призыве на военную службу

Декабрь 1918 г.

8 декабря я и волостной комиссар ездили в дер. Деделево и Кочково для улаживания конфликта с некоторыми гражданами, уклоняющимися от военной службы, но так как означенные граждане очень темные, то привести в сознание не пришлось.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 39. Подлинник

92. Из отчета Шумского волостного военного комиссариата об отношении крестьян волости к военной мобилизации. Новоладожский уезд

Декабрь 1918 г.

В политическом положении волость [такова, что] не приходится говорить, чтобы она стояла на высоте своего положения ввиду тяжелого положения продовольствия. Приходится убеждать гр[ажда]н, что это не зависит от рабоче-крестьянского правительства, которое всегда разделяет взгляды рабочих и беднейшего крестьянства, которое всегда готово пойти навстречу бедняку, но ввиду создавшегося тяжелого положения приходится переживать таковой кризис... Есть гр[ажда]не, которые сознательно-добровольно идут сражаться за идеи социализма, но нельзя сказать, чтобы это большинство, есть гр[ажда]не, которые еще не могут себе усвоить, что такое учение социализма и к чему оно ведет, а некоторые слишком привязаны к своему очагу, который они ставят выше всего, и таковых, конечно, большинство; но когда объявляется мобилизация по волости, то безусловно идут все подлежащие таковой без всяких оговорок.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 101. Подлинник

93. Из дневника дежурных по Гавсарскому волостному военному комиссариату о военной мобилизации крестьян. Новоладожский уезд

Декабрь 1918 г.

2 декабря... Разосланы вторично распоряжения в советы дер[евенской] бедноты¹ о назначении людей в советские полки в возрасте от 21-го до 30 лет. Старше и младше этих лет могут идти только добровольцы. В некоторых Советах выполнение приказа шло с тормозом. Назначали людей насильно и старше указанного возраста, что и мешало своевременному выполнению. Большинство нажимают на учетников, которые скрывались в старую войну. Просят товарищей послужить новому правительству, но они упорствуют, указывая якобы они ничего не знают и не понимают, говорят: мы неученые.

5 декабря... Отдано распоряжение и последнее предупреждение Черноушевскому совету дер[евенской] бедноты о назначении в советские полки, о прекращении саботажа советом бедноты, чтобы впредь выполнял все предписания в точности, иначе совет будет предан суду.

29 декабря... Были случаи с дезертирами... Председатель Выставского Совета Иван Трубицин не признает их за таковых... Даже на сельском сходе с некоторыми гражданами обругали меня всякими неподобными словами, говорят, что ты не смей их отправлять. Я заявил, что нужно отправить, то председатель Иван Трубицин гово-

рит, что я твоих приказаний не исполняю и исполнять не буду, и мне больше никаких бумаг не присылай, ты сам дезертир.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 106. Подлинник

¹ В ноябре 1918 г. было объявлено о роспуске комитетов деревенской бедноты и их преобразовании в Советы.

94. Из доклада Тигодского волостного военного комиссариата Новолодожскому уездному военному комиссариату об отношении крестьян к Советской власти

Декабрь 1918 г.

Отношение крестьян хотя и медленно, но все же таки меняется в пользу нынешней власти, за исключением крестьян-стариков, между коих существует недоверие в лучшее, и вспоминают старое, конечно, главная вина их недоверия — это продовольственный вопрос, так как волость сильно голодает.

ЦГА СПб., ф. 6689, оп. 6, д. 2, л. 108. Подлинник

95. Из «Сведений о восстаниях на почве мобилизации, реквизиции и проч. по Новгородской губернии», составленных информационно-инструкторским подотделом отдела управления по внутренним делам Новгородского Губернского Совета

Декабрь 1918 г.

Новгородский уезд.

Восстаний, в собственном смысле, в уезде не было, а лишь в начале ноября, в Подберезской волости, произошли беспорядки при мобилизации лошадей, причем были избиты председатель волостного Совета и Подберезский волостной военный комиссар.

Старорусский уезд.

Восстаний по уезду из-за мобилизации и реквизиции не было, что же касается контрибуции, то таковые были, в Коломской волости, на собрании 1-го декабря, о чем и производится дознание чрезвычайной комиссией.

Крестецкий уезд.

1-го октября было восстание в Ладожской волости на почве мобилизации лошадей, но с 1-го октября до настоящего времени никаких восстаний в пределах уезда не было.

Маловишерский уезд.

Восстаний не было...

Валдайский уезд.

Восстания были на почве реквизиции хлеба: 15 июля с. г. в г. Валдае, 28 августа в Боровенской волости...

Боровичский уезд.

За время с 1 сентября по 1 декабря было зарегистрировано восстание в Устрекской волости на почве реквизиции хлеба.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 95—95 об. Подлинник

96. Из «Сведений» о положении на местах с 15-го ноября по 1-е декабря 1918 г., составленных информационно-инструкторским подотделом Отдела управления по внутренним делам Новгородского губернского Совета

Декабрь 1918 г.

Общее положение на местах спокойное, никаких явных контрреволюционных выступлений и беспорядков не было. Отношение к Советам сочувственное, к комитетам же бедноты, в связи с учетом хлеба и реквизицией излишков, проявляется открытое недовольство, особенно со стороны зажиточных слоев населения, как, например, было в Должнинской волости Демянского уезда, где при реквизиции теплых вещей произошло волнение, после которого Должнинский комитет бедноты заявил, что если не будет оказана ему поддержка Центром и уездным Совдепом, то он сложит свои полномочия. Недовольно во многих местах население и единовременным налогом, некоторые прямо заявляют свое нежелание платить налог, объясняя себя несостоятельными... Население сознательно относится к задачам момента и, идя навстречу желаниям центральной власти, повсюду поставляет послать своих представителей в ряды полков.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 129, л. 91. Подлинник

97. Из доклада агитатора И. Соколова в Иногородний отдел Комиссариата ВД СКСО и агитационно-просветительный отдел Комиссариата по военным делам Петроградского Округа о работе в Гдовском уезде Петроградской губернии

Декабрь 1918 г.

Работая в Гоголевской волости с 23-го по 25-е ноября и с 29-го ноября по 1-е декабря, мне во многом пришлось столкнуться с трудностями. Комитеты деревенской бедноты были в большинстве из кулаков, членами такового [комитета] состояли не выборные, как представители бедняков, а все сколько есть в деревне жителей. В волостной Совет входили по 10 и 15 и даже по 20 человек от каждой деревни, в большинстве кулаки. На каждое заседание собира-

лось большое количество людей, а потому говорить о продуктивной работе Совета и речи быть не может. Исполнительный комитет вышеназванного Совета также состоял из кулаков, а потому бедняки сидели без хлеба. Реквизиции хлеба не было, а таковая необходима, потому, что есть излишки. Мобилизация 96 и 97 года¹ проходила очень плохо, в то время Совет был разогнан, на место такового выбрали старшину. Там же [в Совете], при складе, находилось 80 с лишним винтовок, которые были разобраны на случай прихода красноармейцев. В вышеназванной волости и до сего времени существует приток дезертиров, которые скрываются от службы. Коллектив сочувствующих [и] коммунистов очень даже слаб.

Узнав настроение масс, я устроил несколько митингов, на одном из таковых резолюция, мною предложенная, была принята немногими, в которой говорилось, что необходимо послать по два человека в образцовые полки от каждого комитета деревенской бедноты. Что же касается охотников в таковые полки, то нашлось людей мало. Это объясняется тем, что по всей волости 1% только бедняков, что же касается кулаков, то они не пошли, заявляя определенно, что лучше в Белую Гвардию. Реорганизация Советов прошла немного лучше. В каждой деревне создан Совет Крестьянской бедноты... В Алексеевской же волости дело обстояло немного лучше. Как в Гоголевской, кулаков меньше, а которые и есть, то против них ведут борьбу карательные отряды, которые туда случайно были вызваны. Исполнительный комитет Совета также коммунистов не имеет, но люди поставлены менее зажиточные, а потому придерживаются стороны бедняков. Делавши митинги и предлагая резолюцию, в которой также говорится об организации образцовых полков и которая была принята большинством голосов; но чтобы говорить о том, что в этой волости организация прошла лучше, чем в Гоголевской, то не приписываю.

И. Соколов

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 117, л. 6—6 об. Подлинник

¹ Мобилизация лиц 1896 и 1897 годов рождения.

98. Из доклада агитатора В. Попова Петергофскому уездному комитету РКП(б) об отношении крестьян к Красной Армии

2 января 1919 г.

Митинг был собран в имени Анташах.¹ По случаю дурной погоды собрание было немногочленно (не более 100 человек), в числе собравшихся присутствовали 23 человека чл[ена] коллектива [РКПб] Витинской волости.

Много было сказано [о] текущем моменте и о Красной Армии... Далее говорил тов. Прокофьев,² который дополнил мой доклад о

международном положении, еще раз остановился на некоторых пунктах о Красной Армии, подробно говорил о земельной реформе и указал еще раз на необходимость чрезвычайного налога.

Собрание к нашим докладам отнеслось очень сочувственно.

Несмотря на наши просьбы, никто из Собрания не решался задавать вопросов. Наконец один крестьянин подал записку, в которой ему — члену комитета бедноты — военный волостной комиссар предписывал предоставить в его распоряжение одну подводку под страхом отправки на Гороховую, 2.³ Военный комиссар оправдывал свою угрозу тем, что если не написать вышеуказанной угрозы, то лошадей никогда не подадут...

Три крестьянина в своих вопросах о налоге указывали на неправомерность разверстки; с чем, просмотрев списки обкладываемых, мы согласились, так как в списках фигурировали рядом с крупными суммами суммы 25 и даже 10 рублей, что означало, по нашему мнению, обложение бедноты.

Член городской организации Рос. Комм. парт.⁴ В. Попов

ЦГАИПД, ф. 1620. оп. 1, д. 46, л. 10—11. Подлинник

¹ Митинг был проведен агитаторами В. Поповым и П. Прокофьевым 29 декабря 1918 г. в имении Анташи Витинской волости Петергофского уезда Петроградской губернии.

² П. И. Прокофьев — член Губаницкой волостной организации РКП(б), командированный уездным комитетом РКП(б) на митинг вместе с агитатором В. Поповым.

³ Здесь находилась Петроградская губернская ЧК.

⁴ Имеется в виду Ново-Петергофская городская организация РКП(б).

99. Из доклада следователя-инструктора Комиссариата ВД СКСО Г. Козлова Комиссару ВД СКСО С. И. Равич о настроениях мобилизованных крестьян Олоонецкой губернии

2 января 1919 г.

Добавляю, что в Пудоже 11-го декабря произошла стрельба... Была назначена мобилизация крестьян, которые явились в Пудож и устраивали раза три митинги, на которых была вынесена резолюция об удовлетворении семьи призываемых красноармейским пайком хлеба на 12 суток до Петрограда и проч. Требования все не могут быть удовлетворимы, вдобавок они арестовали председателя Пудожской Чрезвычайной Комиссии тов. Шишова, который был через несколько минут освобожден карательным отрядом. На другой день после освобождения тов. Шишова был устроен митинг, на который потребовали товарища Шишова для объяснения, почему освобожден. Когда он пришел, то там стали поступать заявления взять с собой Шишова в Петроград или же пропустить сквозь ряды. Тогда они были окружены отрядом красноармейцев, но они не расходи-

лись. В этот момент последовал выстрел из револьвера (кто стрелял, неизвестно), получилась паника, бросились вон из помещения и в дверь; так как мобилизованных было 300, а красноармейцев около 20, то они для самообороны открыли стрельбу, результаты которой: двое убитых, один раненый. После чего главные подстрекатели в количестве 6-ти человек были арестованы, мобилизованные 12 декабря отправились в Петроград.

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 110, л. 1—1 об. Подлинник

**100. Доклад представителя ЦК РКП(б) С. Чернооченко
Иногородному отделу Комиссариата ВД СКСО о
поездке по Олонецкому уезду**

Январь 1919 г.

В декабре месяце было восстание в Ведлозерской волости: в Совете были коммунисты и сочувствующие, но работники слабые в отношении агитации, когда была мобилизация в образцовые полки, то крестьяне, благодаря черносотенной агитации, выражали недовольство, спрашивая, за что мы [будем] воевать. Ведлозерская волость находится на границе с Финляндией, благодаря чему оттуда всегда могла переезжать разная свора и вот сумела повести за собой беднейшее население. Когда о восстании известили уездного комиссара тов. Федорова, он взял красноармейцев и уехал туда. Восстание было подавлено и власть восстановлена по-прежнему, хотя не обошлось без кровопролития, так как был убит милиционер, исполнивший свой революционный долг.

С. Чернооченко

ЦГА СПб., ф. 142, оп. 8, д. 110, л. 18. Подлинник